

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Земцов Дмитрий Игоревич

**Университетские сообщества технологических энтузиастов
как субъект социокультурных изменений**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Момджян Карен Хачикович

Москва - 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СООБЩЕСТВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	20
§1. Дескриптивно-феноменологический портрет университетских сообществ технологических энтузиастов	20
§ 2. Определение онтологического статуса университетских сообществ технологических энтузиастов	50
Глава II. СУБЪЕКТНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СООБЩЕСТВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	78
§1. Проблема субъекта в социальной философии	78
§2. Субъектность университетских сообществ технологических энтузиастов в контексте дискуссий в современной теоретической социологии	103
Глава III. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СООБЩЕСТВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ	140
§1. Технологизация как фактор социального развития	140
§2. Участие университетских сообществ технологических энтузиастов в реализации социально-преобразующей миссии университета	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха отмечена ускорением технологического прогресса, стремительным вторжением технических инноваций в жизнь людей. Эти процессы оказывают мощное воздействие на все сферы жизни общества, изменяют привычный уклад жизни людей, трансформируют картину мира и ценностную систему современного человека, влияют на функционирование базовых социальных институтов, в том числе таких, как СМИ, образование, семья и др.

Новые технологии приобретают столь высокий уровень сложности и вместе с тем оказывают столь мощное воздействие на жизнь людей, что их создание может породить противоречие между востребованностью этих технологий и способностью их присвоения рядовыми членами общества. Углубление образовательного разрыва между разработчиками новых технологий и ординарными пользователями приводит к тому, что человек, оставленный один на один с технологиями высокой мощности, терпит поражение в битве за сохранение своей субъектности – попадает в «технологическое рабство», легко становится объектом манипуляций. Для предотвращения этих негативных эффектов технического прогресса необходимо своевременно ставить и решать вопросы о доступности плодов технологических инноваций всем членам общества и, шире, о судьбах людей в высокотехнологичном мире будущего.

Определенные коррективы в стратегии управления техническим прогрессом вносит и нынешняя мировая ситуация. Если еще десять лет назад возлагались оправданные надежды на общемировое разделение труда и региональную специализацию в глобальных масштабах, то сегодня, на фоне уже общепризнанного распада мира на экономические зоны, перед нашей страной встает двойная стратегическая задача: во-первых, опираясь на собственные силы, не только не допустить отставания, но добиться

преимущества в технологическом развитии; во-вторых, что не менее важно, сделать технический прогресс общенациональным делом, достичь широкой вовлеченности россиян в процессы технологического развития.

Речь идет о расширении и усложнении субъектности технологического прогресса. Даже в тех случаях, когда великие открытия совершаются гениями-одиночками, для возрастания этих гениальных одиночек необходима соответствующая социокультурная среда, что уже предполагает, как минимум, косвенное участие всего общества в научно-техническом прогрессе. Но, как правило, необходимым условием научно-технического творчества является наличие организованного сообщества коллег-единомышленников – профессионалов или энтузиастов, в дискуссиях с которыми и рождаются новаторские идеи и решения.

Отечественная история предлагает немало примеров того, как университетские сообщества технологических энтузиастов («кружков»), положили начало масштабным социокультурным явлениям, а свободное сообщество («кружок») технических энтузиастов, возникшее на базе университета, не только создает благодатную почву для научных открытий и технологических инноваций, но становится источником востребованных обществом социокультурных изменений. Такое квалифицированное сообщество людей, характеризующееся социальной ответственностью, органично связанное с обществом живыми социальными связями, разделяющее гуманистические ценности и руководствующееся позитивной целью поставить новые технологии на службу интересам общества и человека, способно не только создавать новые технологии, но и помочь обществу в полноценном их присвоении. Иными словами, такое сообщество должно обладать в полной мере социальной субъектностью.

Признание способности университетских сообществ продуцировать социокультурные изменения отражено на государственном уровне. Так, в

программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»¹ университетам прямо поставлена задача создать в стране социальную страту инновационных технологических предпринимателей.

Студенческие технологические сообщества в современных российских университетах имеют институционально-правовые основания для своего существования и деятельности. Со времен СССР в российских университетах действует система молодежных конструкторских бюро: в советский период такие бюро действовали примерно в 200 университетах. В 2019 году в ходе Всероссийского конкурса студенческих научных и конструкторских объединений было выявлено 31 молодежное (студенческое) конструкторское бюро. В 2022 году в проведенный Минобрнауки мониторинг выявил 105 университетских подразделений, схожих с молодежными (студенческими) конструкторскими бюро, хотя и не всегда имеющих это название. Наиболее популярные направления деятельности: робототехника (33), инженерия (27), компьютерная инженерия (17), БПЛА (16), 3D-проектирование и прототипирование. Средняя численность одного конструкторского бюро – 60 человек. В последнее десятилетие в российских университетах преподается дисциплина «Проектная деятельность», создаются центры проектной деятельности, в которых студенты в рамках расписания и в свободное время собираются в технологические команды. Такие центры проектной деятельности действуют примерно в 150 университетах. Средний охват центра – около 100 человек. Студенческие соревнования по технологическим проектам (студенческий трек Национальной технологической олимпиады, олимпиада «Я – профессионал» и др.) на старте «воронки» охватывают 10 – 50 тысяч участников. Однако если включить в анализ данные кружкового движения Национальной технологической инициативы, включающего старших школьников и студентов, можно получить охват молодежных

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»»

технологических проектов около 500 000 человек. На горизонте ближайших 3-5 лет нынешние участники школьных технологических проектов поступят в университеты и могут войти в университетские сообщества технологических энтузиастов.

Несмотря на обозначенный масштаб и в явном виде поставленные организационно-управленческие задачи, приходится констатировать, что социально-философский анализ способности университетских сообществ технологических энтузиастов быть субъектами социокультурных изменений до настоящего момента не осуществлялся. В целом можно констатировать недостаток в социально-философском дискурсе теоретических инструментов для описания роли университетских сообществ технологических энтузиастов в социокультурных изменениях. Этим обусловлена **теоретическая актуальность** настоящего исследования.

Практическая актуальность работы обусловлена

- существованием проблемы присвоения и использования обществом новых технологий в общем контексте взаимосвязи технологических и социокультурных изменений в современном мире;

- необходимостью кадрового обеспечения опережающего технологического развития России на современном этапе исторического развития;

- объективной потребностью оснащения отечественного управленческого корпуса образовательной сферы философски обоснованным концептуальным аппаратом, что позволит в полной мере реализовать потенциал университетских сообществ технологических энтузиастов как субъектов необходимых социокультурных изменений;

- значительными масштабами изучаемого феномена, его включенностью в процессы качественных изменений российской системы высшего образования.

Степень разработанности темы

В современном российском научном поле представлены публикации, посвященные тем или иным сторонам студенческой самодеятельной активности и жизнедеятельности различных студенческих сообществ². Что касается непосредственно студенческих технологических сообществ, то такие публикации исчисляются единицами и носят описательный характер³. Таким образом, данный тип университетских сообществ недостаточно системно освещен в отечественной социальной научной литературе.

В зарубежной литературе университетские сообщества технологических энтузиастов в качестве объекта исследовательского интереса начали проявляться также относительно недавно. Отправной точкой в этих исследованиях можно считать публикацию в 2005 году программной статьи основателя международного сообщества фаблабов (fablab) Нила Гершенфельда⁴. Позднее сформировалось направление исследований, использующее для описания пространства деятельности университетских сообществ технологических энтузиастов, понятие «третье место»⁵. В

² См., например: Дорохина Р.В. Деятельность студенческих организаций Московского университета в дореволюционной России // Современные исследования социальных проблем, № 1(25), 2016. – С. 213 – 225; Ефимов Д.Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. 24 (3). – С. 105 – 121; Баженова Н. Г. Теоретические основания конструирования студенческого самоуправления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 94–98; Бурякова О. А. Генетический анализ сущности студенческого самоуправления // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2008. – № 5/1 (64). – С. 112–118; Гарбузова Г. В. Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ярославль. – 2009. – 22 с.; Оленина Г. В. Развитие самоуправления студенческой молодежи в сфере досуга на основе проектного подхода: теория и практика // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2. – С. 99–102; Шарыпин А. В. Моделирование студенческого самоуправления в воспитательной системе вуза // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2012. – № 2, февр. – С. 292–297; Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – 1999. Ильинич В.И. Студенческий спорт и жизнь – М.: АО «Аспект Пресс», 2004 и др.

³ Андрюшков А.А., Старостинская А.В., Федосеев А.А., Концептуальный анализ существующих моделей полигонов практик будущего на стыке инновационного образования и научно-технологических разработок. Аналитический отчет, М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2019 г.; Андрюшков А.А. К истокам кружкового движения. Первые планерные кружки // Журнал кружкового движения НТИ, Ассоциация участников технологических кружков, 2021; Андрюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Инновации. 2019. №11 (253).

⁴ Gershenfeld N. Fab: the coming revolution on your desktop – from personal computers to personal fabrication, 2005.

⁵ Oldenburg R, Brissett D. The third place. Qual Sociol. 1982. 5(4). P. 265–284; Böhmer A, Beckmann A, Lindemann U (2015) Open innovation ecosystem-makerspaces within an agile innovation process. Paper presented at ISPIM innovation symposium, Brisbane, 6–9; Akhavan, M.. Third Places for Work: A Multidisciplinary Review of the Literature on Coworking Spaces and Maker Spaces. In: Mariotti, I., Di Vita, S., 2021; Akhavan, M. New

отдельных работах эти сообщества исследуются в контексте философии, социологии и технологии образования⁶. Особого интереса в рамках проблематики исследования заслуживают работы, описывающие механизмы развития коллективной трансформирующей агентности в этих сообществах⁷.

Как сказано выше, социально-философских исследований, равно как и фундаментальных обобщающих аналитических работ, непосредственно посвященных университетским сообществам технологических энтузиастов, на текущий момент пока не создано. В настоящей работе для исследования выбранного объекта используется общетеоретическая база социальной философии, теории, методологии и истории философии, теоретической социологии.

Вопрос о природе сообществ получил последовательное освещение на разных этапах развития социальных наук. Его основания можно усмотреть в понятиях «общности» Ф.Тенниса⁸, «солидарности» Э.Дюркгейма⁹, «общины» М.Вебера¹⁰, «соборности» в русской философии, в частности, у В.Н.Лосского¹¹, а также представителей теоретической социологии. В ходе выработки подхода к определению онтологического статуса университетских сообществ технологических энтузиастов через установление их места в

Workplaces—Location Patterns, Urban Effects and Development Trajectories. Research for Development. Springer, Cham, 2021.

⁶ Bevan B., Ryoo J.J., Shea M., Kekelis L., Pooler P., Green E., Hernandez M. Making as a strategy for afterschool STEM learning. Report from the Californian Tinkering Afterschool Network Research-Practice Partnership. San Francisco, CA: 2016; Calabrese Barton, A., & Tan, E. A longitudinal study of equity-oriented STEM-rich making among youth from historically marginalized communities. *American Educational Research Journal*, 2018. № 55(4), P. 761–800; Kumpulainen, Kristiina, Anu Kajamaa, and Antti Rajala. Understanding educational change: Agency-structure dynamics in a novel design and making environment // *Digital Education Review* 33 (2018): P. 26-38; Calabrese Barton, A., & Tan, E. A longitudinal study of equity-oriented STEM-rich making among youth from historically marginalized communities. *American Educational Research Journal*, 2018. № 55(4), P. 761–800.

⁷ Anu Kajamaa & Kristiina Kumpulainen () Agency in the making: Analyzing students' transformative agency in a school-based makerspace, *Mind, Culture, and Activity*, 2019. №26:3, P. 266-281.

⁸ Теннис Ф. *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / Пер.с нем. Д. В. Складнева – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002.

⁹ Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии.* - М., 1990.

¹⁰ Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии.* в 4 т. Т.2: *Общности* / Пер. с нем. ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

¹¹ Лосский В.Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви; Догматическое богословие.* - М.: Центр «СЭИ», 1991.

типологии сообществ учитывались идеи представителей чикагской школы социологии¹², Э.Гидденса и Ф. Саттона¹³, использовались понятия «воображаемых сообществ» Б.Андерсона¹⁴ и «интерактивных мультидоступных компьютерных сообществ» Дж. Ликлайдера и Р. Тейлора¹⁵, понятие «платформы» сообщества, введенное в аппарат общественных наук Н.Шрничеком¹⁶. Также учитывался подход к типологизации социальных групп, предложенный К.Х.Момджяном¹⁷. Используемый в настоящем исследовании концептуальный аппарат опирается на результаты перечисленных ученых, одновременно с этим ставится вопрос о необходимости его расширения для описания университетских сообществ технологических энтузиастов как нового объекта исследования, сочетающего в себе свойства различных типов сообществ.

Вопрос о субъекте в современной социальной теории носит проблемный и дискуссионный характер. В ряде достаточно авторитетных философских подходов XX века ставится под сомнение или прямо отрицается онтологический статус субъекта¹⁸. Вместе с тем в отечественной социальной философии и теоретической социологии проблематика социальной субъектности активно разрабатывается¹⁹, дискутируются вопросы

¹² Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. - С. 1

¹³ Giddens A., Sutton P.W. Essential concepts in sociology. Cambridge, 2017.

¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016.

¹⁵ Licklider J.C.R., Taylor R.W. The computer as a communication device // Reprinted from Science and Technology. 1968. Vol. 76.

¹⁶ Шрничек Н. Капитализм платформ. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

¹⁷ Момджян К.Х. К вопросу о типологии социальных групп // Вопросы философии. 2012. №1. - С. 39 – 48.

¹⁸ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вст. ст. Н.С. Автономовой. – СПб., А-сад, 1994; Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

¹⁹ См., например: Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1., М.: Издательство Московского Университета, 2013; Аксенова О.В. Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (на примере эколоитической сферы) // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М., 2008. - С. 181–193; Яблокова Н.И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и

коллективной субъектности. Зарубежная теоретическая социология также не отказывается от категории социального субъекта, диверсифицируя ее в виде спектра смежных понятий: *субъект, актор, агент, актант*, что позволяет выявить различные аспекты субъектности, в том числе связанные с социальным действием и деятельностью вообще. В исследовании учитывались подходы авторов, развивающих, в традиции П.Бурдьё, теорию социальных полей как пространства игры социальных агентов²⁰. Особого интереса заслуживает подход Н.Флигстина и Д.Макадама, связавших закономерности развития социальных полей («полей стратегического действия») с деятельностью коллективных субъектов (агентов)²¹.

Значительный вклад в изучение научно-технических и изобретательских сообществ внесли французские и британские социологи периода «после Бурдьё», в том числе Л. Болтански, Л. Тевено, М. Каллон, Бр. Латур, Дж.Ло. Их методологические разработки представляются наиболее релевантными свойствам объекта настоящего исследования.

Вопрос о влиянии технологизации и технического прогресса на социальные изменения имеет многовековую историю в социально-философском дискурсе, причем спектр оценок этого влияния чрезвычайно широк – от оптимизма деятелей французского Просвещения, чьи идеи послужили основой для формирования модели университетов нового времени, до крайнего скептицизма их современников Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, английских авторов антиутопий Р.Оуэна, Дж.Свифта, ряда представителей немецкого романтизма. К.Маркс на основе политико-экономического анализа капиталистического мануфактурного производства в социально-философском плане развил диалектику власти и господства, в которой раскрыл

развития. – Дисс. ... д. филос. наук. – М., 2000; Яблокова Н.И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2018, №5. – С. 101-103 и др.

²⁰ Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993; Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования № 3, 2023, и др.

²¹ Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей // Экономическая социология. Т. 23. № 1. Январь 2022. – С. 60 – 100.

двойственную по отношению к человеку природу техники: с одной стороны, как средства господства человека над человеком в условиях капиталистического производства, с другой стороны, как возможность в перспективе освобождения человека и господства его над природой. Значительный вклад в осмысление социальных эффектов технического прогресса внесли Э.Тоффлер²² и неоконсерваторы Д. Белл²³, И.Кристал, Н.Глейзер, Р. Нисбет и др.²⁴ Другое направление в изучении развития техники представляет так называемый «эмпирический поворот»²⁵, истоки которого усматриваются в концепции структуры научных революций Т.Куна²⁶. К сегодняшнему дню исследования науки и технологий представляют собой отдельное направление, которое отличается вниманием как к философским, так и к социологическим аспектам науки и техники²⁷.

Теоретические вопросы социальной динамики и социокультурных изменений освещены в ряде диссертационных исследований, разработанных в рамках научной школы социальной философии МГУ имени М.В.Ломоносова, под научным руководством представителей современной отечественной социальной философии, таких как К.Х.Момджян²⁸, В.С.Кржевов²⁹ и др.

²² Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. —557 с.

²³ Bell D. The coming of the post-industrial society: A venture in social forecasting. N.Y., 1973; Bell D. Creating a genuine national society // Current. N.Y., 1976. No9. P. 79.

²⁴ Неоконсервативная мысль в США: Научно-аналитический обзор (д.и.н. А.В.Валюженич. ИНИОН). М., 1995. С. 11.

²⁵ Kroes P., Meijers A. The empirical turn in the philosophy of technology. – 2001; Brey P. Philosophy of technology after the empirical turn //Techné: Research in philosophy and technology. – 2010. – Т. 14. – №. 1. – С. 36-48.

²⁶ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с. — (Логика и методология науки).

²⁷ Sismondo S. An introduction to science and technology studies. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – Т. 1. – С. 1-11; Winner, L. (1980). Do Artifacts have politics? Daedalus 109: 121-136; Sclove R. Democracy and technology. – Guilford Press, 1995; Брызгалина Е. В. Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа //Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – №. 3. – С. 55-82 и др.

²⁸ Милых А.О. Тенденции социально-исторической динамики постиндустриального общества и перспективы его развития: социально-философский анализ. – Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 134 с.; Михайлов А.И. Методологические проблемы исследования социальных трансформаций. - Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 137 с. и др.

²⁹ Цуркан Е.Г. Социокультурная динамика и интернет-технологии: социально-философский анализ. - Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 244 с.

Описанные выше теоретические концепции и прикладные исследования, с одной стороны, представляют собой фундаментальную методологическую базу, с другой стороны, оставляют ряд открытых вопросов, решению которых и посвящено диссертационное исследование.

Цель диссертационного исследования – осуществить социально-философский анализ университетских сообществ технологических энтузиастов как субъекта конструктивных социокультурных изменений.

Из поставленной цели вытекает последовательность исследовательских **задач**:

– на основе обобщения эмпирических фактов построить феноменологическое описание и определить онтологический статус университетских сообществ технологических энтузиастов, описать характерные для них социальные практики, направления продуцируемых ими социокультурных изменений, роль бывших участников этих сообществ (выпускников) в распространении этих изменений;

– определить субъектный статус университетских сообществ технологических энтузиастов в контексте теоретических дискуссий социальной философии и теоретической социологии;

– выявить социальную миссию университетских сообществ в условиях технологического общества и ее место с учетом социальной миссии современных российских университетов.

Объект диссертационного исследования – университетские сообщества технологических энтузиастов в России XXI века.

Предмет исследования – социальная субъектность университетских сообществ технологических энтузиастов в аспекте их способности порождать социокультурные изменения.

Научная новизна диссертационного исследования определяется выбором его темы, объекта и предмета, поскольку университетские сообщества технологических энтузиастов впервые становятся объектом

социально-философского исследования, впервые ставится вопрос об их субъектности в аспекте их влияния на социокультурные изменения в обществе.

В ходе исследования автором получен целый ряд конкретных результатов, характеризующихся научной новизной. А именно:

1. Построено дескриптивно-феноменологическое описание университетских сообществ технологических энтузиастов, выявлены их характеристические признаки: отсутствие внутренней конкуренции, меритократическое лидерство, горизонтальные связи между участниками внутри сообщества, плотная инкорпорированность в поле университета и вместе с тем направленность во внешние социальные поля: технологического предпринимательства, образовательных инноваций, технологической филантропии; определены условия индивидуального успеха внутри сообщества (инициативность, личный энтузиазм, проектное мышление, ориентированность на результат, готовность поддерживать идеи других участников сообщества).

2. На основании сопоставления социально-философских концепций и реальных характеристических признаков университетских сообществ технологических энтузиастов определен онтологический статус этих сообществ, выявлены их сущностные характеристики: отношения с университетом как с «платформой» развертывания деятельности сообщества; временный («транзиторный») характер сообществ; ключевая роль выпускников сообществ как субъектов переноса практики сообществ в более широкие социальные поля; способность к выработке новых социальных практик основанных на современных технологиях («практик будущего»).

3. На основании сопоставительного анализа подходов современной социальной философии и теоретической социологии разработаны теоретико-методологические основания исследования университетских сообществ как субъектов социокультурных изменений: показана актуальность

использования категории субъекта для описания способности сообществ к социальным изменениям; продемонстрирована применимость отдельных положений теории полей (а именно учения о двойственной роли социальных агентов как, с одной стороны, исполнителей предзаданных правил игры и, с другой стороны, субъектов социальных изменений) для изучения проактивной роли университетских сообществ в университете и обществе; продемонстрированы возможности акторно-сетевой теории для исследования предметной деятельности университетских сообществ (а именно применимость концепта актора для описания технологий как сложных акторов общественной жизни).

4. С опорой на современные исследования науки и технологий (science and technology studies, STS) и концептуальный анализ классических текстов, описывающих модели университетов, показано, что миссия общественного развития является имманентно присущей идее университета; обоснована ключевая роль университетских сообществ технологических энтузиастов в реализации этой миссии в условиях ускоряющейся технологизации благодаря способности этих сообществ способствовать синхронизации и гармонизации технологических и социокультурных изменений.

Теоретическое и практическое значение работы обусловлено новизной и научной ценностью его результатов и теоретических положений. Содержащиеся в диссертации результаты, теоретические положения и выводы могут быть использованы при разработке программных документов как в области управления научно-техническим развитием, при решении задач, возникающих в ходе достижения технологического суверенитета нашей страны, так и в сфере организации высшего образования, в учебном процессе, в организации работы университетов со студентами, а также непосредственно как в ходе преподавания общего курса социальной философии, так и при разработке ряда спецкурсов по социальной философии.

Методологическую основу решения вышеперечисленных задач составляют принципы и методы философского исследования общества как сложной, открытой, развивающейся системы, базовым элементом которой является человек как социальное существо, субъект деятельности и общения, участник сложных интерсубъектных взаимодействий, приводящих к образованию интегративных субъектов социального действия. Наряду с этим исследование базируется на общих принципах объективности, научности, исследования социальных явлений на основе синтеза логического и исторического подходов; принципах теоретико-социологического, историко-социологического, анализа. Также в ходе исследования применялись методы логического анализа и контекстуального анализа теоретических источников. На предварительном этапе работы автором применялись эмпирические методы конкретно-социологического исследования, в том числе метод глубинного интервью, включенного наблюдения, метод качественного контент-анализа. Результаты применения этих методов использовались для феноменологического описания объекта исследования и получили отражение в первом параграфе первой главы работы. В дальнейшем применительно к объекту исследования – университетским сообществам технологических энтузиастов – использовались концепции сообщества, концепция преобразующего социальную структуру социального действия, концепция коллективного субъекта такого действия, концепция взаимосвязи социокультурных и технологических изменений.

Особое место в структуре теоретико-методологической базы заняли концепции и подходы ряда французских и британских социологов периода «после Бурдьё». К особенностям данного направления, предопределившим выбор его в качестве методологически перспективного при изучении университетских сообществ технологических энтузиастов, следует отнести отказ от «социологии подозрения», описывающей все пространство

социального действия как борьбу за власть или другие ресурсы³⁰; отказ от конституирования власти и господства как исходных данных, стремление обосновать их производный, конструируемый и факультативный (не обязательный) характер³¹; стремление описывать взаимодействие сообщества с технологией как актором высокой сложности, в целом высокий интерес к исследованию предметного содержания деятельности научных сообществ³²; признание иницирующей и конституирующей роли объектов, на которые направлена деятельность сообщества для формирования самого сообщества и отношений между его членами³³; учение Л.Болтански и Л.Тевено о «градах»³⁴, обосновывающее реальность коллективного (интегративного) социального субъекта и описывающее механизмы его формирования в результате деятельностного общения индивидуальных субъектов.

На базе полученных результатов сформулированы следующие теоретические **положения**, которые **выносятся на защиту**:

1. Университетские сообщества технологических энтузиастов обладают набором специфических свойств, корнящихся в их особых отношениях с а) университетом (определяющим «правила игры», предоставляя в то же время и определенную свободу), б) технологиями (представляющими собой объект социокультурного присвоения сообществом), в) собственными участниками (вступающими в сообщество временно и добровольно) и г) выпускниками (переносящими практики сообществ во внешние социальные поля).

³⁰ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с. — (Социальная теория).

³¹ Law J. On Power And Its Tactics: A View From The Sociology Of Science // Sociological Review. August 2011. # 34(1)/ - P. 1 – 38; Law, John, ed. Power, action, and belief: a new sociology of knowledge. London Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986; Law, John, ed. A sociology of monsters: essays on power, technology, and domination. London New York: Routledge 1991.

³² Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева, предисловие О.Хорхордина. — СПб.: Изд.-во Европейского университета в СПб, 2013. - 414 с. - (Прагматический поворот; вып. 6).

³³ Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А.В. Дьякова. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 316 с.

³⁴ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В.Ковенековой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

2. Сообщества технологических энтузиастов представляют собой особый тип сообщества, специфичный по параметрам локализации, демографических и социально-психологических характеристик членов, внутренней структуры, предметно-деятельностной основы, внешних социальных связей. Это локально-платформенные, новые (в отличие от традиционных) сообщества молодых людей с высоким творческим потенциалом, мотивированных на получение знаний и самореализацию в профессии и/или социальном служении, продуктивно-творческие, ориентированные на инновационную проектную деятельность по развитию новых технологий и соответствующих им социальных практик, транзиторные по форме участия и оказывающие социо-преобразующее воздействие на внешние социальные поля через своих выпускников.

3. Категория «субъект», несмотря на его проблематизацию во второй половине XX – начале XIX века, сохраняет актуальность для социально-философских исследований и, в частности, для исследования сообществ технологических энтузиастов, которые предлагается понимать и как совокупность индивидуальных субъектов, и как коллективный (интегративный) субъект социального действия.

4. Категории «агент» и «актор», сформированные в теоретической социологии, могут быть применены для описания социо-преобразующей способности университетских сообществ технологических энтузиастов (через понятие «трансформирующая агентность») и их взаимодействия с новыми технологиями в процессе выработки соответствующих им социальных практик (через описание новых технологий как сложных акторов в духе акторно-сетевой теории).

5. Университетские сообщества технологических энтузиастов могут и призваны способствовать устранению углубляющегося компетентностного разрыва между разработчиками новых технологий и их пользователями, обладая всеми необходимыми для этого свойствами. Роль этих сообществ –

социокультурное «присвоение» технологий человеком, распространение технологических компетенций, создание вокруг себя широкого социального поля приверженцев, то есть формирование и распространение «практик будущего». Тем самым эти сообщества способны помочь обществу в присвоении новых технологий и гармонизации социокультурных и технологических изменений, уменьшении и устранении разрыва между разработчиками и пользователями новых технологий.

6. Для деятельности сообществ технологических энтузиастов как субъекта социокультурных изменений современный университет призван создавать и поддерживать необходимые условия, в том числе благоприятную коммуникативную среду как в стенах университета, так и после выпуска. Поддержка сообществ технологических энтузиастов в силу их роли как субъектов конструктивных социокультурных изменений, претендует на роль органичной части социальной миссии современных российских университетов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов достигается автором за счёт ясности и обоснованности методологической базы исследования, которая позволяет привлекать обширный историко-философский материал, а также наиболее влиятельные современные социально-политические теории и концепции для верификации основной гипотезы исследования и положений, вынесенных на защиту. Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Основные положения диссертации нашли отражение в выступлениях диссертанта на научных форумах, в организационно-практической деятельности автора как лидера рабочей группы по развитию в России

движения технологических кружков (технологических энтузиастов) и в публикациях автора по теме исследования:

1. Андрюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Национальная технологическая инициатива, 2019, №11 (253). - С. 24 – 29.

2. Земцов Д.И., Яськов И.О. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы образования, 2021. №4. – С. 97 – 116.

3. Земцов Д.И., Хукаленко Ю.С. Выпускнический капитал: стратегии взаимодействия с выпускниками университета // Высшее образование в России. Т. 32, №1. 2023. – С. 35 - 50.

4. Земцов Д.И. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблабы, ЦМИТы, кружки // Высшее образование в России. Т. 32, №5, 2023. – С. 36 - 55.

5. Д.И. Земцов. «Третья миссия» университета? Модель университета как элемент проекта общественного развития // Вопросы философии. 2023. № 12. - С. 65–75.

Структура диссертации вытекает из последовательности поставленных целей и задач. Диссертация включает шесть параграфов, объединенных в три главы, а также введение, заключение и список использованных источников и литературы.

Глава I.
УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СООБЩЕСТВА
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

§1. Дескриптивно-феноменологический портрет университетских сообществ технологических энтузиастов

Задача настоящего параграфа – построить дескриптивно-феноменологическое описание объекта исследования как фрагмента наличной современной социальной реальности. Необходимость такого описания вызвана тем, что, как уже отмечалось во Введении, университетские сообщества технологических энтузиастов в современной России впервые становятся объектом социально-философского анализа. По этой причине необходимо прежде всего увидеть объект «как он есть», в его целостности, воздерживаясь поначалу от выдвижения теоретических гипотез, с тем чтобы, составив общее интуитивно ясное и, насколько это возможно, полное представление об объекте, отделив существенные (инвариантные) признаки от случайных (изменяемых), только затем перейти к решению вопроса о выборе адекватного объекту методологического инструментария для проникновения в сущность исследуемого социального явления.

Дело в том, что выбор определенного теоретико-методологического подхода обязывает исследователя к использованию соответствующей категориальной сетки. И понятно, что если такой выбор осуществляется по отношению к новому, неизвестному или слабо описанному объекту, то возникает риск того, что конфигурация «ячеек» этой сетки окажется неподходящей для данного объекта, какие-то существенно важные элементы или характеристики не попадут в фокус внимания исследователя. По этой причине первый параграф исследования предназначен для того, чтобы «увидеть» объект невооруженным взглядом, оценить его масштабы, очертить

внешние параметры, что и позволит затем подобрать подходящую «сеть». Именно в этом, общенаучном смысле говорится о дескриптивно-феноменологическом портрете явления, а не в связи с «феноменологией в строжайшем смысле», в определении Г.Шпигельберга³⁵, «как она была постепенно сформирована Гуссерлем»³⁶, задействующей «специальную операцию, названную “феноменологической редукцией”»³⁷. Широко понимаемый феноменологический подход к первичному описанию изучаемых явлений с опорой на непосредственное интуитивное восприятие широко используется в научной методологии не только последователями Э.Гуссерля. «Описательная феноменология поэтому ориентируется, как правило, не на понятия, символы, теории и гипотезы или их конкретные референты в опыте, но на сами явления»³⁸.

Вместе с тем, как уже отмечалось и во введении, определенные прецеденты подходов к изучению университетских сообществ в отражены в литературе. Обзором этих подходов необходимо предварить собственно «портретное» описание современных российских университетских сообществ технологических энтузиастов.

Примечательно, что сам термин «сообщество» – это один из традиционных переводов с латыни слова «universitas». Ряд исследователей связывают становление университетской культуры с инициативной деятельностью факультетских и земляческих сообществ студентов средневековых европейских университетов³⁹. И хотя это лишь один из

³⁵ Шпигельберг Г.Ш. Феноменологическое движение. Историческое введение. Пер. с англ. / Перевод группы авторов под ред М. Лебедева, О. Никифорова (Ч.З). - М.: «Логос», 2002. – С. 24.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: Критический анализ / Отв. ред. Б.Т.Григорьян. - Москва : Наука, 1985. - С. 174.

³⁹ См.: Пискорский В.К. Начало академической свободы в Западной Европе. Речь, произнесенная на годовичном акте Нежинского института 30 августа 1899. - Нежин, 1900;

аспектов многогранной истории университетов, нельзя не признать, что идея сообщества, горизонтальной самоорганизации и университетской солидарности являются важной частью академических традиций.

В российском университетском дискурсе широко используются термины «университетское сообщество», «академическое сообщество», употребляемые в широком смысле и описывающие общность свойств и позиций людей, включенных в жизнь университета: преподавателей, исследователей, администраторов, глубоко инкорпорированных в университетскую жизнь студентов. Вместе с тем сколько-нибудь строгого определения этот термин пока не получил, равно как и не стал объектом специальных исследований.

Несколько лучше в России изучены студенческие университетские сообщества. Исследования посвящены студенческим сообществам как «братствам», в сопоставлении с немецкими и североамериканскими студенческими сообществами⁴⁰; органам студенческого самоуправления⁴¹;

Липатникова Г.И. Введение // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. / Под ред. и с предисл. А. Е. Москаленко ; вступ. ст, пер. и примеч. Г. И. Липатниковой; м-во просвещения РСФСР. – Воронеж: изд-во Воронежского пед. ин-та, 1973. – С. 17.

⁴⁰ Дорохина Р.В. Деятельность студенческих организаций Московского университета в дореволюционной России // Современные исследования социальных проблем, № 1(25), 2016. – С. 213 – 225.

⁴¹ Ефимов Д.Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. 24 (3). – С. 105 – 121; Баженова Н. Г. Теоретические основания конструирования студенческого самоуправления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 94–98; Бурякова О. А. Генетический анализ сущности студенческого самоуправления // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2008. – № 5/1 (64). – С. 112–118; Гарбузова Г. В. Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ярославль. – 2009. – 22 с.; Оленина Г. В. Развитие самоуправления студенческой молодежи в сфере досуга на основе проектного подхода: теория и практика // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2. – С. 99–102; Шарыпин А. В. Моделирование студенческого самоуправления в воспитательной системе вуза // Вестн. Оренбург.

студенческим спортивным обществам⁴²; студенческим технологическим сообществам⁴³. Особенность многих исследований этого ряда состоит в глубокой инкорпорированности авторов в исследуемый тип сообщества: исследователи «братств» тесно связаны с организаторами сообщества «fraternitas ruthenica»; исследователи студенческих советов часто являются действующими или бывшими «студсоветчиками». Так, автор настоящего исследования и публикаций по теме технологических сообществ является одним из координаторов российского движения технологических кружков. Можно сказать, что исследователи студенческих сообществ реализуют стратегию «исследовать, чтобы институционализировать», что повышает ценность этих исследований для феноменологического описания студенческих сообществ в современной России.

Студенческие сообщества сочетают в себе формальные и неформальные характеристики. Будучи частью университета как формальной организации, такие сообщества всегда имеют то или иное нормативное-организационное оформление. При этом в академическом сообществе существует устойчивое мнение, что сообщество, существующее только в формальных рамках, имеет

гос. ун-та. – 2012. – № 2, февр. – С. 292–297; Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – 1999.

⁴² Ильинич В.И. Студенческий спорт и жизнь – М.: АО «Аспект Пресс», 2004.

⁴³ Андриюшков А.А., Старостинская А.В., Федосеев А.А., Концептуальный анализ существующих моделей полигонов практик будущего на стыке инновационного образования и научно-технологических разработок. Аналитический отчет, М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2019 г.; Андриюшков А.А. К истокам кружкового движения. Первые планерные кружки // Журнал кружкового движения НТИ, Ассоциация участников технологических кружков, 2021; Андриюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Инновации. 2019. №11 (253).

меньшую ценность, чем то, в котором существует неформальная («подлинная») деятельность⁴⁴.

Непосредственным объектом настоящего диссертационного исследования являются университетские сообщества технологических энтузиастов. Мы исключаем из рассмотрения другие типы университетских сообществ, в том числе органы студенческого самоуправления, различные студенческие «братства», претендующие на закрытость и даже некоторую конспиративность («*fraternitas ruthenica*» и т.п.), студенческие политические объединения, в том числе ориентированные на протестную деятельность, различные досуговые объединения, коллективы художественной самодеятельности (студенческие театры, команды КВН, танцевальные клубы и т.п.), поскольку их деятельность не связана с инновационно-технологической деятельностью.

Отметим, что, в отличие от кружков, в деятельности которых могут в существенном количестве принимать участие школьники, то есть дети и подростки, университетские сообщества – это сообщества по большей части состоящие из взрослых людей (студентов), а значит, полноценных субъектов социального действия, способных принимать ответственные инициативные решения. И это является одним из оснований выбора предмета исследования.

Наконец, базируясь в университете, тем самым являясь частью университета, университетские сообщества могут оказывать определенное влияние на университет, что и предстоит выяснить в ходе исследования.

Рабочее описание университетских сообществ технологических энтузиастов можно сформулировать так: речь в настоящем исследовании будет идти о студенческих группах, устойчиво действующих на базе российских университетов (несмотря на постоянную частичную смену состава

⁴⁴ См.: Земцов Д.И., Яськов И.О. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 97–116.

по причине выпуска из университета отдельных участников); как правило имеющих доступ к технологическому оборудованию и наставникам; базовая деятельность которых представляет собой реализацию технологических проектов, а ведущая мотивация участников которых строится на бескорыстном интересе к проектами и технологиям, хотя и не исключает планов и успешных примеров коммерциализации таких проектов и технологий.

Количественная оценка исследуемого феномена представляет собой проблему, так как статистические данные о сообществах технологических энтузиастов на федеральном уровне регулярно не собираются. Вместе с тем примерную количественную оценку можно дать на основе перекрестного анализа имеющихся данных. Студенческие технологические сообщества в современных российских университетах имеют институционально-правовые оснований для своего существования и деятельности. Со времен СССР в российских университетах действует система молодежных конструкторских бюро: в советский период такие бюро действовали примерно в 200 университетах. В 2019 году в ходе Всероссийского конкурса студенческих научных и конструкторских объединений, было выявлено 31 молодежное (студенческое) конструкторское бюро. В 2022 году в проведенный Минобрнауки мониторинг выявил 105 университетских подразделений, схожих с молодежными (студенческими) конструкторскими бюро, хотя и не всегда имеющих это название. Наиболее популярные направления деятельности: робототехника (33), инженерия (27), компьютерная инженерия (17), БПЛА (16), 3D-проектирование и прототипирование. Средняя численность одного конструкторского бюро – 60 человек. В последнее десятилетие в российских университетах преподается дисциплина «Проектная деятельность», создаются центры проектной деятельности, в которых студенты в рамках расписания и в свободное время собираются в технологические команды. Такие центры проектной деятельности действуют

примерно в 150 университетах, средний охват центра – около 100 человек. Студенческие соревнования по технологическим проектам (студенческий трек Национальной технологической олимпиады, олимпиада «Я – профессионал» и др.) на старте «воронки» охватывают 10 – 50 тысяч участников. Однако если включить в анализ данные кружкового движения Национальной технологической инициативы, включающей старших школьников и студентов, можно получить охват молодежных технологических проектов около 500 000 человек. На горизонте ближайших 3-5 лет нынешние участники школьных технологических проектов поступят в университеты и могут войти в университетские сообщества технологических энтузиастов. Таким образом, объект настоящего исследования – это *сообщество мощностью от 50 до 500 тысяч человек*, что подчеркивает масштаб явления и значимость его изучения.

Современные публикации об университетских сообществах технологических энтузиастов показывают интерес исследователей-практиков и визионеров к этому феномену, демонстрируют позиционность таких исследований, но не складываются в единый концептуальный аппарат и отличаются отсутствием терминологического единообразия.

Исходным пунктом исследований университетских сообществ технологических энтузиастов на современном этапе послужила опубликованная в 2005 году работа Нила Гершенфельда⁴⁵. Основатель международного сообщества фаблабов (fablab) провозгласил приближение технологической революции «персональных фабрик», способной, по мысли автора, преобразовать потребительскую экономику в экономику персональных распределенных производств и сделать физический мир настолько же программируемым, как и цифровой.

⁴⁵ Gershenfeld N. Fab: the coming revolution on your desktop – from personal computers to personal fabrication, 2005.

В 1998 году профессор Нил Гершенфельд начал преподавать в Массачусетском технологическом институте курс «Как сделать (почти) все», название которого впоследствии трансформировалось в девиз движения фаблабов: «мы можем сделать все, что угодно практически из ничего».

Первый фаблаб в MIT был открыт в 2001 году, а взрывной рост их популярности пришелся на 2009-2010 годы. Мировое движение фаблабов создало бесплатные беспроводные интернет-сети в Афганистане и Кении, глобальную инициативу по экологическому преобразованию городов, обеспечило миллионы врачей средствами индивидуальной защиты в первую волну пандемии COVID-19. Российский сегмент движения «Мейкеры против COVID» за полгода работы поставил врачам более 170 000 изделий, помощь получили 40% государственных больниц и 6% медиков России.

По состоянию на август 2022 года в мире функционировало 2072 фаблаба⁴⁶. Сегодня фаблабы – это глобальная сеть лабораторий, способствующая изобретательству и предоставляющая для этого доступ к инструментам цифрового производства. Исследователи, разделяющие идеи Гершенфельда, связывают социо-преобразующую миссию университета («третью миссию») с перспективой перехода к новому техно-экономическому укладу, в котором главную роль будет играть распределенное, экономичное и «кастомизированное» производство⁴⁷. Усматриваются связи между экономикой знаний, в которую включены университеты, и будущей «экономикой материализации знаний», которая благодаря новым производственным возможностям оказывается доступна университетам⁴⁸.

⁴⁶ <https://www.fablabs.io/labs>

⁴⁷ Birtchnell Th., Böhme T., Gorkin R., 3D printing and the third mission: The university in the materialization of intellectual capital, *Technological Forecasting and Social Change*, Volume 123, 2017, P. 240-249.

⁴⁸ Ratto M., Ree R., *Materializing information: 3D printing and social change*, First Monday, 2012. #17.

Другое направление исследований сообществ технологических энтузиастов в университетах предлагает анализировать пространство их работы через понятие «третье место», которое вошло в научный обиход в 1980-х годах⁴⁹. «Третье место» противопоставляется одновременно первому (дом) и второму (работа, учеба) и представляется как своеобразная социальная арена, где люди демонстрируют цельность, самостоятельность и вовлеченность. Традиционно под третьими местами понимаются кафе, бары, торговые центры⁵⁰, но также к ним относят и пространства совместной работы технологических энтузиастов в университетах – фаблабы, мейкерспейсы⁵¹.

Исследователи этого направления большое внимание уделяют новым принципам совместной работы, опирающихся на идею сообщества. Центральным понятием становится коворкинг – общая среда, где собираются независимые работники умственного труда, чтобы «работать в одиночку вместе»⁵². В коворкингах работники могут использовать преимущества сообществ (например, сотрудничать с коллегами), но оставаться свободными от иерархий⁵³. Понимание пространства работы университетских технологических энтузиастов как коворкинга включает их в более широкий контекст общественного развития: обновления трудовых и экономических

⁴⁹ Oldenburg R, Brissett D. The third place. *Qual Sociol.* 1982. 5(4). P. 265–284.

⁵⁰ Bilandzic M, Foth M (2013) Libraries as coworking spaces: understanding user motivations and perceived barriers to social learning. *Libr Hi Tech* 31(2):254–273.

⁵¹ Böhmer A, Beckmann A, Lindemann U (2015) Open innovation ecosystem-makerspaces within an agile innovation process. Paper presented at ISPIM innovation symposium, Brisbane, 6–9; Akhavan, M.. Third Places for Work: A Multidisciplinary Review of the Literature on Coworking Spaces and Maker Spaces. In: Mariotti, I., Di Vita, S., 2021; Akhavan, M. *New Workplaces—Location Patterns, Urban Effects and Development Trajectories*. Research for Development. Springer, Cham, 2021.

⁵² Spinuzzi, C. Working alone together: Coworking as emergent collaborative activity. *Journal of Business and Technical Communication*, 2012 (26). – P. 399–441.

⁵³ Jones, D., Sundsted, T., Bacigalupo, T. *I'm outta here! How coworking is making the office obsolete*. Austin, TX: Not an MBA Press, 2009.

отношений, повседневных управленческих и рабочих практик, ведущего к преобладанию «горизонтальных» или «бирюзовых» организационных форм⁵⁴.

Еще одно направление исследований сообществ технологических энтузиастов фокусирует внимание на их способности к обновлению образовательных практик. В качестве основных векторов таких изменений авторы выделяют: переход к проектно-центричной модели междисциплинарного образования на основе инженерного подхода к математике и естественным наукам, часто используется термин STEM-образование⁵⁵; смещение ориентации образовательных технологий с трансляционных, ориентированных на учителя, на интерактивные, ориентированные на ученика и его проактивность в образовательном пространстве⁵⁶; расширения доступа к образованию для молодежи из неблагополучных семей и социальных слоев благодаря вовлекающему и организующему воздействию сообщества энтузиастов⁵⁷; развитие в молодежных командах технологических энтузиастов коллективной трансформирующей агентности⁵⁸.

⁵⁴ Spinuzzi, C. All edge: Inside the new workplace networks. Chicago, IL: University of Chicago Press. 2015.

⁵⁵ Bevan B., Ryoo J.J., Shea M., Kekelis L., Pooler P., Green E., Hernandez M. Making as a strategy for afterschool STEM learning. Report from the Californian Tinkering Afterschool Network Research-Practice Partnership. San Francisco, CA: 2016.

⁵⁶ Kumpulainen, Kristiina, Anu Kajamaa, and Antti Rajala. Understanding educational change: Agency-structure dynamics in a novel design and making environment // Digital Education Review 33 (2018): P. 26-38.

⁵⁷ Calabrese Barton, A., & Tan, E. A longitudinal study of equity-oriented STEM-rich making among youth from historically marginalized communities. American Educational Research Journal, 2018. № 55(4), P. 761–800.

⁵⁸ Anu Kajamaa & Kristiina Kumpulainen () Agency in the making: Analyzing students' transformative agency in a school-based makerspace, Mind, Culture, and Activity, 2019. №26:3, P. 266-281.

Пандемия COVID-19 и ответ на нее, который дала международная сеть фаблабов, придали новый вектор исследованиям сообществ технологических энтузиастов. Глобальное движение «мейкеры против COVID-19» в кратчайшие сроки сумело обеспечить миллионы врачей средствами индивидуальной защиты, а их пациентов – необходимыми деталями для кислородных баллонов, опираясь на инструменты распределенной разработки и производства и заполняя лакуны в производственных цепочках традиционной экономики. В фокус внимания исследователей попала способность таких сообществ к конструктивному и масштабному социальному действию, выходящему за рамки сложившихся социально-экономических практик⁵⁹.

Исследователи этого явления опираются на богатый материал сетевых форумов и групп, посредством которых сообщество мейкеров организовывало совершенствование цифровых моделей, распределение материалов для 3D-принтеров, логистику доставки готовых изделий медицинским работникам. Одной из важных тем исследований становится вопрос о сравнительной роли государственных мер поддержки сообществ технологических энтузиастов и их способности к самоорганизации на новых, «горизонтальных» принципах. Продолжая идеи Гершенфельда, исследователи обнаруживают в действиях мейкеров во время COVID-19 первый реальный пример апробации новой посткапиталистической модели распределенного индивидуального производства⁶⁰.

Среди российских исследований университетских сообществ технологических энтузиастов можно выделить два крупных блока:

⁵⁹ Corsini, L., Dammicco, V., Bowker-Lonnecker, L., & Blythe, R. The Maker movement and its impact in the fight against COVID-19. 2021. <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/313163>

⁶⁰ Kieslinger B, Schaefer T, Fabian CM, Biasin E, Bassi E, Freire RR, Mowoh N, Arif N and Melis P () Covid-19 Response From Global Makers: The Careables Cases of Global Design and Local Production. Front. Sociol. 2021 №6:629587.

публикации, посвященные развитию сети Центров молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), созданной в рамках деятельности Фонда содействия инновациям и содержательно близкой к идеологии международной сети фаблабов; и материалы, разработанные в Ассоциации участников технологических кружков в рамках гранта инфраструктурного центра кружкового движения Национальной технологической инициативы.

Основные исследования ЦМИТов относятся к периоду 2015-2017 годов и часто носят характер описания кейсов (Фисенко, Бегишев, Уваев, 2015; Васильев, Асонов, Кривцов, 2016). При этом ссылки на классическую статью Гершенфельда и общая логика изложения позволяют сделать вывод о том, что авторы воспринимают движение ЦМИТов как часть мировой сети фаблабов. В отдельных работах исследователи делают больший акцент на изменении содержания образования, ставя в фокус внимания вопросы поддержки инициативы и самоорганизации сообщества технологических энтузиастов⁶¹.

Обобщающие работы, посвященные не отдельным центрам, а всей сети ЦМИТ, описывают их через два концепта: как часть инновационной экономики страны (отсылая к идеям распределенной разработки и производства) – и как просветительских проект, расширяющий возможности образования участников⁶². При этом большинство перечисленных авторов усматривает прямую связь между культурой современных технологических энтузиастов и советским послевоенным движением «сделай сам», движением

⁶¹ Бодров К.Ю., Иващенко М.И. Развитие концепции открытых студенческих лабораторий на примере СНИЛ «ОЛИМП» // Сборник тезисов докладов конгресса молодых ученых. Электронное издание. – СПб: Университет ИТМО, 2015. <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/1501/1501.pdf>

⁶² Поляков С.Г., Бухало А.Б., Шурина Н.В. От станций юных техников – к ЦМИТ. О программе развития центров молодежного инновационного творчества в Российской Федерации // Инновации. 2016. №11 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-stantsiy-yunyih-tehnikov-k-tsmit-o-programme-razvitiya-tsentrov-molodezhnogo-innovatsionnogo-tvorchestva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.08.2022).

изобретателей и рационализаторов, технологическими кружками первой половины 20 века⁶³. Иными словами, современные университетские сообщества предлагается считать частью существенно более масштабного исторического процесса.

В англоязычной литературе в 1991 Джин Лэйв и Этьеном Венгером был введен концепт «сообщества практик» для объяснения особой роли ситуативного обучения (обучения через включенность в деятельность) в качестве альтернативы традиционному образовательному процессу⁶⁴. В России термин «сообщества практик» пока используется ограниченно⁶⁵.

Позднее Венгер расширил понятие «сообщества практик», распространив его на более широкий контекст управления знаниями в организациях (knowledge management). Согласно его определению сообщество практик – это группа людей, которые объединены общим интересом, обмениваются знаниями и углубляют их, а также включены в общую практику в общем социальном поле.

В качестве примера действующих в университете сообществ практик можно привести группу студентов-педагогов и их наставников, которые участвуют в стажерской программе на базе общеобразовательных школ, обсуждают свой опыт на университетском семинаре, поддерживают друг друга в школьной практике.

⁶³ Маслов Д.В., Гаджански И., Кирьянов А.Е. Новая эра "сделай сам": мейкеры из фаблабов // Инновации. 2017. №12 (230). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-era-sdelay-sam-meykery-iz-fablabov> (дата обращения: 05.08.2022).

⁶⁴ Lave, J & Wenger E, *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – см. Актуальные данные на сайте Этьена Венгера <https://wenger-trayner.com/introduction-to-communities-of-practice/>

⁶⁵ Чернобай Е. В., Калина И. И. Профессиональные обучающиеся сообщества: обзор теории и практики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-obuchayuschieysya-soobschestva-obzor-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 26.11.2022).

Однако для описания университетского сообщества энтузиастов-нейротехнологов или подводных робототехников это понятие требует уточнения, поскольку оно уже не отражает двух важных отличительных характеристик такого рода сообществ: во-первых, их инициативный и неформальный характер, во-вторых, принципиальная инновационность их деятельности. Члены таких сообществ объединяются общим интересом к передовым технологическим и социальным решениям, общей деятельностью и обменом знаниями, причем делают это по собственной инициативе, «снизу». И, наконец, деятельность таких сообществ в значительной степени не укоренена в существующих социальных полях и существующем технологическом укладе, они ориентируются на картину желаемого будущего, осваивая технологии фронта и формируя социальные практики для этого желаемого будущего.

Такие сообщества мы будем сообществами практик будущего или сообществами проективных практик (проективными сообществами). Впервые термин «практики будущего» был использован в исследовании Ассоциации участников технологических кружков, которое проводилось в период с 2018 по 2022 гг.⁶⁶ Объектом исследования послужили площадки работы технологических энтузиастов, отобранные по итогам ежегодного конкурса технологических кружков. Исследовательская база охватывала более 3 000 кружков, организаций и сообществ. В своих исследованиях Ассоциация усматривает связь между практиками неформального образования, которые реализуют сообщества технологических энтузиастов, и их потенциалом конструктивных общественных изменений, вводя понятие «практики

⁶⁶ Андрюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Инновации. 2019. №11 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruzhki-kak-poligony-praktik-budushego> (дата обращения: 26.11.2022).

будущего» и «полигоны практик будущего»⁶⁷. Методические разработки Ассоциации направлены на решения задачи объединения практик неформального образования и зарождающихся элементов нового социо-технологического уклада – практик будущего⁶⁸. Понятие «сообщество практик будущего», определяемое как группа людей, объединённых общим интересом к передовым технологическим и социальным решениям, общей деятельностью и обменом знаниями, но не включённых в устойчивое социальное поле, впервые введено в статье автора настоящего исследования 2023 года⁶⁹. Проведенные автором исследования позволили выявить высокий потенциал данных сообществ для формирования субъекного самоопределения технологического энтузиаста, которое складывается из трех компонент: стремление к развитию таланта; сопричастность исторической судьбе страны; готовность принимать вызовы мирового уровня⁷⁰.

Феноменологическое описание культуры университетских сообществ технологических энтузиастов составлено автором на основе эмпирического исследования, материалами для которого послужили полуструктурированные глубинные интервью технологических энтузиастов – лидеров и участников университетских студенческих технологических центров (названия таких центров в каждом случае различаются) Высшей школы экономики, Санкт-Петербургского политехнического университета,

⁶⁷ Федосеев А.И., Андрюшков А.А., Молодых Ю.О., Рачинская М.С., Коноваленко А.Н., Кружки 2.0. Научно-технические кружки в экосистеме практик будущего. Инструкция по сборке. – М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2018.

⁶⁸ Формирование кружков и сообществ технологических энтузиастов — М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2020.

⁶⁹ Земцов Д.И. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблабы, КМИТы, кружки // Высшее образование в России. 2023. №5.

⁷⁰ Андрюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Инновации. 2019. №11 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruzhki-kak-poligony-praktik-budushego> (дата обращения: 26.11.2022).

Университета ИТМО, Московского политехнического университета, Российского университета транспорта (МИИТ), Дальневосточного федерального университета⁷¹, а также результаты включенного наблюдения автора с 2014 по 2022 гг.⁷²

Анализ интервью позволил выявить индивидуальные стратегии участников университетских сообществ технологических энтузиастов, определяющие их поведение внутри сообществ, отношения с другими членами. Анализ устойчивых социальных стратегий позволяет определить, какие действия участников поддерживаются и вознаграждаются сообществом, какие игроки могут занять доминирующее положение, какими свойствами обладает накопленный в сообществе социальный капитал. Эта информация может дать намеки на типы социальных изменений, которые потенциально способно продуцировать сообщество практик будущего. Сообщества технологических энтузиастов не объединены в какую-либо структуру или мета-сообщество, но вместе с тем их участники реализуют сходные стратегии, которые позволяют им достичь успеха и признания внутри сообществ.

⁷¹ Всего было проведено 18 интервью продолжительностью от 45 до 90 минут, количество интервью определено по принципу тематического насыщения. Все интервью были транскрибированы и кодировались с помощью программы QDA Miner Lite. Для анализа использовался метод обоснованной теории. В гайд интервью вошли следующие блоки вопросов: а) история возникновения сообщества, его масштаб, основная деятельность и тематики; б) организационные и коммуникационные практики сообщества; в) миссия сообщества и связь его с движениями социальных изменений; б) взаимодействие с администрацией университета.

⁷² Автор статьи начиная с 2015 года руководит реализацией дорожной карты Национальной технологической инициативы по направлению «Кружковое движение» (Постановление Правительства РФ №1184), разработанной для координации действий власти, бизнеса, образования и отдельных технологических энтузиастов в целях создания нового поколения молодых инженеров и предпринимателей, а в перспективе – конкурентоспособных компаний мирового уровня. В кружковом движении сегодня участвуют более 500 000 школьников, студентов и их наставников, включая университетские сообщества технологических энтузиастов.

Основной способ войти в сообщество технологических энтузиастов – проявить личную инициативу, показать, что ты пришел не ради формального прохождения контрольной точки в образовательной программе и готов расходовать свое личное время и личную энергию. Многие сообщества имеют специальные форматы для проявления такой инициативы, от ярмарок проектов с приглашением желающих присоединиться, до включенных в программу курсов проектной деятельности, после которых желающие могут остаться на необязательные мероприятия и показать, что готовы войти в сообщество. В тех случаях, когда сообщество встроено в формальный обязательный образовательный процесс, четкая граница включения участников сообщества проходит по линии их инициативного участия в дополнительных активностях.

Лидер центра проектной деятельности ДВФУ так описывает роль инициативы в сообществе: «Ядро нашего сообщества – это команды энтузиастов, которые готовы условно говоря, работать за еду. Ребята заряжены не на получение какой-то выгоды для себя, а на то, чтобы создать что-то новое и научить этому других. Например, у нас есть парень, энтузиаст химических технологий, так вот он проехал с нашим флагом по всей России от Владивостока до Питера, в каждом университете организовывал мастер-классы, а нам присылал фотографии». Основатель площадки технологических энтузиастов в ИТМО уточняет: «У нас есть цикл мероприятий по тому, как вовлечь людей, привлечь их к мастерским, привлечь их к созданию своих мастерских и своих команд, и проектов, как потом вовлечь их в организационную деятельность и к руководству лабораториями, либо подобными площадками. Цель всех этих мероприятий – дать каждому возможность наилучшим образом раскрыть свой талант, найти себя».

Отдельные респонденты даже прямо высказали мнение, что площадки технологических энтузиастов не должны становиться обязательной частью массового технологического образования. С их точки зрения, именно свобода

является критическим условием успешности такой площадки: человек должен прийти в сообщество сам и найти в нем свое призвание. Основатель площадки технологических энтузиастов в Московском политехническом университете высказался об этом так: «Хороший проект делается не ради зачета в зачетке, а потому, что интересно. Центр проектной деятельности не заставляет тебя делать проект. Он реализует твою потребность в гараже, в котором ты мог бы проявить свой творческий энтузиазм».

Реализация инженерного или ИТ-проекта – это не только основная форма деятельности в сообществе технологических энтузиастов, но также и своеобразный социальный и антропологический идеал. Все респонденты в интервью уделили внимание образовательному аспекту работы сообщества, указав на то, что для них самостоятельной ценностью является освоение и передача проектной культуры. Некоторые площадки технологических энтузиастов прямо позиционируют себя как центры проектной деятельности.

Один из респондентов использовал метафору «свечи перед пультом», заимствованную из повести А. и Б. Стругацких «Полдень, 22 век»: «там группа ученых несколько дней без сна и отдыха занимается оцифровкой сигналов мозга умирающего академика Окадо, в надежде когда-нибудь оживить его цифровую копию; а чтобы не было лишних помех они работают при свечах: выключено все электрическое оборудование, кроме кодирующих компьютеров; этот образ – свечи перед пультом – очень точно описывает «проектную» культуру нашего сообщества: нужно во что бы то ни стало сделать дело и уложиться в срок». Другой респондент описывает культуру работы в жестких временных рамках и на результат более лаконично: «Мы все время жили в ценностях рывка. Проект предполагает рывок».

Большинство исследованных сообществ видят смысл своей деятельности не только в том, чтобы реализовывать технологические проекты, но и в распространении этой культуры. Они реализуют в том или ином виде образовательные курсы по проектной деятельности, порой встроенные в

образовательные программы университета. При этом респонденты отмечают, что проектная культура не передается только на занятиях, в нее необходимо включиться лично, поработать в проектной команде: «пока ты не заснул на пуфике в мастерской под утро перед дедлайном – ты не знаешь, что такое проект», – замечает один из респондентов.

Заслуживает внимания отличие площадок, на которых работают сообщества технологических энтузиастов, от более традиционных университетских лабораторий и мастерских. Эти площадки отличает, прежде всего, отсутствие узкой тематической фокусировки. Они, как правило, оснащены оборудованием для прототипирования широкого профиля: лазерными резаками, 3-D-принтерами, оборудованием для работы с электроникой. Команды, составляющие конкретное сообщество, также не ограничиваются узкой темой: за соседними столами могут работать группы спутниковой техники, нейротехнологий, подводной робототехники.

Широкий профиль площадок позволяет им поддерживать проекты энтузиастов не только в разных сферах, но и на разных этапах жизненного цикла. Лидер сообщества в МГТУ описывает это так: «Мы не ограничиваем себя узкими тематиками еще и потому, что мы своеобразный техно-предпринимательский хаб, мы можем практически любой команде техно-энтузиастов помочь в ее развитии». Аналогичным образом описывает свою роль лидер сообщества в ИТМО: «Когда у тебя работает полный производственный цикл по широким тематикам, ты можешь любому человеку найти правильную команду, оборудование и меры поддержки».

Важная характеристика изученных площадок – это доступность оборудования и расходных материалов широкого профиля для участников сообщества. Один из респондентов отмечает, что главный признак работающей площадки техно-энтузиастов – это шкаф или склад с электронной компонентной базой. Если светодиодов и транзисторов в избытке, значит

хозяин площадки понимает важность доступа энтузиастов к средствам быстрого прототипирования, поддерживает дух свободного поиска.

В изучаемых сообществах ценится разносторонность интересов, готовность проявить коллаборативность с другими проектами, принять на себя задачу по новой и необычной тематике.

В вопросе управленческих практик все респонденты продемонстрировали, в разных комбинациях, сочетание двух неформальных организационных принципов: а) горизонтальное общение, взаимообучение и обмен опытом по принципу «равный равному»; б) меритократическое лидерство, когда авторитет и властные полномочия получает тот член сообщества, который, по общему мнению, наиболее пригоден для лидерской позиции. Самодовлеющее стремление к лидерским позициям и формальной власти в сообществах технологических энтузиастов получает отрицательную оценку. Но лидер, который принимает полномочия нехотя, может рассчитывать на поддержку сообщества.

При этом большинство исследованных площадок внешне демонстрируют лидерский тип управления. Однако при этом практически отсутствует конкуренция с лидером за его позицию. Объясняется это не только высоким личным авторитетом лидера, но и, главным образом, тем, что для большей части членов сообщества позиция лидера не является привлекательной, поскольку, налагая дополнительные рутинные обязанности, она не компенсирует это моральными стимулами для людей, мотивированных главным образом на творческую деятельность в благоприятных для этого условиях.

В ответах части респондентов идея горизонтального общения и недирективного управления связаны с их педагогическими подходами. Один из респондентов описывает это так: «Наше сообщество начиналось с проектов по привлечению школьников в инженерное дело. Мы сразу решили, что будем общаться с ними по принципу «взрослый-взрослый» и называть их коллегами,

а не ребятами или как-то так. И мы почувствовали, что именно благодаря такому отношению школьники находят у нас пространство развития, хотят вернуться. Когда мы начали расширять сферу деятельности, мы сохранили этот «дух горизонтальности» в нашем сообществе, потому что он был для нас самоценным».

Принципы горизонтального общения и меритократии респонденты воспринимают не только как оптимальную форму работы в сообществе, но и как основание для формирования социального капитала, пригодного к использованию в будущем. Так это описывает лидер сообщества в ИТМО: «Что хорошо, что мы здесь? У нас есть время познакомиться и подружиться, и понять, на что можно друг на друга рассчитывать. Я вижу, как ты работаешь. Ты видишь, как я работаю. Всё это прозрачно, всё это на виду. И если ты сочтешь, что тебе нужен такой управленец, как я, ты меня пригласишь поработать. А если тебе будет нужна помощь, например, в продвижении – я расскажу о тебе потенциальным клиентам».

Роль сообществ технологических энтузиастов в университетской жизни и общественных изменениях описана автором на основе собственных эмпирических исследований. Важным свойством сообществ технологических энтузиастов в университетах является их *самоорганизованность*. Несмотря на то, что университет выступает в роли площадки или даже платформы для деятельности таких сообществ, они, как было показано выше, самостоятельно определяют принципы своей жизни, формируют социальные практики и механизмы кооптации новых участников. Автором настоящей работы в 2020-2021 годах было проведено исследование университетских сообществ в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ) в условиях пандемии COVID-19, которое показало, что именно самоорганизованные сообщества обладают особенно высокой устойчивостью к кризисам. Более того, и академическая среда (администрация, педагоги), находясь в ситуации сурового выбора, что из составляющих университета сохранять в пандемию

(метафорически один из респондентов описал эту ситуацию как «пожар в библиотеке»), оказывала таким сообществам поддержку, признавая их самоценность для университета.

Подобные результаты демонстрируют зарубежные исследования, проводившиеся во время пандемии. Например, исследователи медицинского образования особое внимание уделяют возможностям формирования профессиональной идентичности и последующей кооптации в профессию через участие в самоорганизованных сообществах⁷³. Во время пандемии COVID-19 студенты-медики были временно выведены из клинической среды, однако исследования показали, что преподаватели работали с сообществами для включения студентов в профессиональную среду. Канадская ассоциация инженерных вузов исследует аналогичные вопросы на своем профессиональном материале⁷⁴. Исследования, проводившиеся в США на группе более 900 студентов на 14 ИТ-факультетах⁷⁵ также показали ценность для университетов самоорганизованных сообществ энтузиастов.

Проведенное автором исследование показало, что неформальные студенческие объединения по их ценности для участников образовательного процесса сравнимы с основными образовательными программами, хотя к таким объединениям студентов не побуждают ни формальные требования, ни артикулированный социальный заказ. На основании интервью с участниками неформальных студенческих объединений (волонтерского сообщества,

⁷³ Stetson G. V., Dhaliwal G. Using a Time Out: Reimagining Professional Identity Formation after the Pandemic // *Medical Education*. 2020. Vol. 55. No 1. P. 131–133.

⁷⁴ Sweeney J.S., Liu Q., Evans G. (2021) Investigating the Impact of Online Learning on Engineering Students's Socialization Experiences // *Proceedings of the Canadian Engineering Education Association (CEEA-ACEG) Conference (Charlottetown, Prince Edward Island, 2021, June 20–23)*. 2021. Paper No 50. – P. 1 – 8.

⁷⁵ Thiry H., Hug S. T. Sustaining Student Engagement and Equity in Computing Departments During the COVID 19 Pandemic // *SIGCSE'21: Proceedings of the 52nd ACM Technical Symposium on Computer Science Education (Virtual Event, USA, March 13–20, 2021)*. P. 987–993.

группы волонтеров-медиков, объединений студентов - будущих инженеров и программистов), преподавателями и администраторами можно выделить следующие основания, по которым неформальные студенческие объединения признаются ценностью в университетской корпорации: как способ вхождения в профессию, как ответ на негласный запрос на «взросление» студента, приобретение им субъектности, как способ «присвоения» образовательного пространства, перехода студента в статус члена университетской корпорации. Вместе с тем ряд респондентов фиксируют общезначимую и самостоятельную ценность самоорганизации студенческих команд. Для российских университетов неформальные студенческие объединения являются одной из негласных автономных ценностей, подкрепленной настолько же негласным общественным запросом на «коллективистское воспитание».

Важной особенностью университетских студенческих сообществ является их временность. Студенты в большинстве своем рано или поздно покинут университет, а те из них, кто продолжают академическую карьеру – сменят свой статус. С одной стороны, это является ограничением для развития сообществ внутри университета: сложнее накапливать компетенции в команде и концентрировать в ней разные формы капитала, в первую очередь, человеческий и социальный. С другой стороны, если посмотреть на университет как на часть существенно большего социального поля, в которое включены не только его нынешние сотрудники и студенты, но и выпускники, объединенные с университетом общим видением будущего и общими механизмами обращения капитала, то можно увидеть во временности университетских сообществ существенный фактор, определяющий способность университета влиять на социальные изменения. Причем это влияние не ограничивается подготовкой кадров, оно может быть продолжено через поддержание взаимодействия с выпускниками университета, уже инкорпорированным в другие социальные поля. Исследование, проведенное автором настоящей работы и его коллегами в 2021-2022 году показывает,

показывает, что влияние университета на общественное развитие можно описать через термин «выпускнический капитал»⁷⁶, показав, каким образом университет оказывает влияние на общество через своих выпускников, давно окончивших обучение.

Взаимодействие с выпускниками и университета в целом, и отдельных его элементов, в том числе, сообществ энтузиастов – не до конца отрефлексированное в России явление, что показывают аналитические обзоры⁷⁷. Отечественные исследователи изучают конкурентоспособность выпускников⁷⁸, оценка ими качества образования⁷⁹, их трудоустройство⁸⁰, роль неформальных студенческих сообществ в их жизненном успехе⁸¹.

⁷⁶ Земцов Д.И., Хукаленко Ю.С. Выпускнический капитал: стратегии взаимодействия с выпускниками университета // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1. - С. 36.

⁷⁷ Ebert, K., Axelsson, L., Harbor, J. Opportunities and challenges for building alumni networks in Sweden: A case study of Stockholm University // Journal of Higher Education Policy and Management. 2015. Vol. 37(2). P. 252–262; Gallo, M.L. How are graduates and alumni featured in university strategic plans? Lessons from Ireland // Perspectives: Policy and Practice in Higher Education. 2017. Vol. 22(3). P. 92–97.

⁷⁸ Саинов М.П. Трансформация высшего строительного образования и качество подготовки выпускников // Строительство: наука и образование. 2020. Т. 10. № 2. С. 1–21; Вялых С.Д. Сертификация квалификаций выпускников профессиональной образовательной организации как инструмент независимой оценки качества подготовки кадров для экономики региона // Педагогический поиск. 2020. № 7–8. С. 45–47.

⁷⁹ Расторгуева Н.Ф. Качество образования – залог конкурентоспособности выпускника // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 87–90.

⁸⁰ Дьякова М.А. Основные направления деятельности по содействию трудоустройству выпускников вуза (на примере Тихоокеанского государственного университета) // Ученые заметки ТОГУ. 2020. Т. 11. № 1. - С. 73–79; Смирнова Т.В. Обучение навыкам успешного трудоустройства и планирования карьеры выпускников как одна из приоритетных задач ВУЗа // Вестник современных исследований. 2020. № 2-5(32). - С. 30–32.

⁸¹ Земцов Д.И., Яськов И.О. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 97–116.

В зарубежной практике это явление апробировано и исследовано более обстоятельно: исследуются принципы поддержки выпускниками своих университетов, как материальной, так и нематериальной⁸²; привлечение в университеты детей выпускников⁸³, ассоциации выпускников⁸⁴, партнерские программы⁸⁵; участие выпускников-волонтеров в университетской жизни⁸⁶; поддержка в сборе исследовательских данных⁸⁷; привлечении абитуриентов на образовательные программы⁸⁸; и даже «искреннюю обратную связь» как меру поддержки университета со стороны выпускников⁸⁹.

Важную роль в исследовании взаимодействия с выпускниками играет концепция социального капитала⁹⁰, с помощью которой описывается взаимная

⁸² Iskhakova, L., Hoffmann, S., Hilbert, A. Alumni Loyalty: Systematic Literature Review // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. 2017. 29:3. P. 274-316.

⁸³ Giner, G.R., Peralt Rillo A. Structural equation modeling of co-creation and its influence on the student's satisfaction and loyalty towards university // *Journal of Computational and Applied Mathematics*. 2016. Vol. 291. - P. 257-263.

⁸⁴ Newman, M.D., Petrosko, J.M. Predictors of alumni association membership // *Research in Higher Education*. 2011. Vol. 52(7). P. 738–759.

⁸⁵ Weerts, D.J., Ronca, J.M. Profiles of Supportive Alumni: Donors, Volunteers, and Those Who «Do It All» // *International Journal of Educational Advancement*. 2007. Vol.7. P. 20–34.

⁸⁶ Bass, J., Gordon, B.S., Kim, Y.K. University identification: A conceptual framework // *Journal of Contemporary Athletics*. 2013. Vol. 7 (1). P. 1–13.

⁸⁷ Hennig-Thurau, T., Langer, M. F., Hansen, U. Modelling and managing student loyalty // *Journal of Service Research*. 2001. Vol. 3(4). P. 331–344.

⁸⁸ Moore, D., & Bowden-Everson, J.L.-H. An appealing connection – the role of relationship marketing in the attraction and retention of students in an Australian tertiary context // *Asian Social Science*. 2012. Vol. 8(14). P. 65–80.

⁸⁹ Kilburn, A., Kilburn, B., Cates, T. Drivers of student retention: System availability, privacy, value and loyalty in online higher education // *Academy of Educational Leadership Journal*. 2014. Vol. 18(4). P. 1–14.

⁹⁰ Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139; Putnam, R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *J Democr.* 1995. Vol. 6(1). P. 65–78.

польза, приносимая университетом и выпускниками друг другу⁹¹, вводятся производные понятия, такие как капитал выпускников (*graduate capital model*)⁹², выпускнический капитал⁹³. Опираясь на эти концепции можно сказать, что сообщества технологических энтузиастов представляют собой своеобразный инкубатор социального капитала, который при определенных усилиях университета можно трансформировать в его выпускнический капитал и стать рычагом позитивных социальных изменений. Один из процессов, который неизбежно разворачивается в таких сообществах, это трансляция новых социальных практик («практик будущего») в более широкие социальные поля: некоторые выпускники университетов, оснащенные новыми социальными практиками в сообществах технологических энтузиастов, трудоустраиваются или создают собственные бизнесы; их основной капитал по выходе из университета – социальный, который они стремятся конвертировать в другие формы капитала, в том числе, в финансовый; привлекая через сети социального капитала новых сотрудников из университетских сообществ, они неизбежно воспроизводят практики этих сообществ в своих компаниях, чем способствуют их распространению в обществе и превращению в социальную норму.

Иными словами, сообщества университетских технологических энтузиастов, будучи временными (или транзиторными, этот термин будет введен ниже), оказывают благодаря этому влияние на социальные изменения.

⁹¹ Andreas S. Effects of the decline in social capital on college graduates' soft skills // *Industry and Higher Education*. 2018. Vol. 32 (1). P. 47–56; Jensen, D.H., & Jetten, J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // *Frontiers in psychology*. 2015. Vol. 6. P. 1–11.

⁹² Tomlinson, M. (2017) Forms of graduate capital and their relationship to graduate employability // *Education + Training*. Vol. 59(4). P. 338–352.

⁹³ Земцов Д.И., Хукаленко Ю.С. Выпускнический капитал: стратегии взаимодействия с выпускниками университета // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 1. - С. 36.

Проведенные автором эмпирические исследования позволяют примерно представить, какими могут быть **основные направления социальных изменений**, генерируемых такими сообществами. Интересно, что респонденты в абсолютном большинстве не отнесли себя к какому-либо известному международному сообществу или движению. В отдельных интервью были упомянуты сообщество открытого кода, международное сообщество фаблабов, экологическое движение, но ни в одном случае они не были названы в качестве вектора сопричастности респондентов. Вместе с тем в ответах отчетливо проявляется осознание респондентами включенности их текущей деятельности в один из трех типов внешних по отношению к сообществу социальных полей: поле технологического предпринимательства, поле образовательных инноваций и формирующееся поле технологической филантропии и технооптимистических гуманитарных трансформаций, направленных на повышение качества жизни людей и социальную справедливость.

Большинство респондентов в своих ответах на вопрос об общественных изменениях, которые могут стать результатом работы их сообщества, назвали развитие технологического предпринимательства. Все площадки имеют опыт взаимодействия с популярными акселерационными программами и грантовыми конкурсами для предпринимательских команд, большинство причисляют себя к участникам Национальной технологической инициативы. Часто количество «выросших» из сообщества стартапов является формальным либо неформальным критерием качества работы площадки.

Вместе с тем большинство респондентов отметили, что их сообществам не свойственна идеология рыночной конкуренции. «У нас здесь в цене взаимоопыление. Команды молодые и неопытные, для них взаимная поддержка ценнее конкуренции. Конкурировать можно, если вы уже сильные, уже в рынке, и соревнование помогает вам становиться лучше. А, когда у меня еще ничего нет, у тебя ничего нет, нам нужно держаться вместе, помогать друг

другу». Кроме того, сами сообщества не выступают в роли рыночных игроков, не ставят себе целью сделать бизнес или войти в долю успешных стартапов-выпускников, больше обращая внимание на социальный эффект.

При этом как лидеры исследованных сообществ, так и представители техно-предпринимательских команд, выделили получение первого опыта предпринимательства в качестве важного эффекта от участия в сообществе. «Можно проходить сколько угодно курсов «создай бизнес», но чувствуешь ты себя предпринимателем только когда получаешь первый заказ и выполняешь его в срок и за деньги. У меня такой опыт был, когда мы за месяц делали демонстрационный стенд для известного форума», – говорит один из молодых предпринимателей. Другие члены сообщества также фиксируют роль площадок техно-энтузиастов как эффективного акселератора команд, способных произвести востребованный продукт или услугу.

Одной из основных миссий сообществ технологических энтузиастов респонденты называют **обновление университетского и школьного образования**. Основатель фаблоба Московского Политеха описывает это так: «Нами двигала мечта об университете, в котором будет много свободы и возможностей, где учеба прекрасная и кипящая, а не грустная и замшелая». Исследуемые сообщества реализуют деятельностные образовательные форматы – хакатоны, инженерные соревнования, проектные интенсивы – и в большинстве своем ссылаются на идеи кружкового движения НТИ или прямо причисляют себя к этому движению.

В качестве примеров успеха респонденты часто говорят о распространении своих практик в системе образования, называя себя полигоном для новых образовательных подходов. Например, лидер сообщества в ИТМО сообщает: «По Питеру у нас сейчас – около семнадцати дружественных площадок, которые очень на нас похожи, в целом. ... И отдельная сейчас задача – я пытаюсь руководителей этих площадок организовать в то, чтобы более плотно обмениваться информацией. То есть,

пока они более так автономны». Другой респондент отмечает, что их сообщество впервые в России провело хакатон для школьников, и это послужило стартом для распространения этой технологии во всех регионах.

Говоря о **содержании** новых образовательных практик, респонденты выделяют проектный подход, способность решить комплексную технологическую задачу, взять на себя лидерскую роль, но сохранить отношения взаимного уважения в команде, умение правильно понять, чья жизнь станет лучше от реализации проекта. Один из респондентов описывает это так: «Наш идеал человека – это тот, кто имеет опыт изменения мира, причем не на субботнике, а в чем-то более сложном». Сравнивая ответы респондентов о практиках их сообщества (раздел 5.1) и об их образовательном идеале, можно увидеть прямое сходство: через образовательные форматы сообщества технологических энтузиастов стремятся воспроизвести и распространить свои практики.

Третий тип ответов респондентов на вопрос о предпочтительных векторах социальных изменений можно описать как **технооптимизм**. Лидеры сообществ среди своих выпускников выделяют в первую очередь тех, кто реализует технологические проекты с высокой общественной значимостью. При этом, в отличие от двух предыдущих разделов, здесь сложно определить конкретное социальное поле, в котором действуют выпускники сообществ технологических энтузиастов, занятых проектами технологической филантропии.

Лидер центра проектной деятельности ДВФУ в интервью отдельно выделяет проект социальной значимости: «У Богдана есть мечта, он хочет помогать людям. Центр проектной деятельности дал ему возможность реализовать мечту, заняться протезированием. Протезы рук уже есть, а вот с ногами чуть сложнее, и он решил, что это отличная история, в которой можно как раз поработать». Другой лидер университетского сообщества приводит такой пример: «Реальная проблема, которую можно реально решить: люди,

которые работают с химикатами, мало живут. Надо распылять с беспилотников».

Обращает на себя внимание такая общая черта университетских сообществ, как низкий уровень конкурентности внутри сообщества, отсутствие формального лидерства и борьбы за лидерство внутри сообществ, в целом **высокий уровень солидарности**. Причем солидарность может проявляться как в прямой кооперации – совместной деятельности по осуществлению общих проектов (что преобладает в группах волонтерского корпуса), так и в дружественных отношениях, единомыслии, разделяемых общих ценностях на фоне отсутствия борьбы за ресурсы (рабочее место, расходные материалы и др.) между технологическими энтузиастами, работающими каждый над своим проектом в общем пространстве. Думается, что второе – во многом заслуга администраций университетов, обеспечивающих сообщества всем необходимым. Эти условия не могут не отражаться как на индивидуальных стратегиях самореализации участников внутри группы через взаимодействие.

Все описанные российские университетские сообщества технологических энтузиастов демонстрируют признаки сообществ практик будущего (проективных практик):

- они образуются вокруг общего интереса к передовым, инновационным технологиям;
- деятельность участников протекает в форме реализации проектов;
- их участники применяют внутри сообщества стратегии самореализации, опирающиеся на неконкурентные, горизонтальные связи, принципы коллективизма, солидарности, взаимной поддержки, меритократического лидерства.

Естественно ожидать, что в дальнейшем, по окончании университета, участники сообществ будут применять наработанные в университетском сообществе стратегии и в других социальных полях. Успешность их

применения послужит условием распространения этих стратегий на широкое поле общественной жизни. Для настоящего исследования особенно интересным представляется тот факт, что выпускнический капитал связывает университет не только с устойчивыми, но и с формирующимися социальными полями. Рассуждая в терминах теории полей, можно сказать, что университет может выступать в роли инкубатора новых полей, возникающих из университетских студенческих сообществ. Социальные практики таких сообществ при выходе их участников за контур университета, могут распространяться и становиться частью более крупных социальных полей, трансформируя их и формируя новые вложенные поля. К ярким примерам такого процесса очевидно относится возникновение международного сообщества FabLab из студенческого сообщества в MIT. На аналогичную роль претендуют различные сообщества технологических энтузиастов в современных российских университетах.

§ 2. Определение онтологического статуса университетских сообществ технологических энтузиастов

Под онтологическим статусом университетских сообществ мы понимаем выявление их природы, сущностных (инвариантных) свойствах и типологизирующих (дифференцирующих) характеристик, способов и форм существования в сравнении с другими рядоположенными явлениями.

Для решения этой задачи необходимо использовать методологический аппарат социальной философии и теоретической социологии, выработанный в ходе изучения сообществ. Однако при отсутствии единой традиции в изучении сообществ приходится выводить необходимые нам положения из сопоставления взглядов представителей разных направлений, включая как классиков (Ф.Тенниса, Э.Дюркгейма, М.Вебера), так и современных авторов.

Эквивалентом понятия сообщества в определении Фердинанда Тенниса является понятие общности. Немецкий мыслитель противопоставляет

общность (гемайншафт, нем. Gemeinschaft) как проявление «реальной и органической жизни» обществу (гезельшафт, нем. Gesellschaft) как «идеальному и механическому образованию»⁹⁴. Если «всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь»⁹⁵ понимается как жизнь в общности, то общество «это публичность, мир»⁹⁶. В понятие общности Ф.Теннис включает прежде всего семью, то есть сообщество, основанное на родственных связях: «В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях»⁹⁷. Другой традиционный тип общности представляет собой сельская община (марка)⁹⁸.

Интересно, что Философский энциклопедический словарь 1983 г. определяет общность сходным образом как «совокупность людей, объединяемую исторически сложившимися устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающую рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие»⁹⁹. Здесь же отмечается, что «в отличие от иных организаций и институтов, сознательно создаваемых людьми, общности возникают естественно-исторически, т. е. независимо от воли и сознания людей под влиянием объективной необходимости в процессе общественного производства»¹⁰⁰. В качестве примеров общностей приводятся род, племя, семья, община; отмечается, что расширительное понимание

⁹⁴ Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер.с нем. Д. В. Складнева – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2002. – С. 9 – 10.

⁹⁵ Там же. – С. 10.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. - С. 55.

⁹⁹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 452 – 453.

¹⁰⁰ Там же.

общности распространяющее это понятие на любые элементы социальной структуры, «не является общепринятым»¹⁰¹.

Внутри города «как его самобытные порождения или плоды»¹⁰², Ф.Теннис выделяет такие типы общностей, как «трудовое товарищество - гильдия [Gilde] или цех [Zunft], и культовое товарищество, братство - религиозная община [Gemeinde]»¹⁰³, причем последняя, по мнению Ф.Тенниса, «является в то же время предельным и наивысшим выражением, которое способна принять идея общности»¹⁰⁴.

Хотя рассматриваемые в настоящем исследовании сообщества имеют принципиально иную природу, ряд определений и положений Ф.Тенниса заслуживают быть взятыми на вооружение. Так, атрибутом общности он считает взаимопонимание (ферштанднис, нем. *Verständnis*), определяемое как «взаимонаправленная и общая для всех, связующую настроенность, в коей выражается собственная воля»¹⁰⁵ общности. Именно во взаимопонимании, как считает Ф.Теннис, «заключена та особая социальная сила и симпатия, которая удерживает людей вместе как членов единого целого»¹⁰⁶.

Здесь хочется заметить, что, если это так, то родственные или супружеские отношения приходится признать не определяющим и не обязательным условием возникновения общности. Ведь взаимопонимания может не быть между членами одной семьи, или оно может быть в какой-то момент утрачено, и, наоборот, оно, как правило, возникает между людьми, которые служат одному делу, разделяют общие ценности, интересы, ведут сходный образ жизни и т.п.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Теннис Ф. Указ. соч. – С. 38.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. – С. 38.

¹⁰⁵ Теннис Ф. Указ. соч. – С. 34.

¹⁰⁶ Там же.

Представляется интересным замечание Ф.Тенниса о том, что «подлинным органом взаимопонимания» служит язык. И, более того, «язык, как всем известно, не был изобретен и как бы условно принят в качестве средства и инструмента для достижения взаимопонимания, напротив, он сам есть живое взаимопонимание, сразу и его содержание, и его форма»¹⁰⁷.

Развивая этот тезис, можно сказать, что члены сообщества используют единую понятийно-категориальную систему, а, следовательно, в силу единых онтологических оснований языка, их картины мира должны быть, как минимум, совместимы.

В свете этого не удивительно, что высшей формой общности Ф.Теннис считает религиозную общину. Но и другие исторические формы общности, по Теннису, такие как цех, античный полис и средневековый город и др., невозможно понять, «если искусство, наряду с религией, не сочтем высшим и важнейшим делом»¹⁰⁸ всего соответствующего объединения, «действенным и значимым содержанием его повседневной жизни, мерой и правилом всех его дум и чаяний, его порядка и права»¹⁰⁹.

В противоположность общности (гемайншафт), общество (гезельштафт) – это, согласно определению Ф.Тенниса, такое объединение, в котором люди, хотя и «мирно уживаются и соседствуют, но пребывают не в существенной связи, а в существенной отдаленности друг от друга»¹¹⁰, «каждый выступает только за себя, а в состоянии повышенной напряженности - и против всех прочих»¹¹¹. Связи же между людьми основаны на контракте и конвенции. «Контракт есть результирующая двух разнонаправленных индивидуальных

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Теннис Ф. Указ. соч. – С. 61.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. – С. 64.

¹¹¹ Там же.

волю, скрещивающихся в одной точке»¹¹², а конвенция - форма всеобщей общественной воли¹¹³, И хотя конвенция часто понимается как синоним традиции или обычая, но «все, что коренится в традиции или обычае, конвенционально лишь в той мере, в какой оно поддерживается и сохраняется ради всеобщей пользы, а последняя поддерживается и сохраняется каждым ради его собственной пользы»¹¹⁴. Таким образом, общество, согласно определению Ф. Тенниса, выступает как «основанный на конвенции и естественном праве агрегат»¹¹⁵, или «скопление естественных и искусственных индивидуумов, чьи воли и области состоят в многочисленных отношениях и связях друг с другом, но при этом остаются независимыми и не оказывают друг на друга каких-либо внутренних воздействий»¹¹⁶.

Отсюда, по Ф.Теннису, вытекает всеобщее описание гражданского общества или общества обмена, природу и развития которого силится познать политическая экономия: как состояния, где, по выражению Адама Смита, «каждый человек - торговец»¹¹⁷.

Иными словами, Ф.Теннис, резко противопоставляя друг другу общность и общество, конституирует их как два идеальных типа, два типа социальных связей – органический (общинный) и ассоциативный. При этом, в духе немецкого романтизма, он идеализирует первый тип, приписывая ему высокий уровень духовно-эмоциональных связей: общность есть продукт сущностной воли (визенсвилле, Wesenswille), которая включает в себя «симпатию, привычку, память, причину, воображение, изучение...»¹¹⁸, в

¹¹² Там же. – С. 73.

¹¹³ Там же. – С. 81.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. – С. 81.

¹¹⁶ Там же. – С. 82.

¹¹⁷ Теннис Ф. Указ. соч. – С.82.

¹¹⁸ Там же. – С. 133.

противоположность обществу как продукту воли рациональной (Кёрвилле, Kurwille), формами которой являются обдумывание, дискриминация, концептуализация.

Естественная воля, по Теннису, «происходит из прошлого и может быть объяснена только в терминах прошлого»¹¹⁹, а рациональная ориентируется на будущее, как «продукт мышления», находящийся во власти идеи относительно объекта, который будет достигнут»¹²⁰. При этом именно естественная воля выступает как основа и движущая сила действия, а рациональная, проявляющаяся через приказ и иерархию, «содержит в себе что-то ложное и неестественное»¹²¹.

В культурно-исторической интерпретации определений Ф.Тенниса, общность выступает как отнесенный в прошлое социальный идеал, противопоставленный анти-идеалу – обществу модерна его с машинным производством и урбанизацией, разобщающим и обезличивающим людей.

В целом подход Ф.Тенниса к описанию сообщества (общности) отличается психологизмом и социальным натурализмом, негативным отношением к технологическому и общественному прогрессу, в духе немецкого романтизма.

Исследуемые нами университетские сообщества не укладываются в дихотомию общности и общества, по Теннису.

С одной стороны, образующие их связи – не органической, а ассоциативной природы, и этим они принципиально отличаются от общностей в определении Ф.Тенниса. В определении сообщества мы придерживаемся аристотелевского подхода, понимая под сообществом не природную связь, принимаемую человеком как данность, а результат свободного волеизъявления людей. Показательно, что Аристотель, определяя полис как

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

«койнонию» (греч. κοινωνία), четко отграничивает его от семьи - «ойкии» (греч. οἰκία). Семья, домохозяйство выступает как единство органическое, изначальное, а полис – как столь же необходимое и закономерное, но со-единение людей, чисто человеческое, социальное, образуемое не столько только ради выживания, удовлетворения повседневных нужд и воспроизводства рода, сколько ради высших ценностей и общих интересов.

С другой стороны, как было показано в предыдущем параграфе, отношения в университетских сообществах строятся на принципах солидарности, их отличает духовно-эмоциональная близость участников, общая картина мира и система ценностей, высокий уровень взаимопонимания на основе единства языкового тезауруса. В этом их сходство с идеальным типом Теннисовской общности.

Но и Аристотель, определяя человека как «политическое животное»¹²², полноценная жизнь которого возможна только в общении с себе подобными, одновременно с этим рассматривает полис как созданное ради общего блага скорее органическое, чем формальное единство¹²³. Как показывает М. Дементьев, применяемый Аристотелем к полису термин «койнония», имеющий много близких значений в греческом языке, античные и раннехристианские философы использовали для выражения идеи единения людей между собой или с высшим миром¹²⁴. Так, у Платона «койнония» означает причастность человека трансцендентному идеальному миру, и она же, в рамках платоновской картины универсума, являет собой необходимое условие как общения и взаимопонимания между людьми, так и

¹²² Аристотель. Политика. 1253a // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – С. 379.

¹²³ Там же. – С. 380.

¹²⁴ См.: Дементьев М. О понятии κοινωνία у Платона, Аристотеля, в Новом завете и у свв. отцов-каппадокийцев // Вестник Свято-Филаретовского института. XX Сретенские чтения, секция богословия и философии. 21 февраля 2014.

устройства государства на разумных и справедливых основаниях¹²⁵. Заметим, что Платоновская модель государства носит ярко выраженный проектный характер.

Таким образом, в противоположность теннисовским общностям, смотрящим в прошлое, деятельность университетских сообществ устремлена в будущее и служит технологическому прогрессу общества.

Теннисовское противопоставление общности и общества нашло отголосок в подходе Эмиля Дюркгейма. Но он его существенно переработал в виде и внес противоположные оценочные маркеры.

Согласно учению Э.Дюркгейма социальные факты имеют качественно иной субстрат, нежели факты психические, что вытекает из эмерджентности любых человеческих объединений. Поэтому состояния коллективного сознания существенно отличаются от состояний индивидуального сознания - мышление групп и сообществ функционирует по иным законам, нежели мышление отдельных людей¹²⁶, коллективные способы мышления и действия существуют вне индивидов, которые вынуждены к ним приспособляться, находя их готовыми. Установленные группой верования, представления, образцы поведения Э.Дюркгейм назвал институтами, тем самым положив начало институциональным подходам в социально-философских и социологических исследованиях.

При этом сами институты возникают как результат объединения индивидуальных волей: « чтобы существовал социальный факт, нужно, чтобы, по крайней мере, несколько индивидов соединили свои действия и чтобы эта комбинация породила какой-то новый результат»¹²⁷. Но коль скоро это произошло, результат синтеза многих волей и сознания находится вне их и довлеет им.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995. - С. 13.

¹²⁷ Там же.

Как и Ф.Теннис, Э.Дюркгейм, разграничивает два типа объединения людей: с одной стороны, природное единство, основанное на общем происхождении, совместном проживании в одной местности, единстве памяти общего прошлого и, с другой стороны, объединение людей в развитом обществе на основе разделения труда. Первый тип объединения имеет естественное происхождение. Но Дюркгейм далек от идеализации этого типа объединения, полагая, что в основе его лежит механическая солидарность, в то время как органическая солидарность порождается разделением труда и возможна в развитом обществе¹²⁸. Сообщества, основанные на механической солидарности, представляют собой недифференцированную массу, индивидуальность в них подавляется коллективной совестью и моралью, жесткой системой норм и авторитарной властью. Этот тип солидарности Э.Дюркгейм называет механической «по аналогии со сцеплением, соединяющим между собой частицы мертвых тел, в противоположность тому, которое дает единство живым телам»¹²⁹. Органическая же солидарность сохраняет индивидуальность, допуская разнообразие, свободу выбора и простор для инициативы.

Органическая солидарность становится возможной, если каждый член общества занимается своим, специфическим себя видом деятельности. Сопоставляя два типа солидарности, Э.Дюркгейм пишет: «В то время как первая требует, чтобы индивиды походили друг на друга, последняя предполагает, что они друг от друга отличаются. Первая возможна лишь постольку, поскольку индивидуальная личность поглощена коллективной; вторая возможна только при условии, если всякий имеет свою собственную сферу действия, а, следовательно, личность. Итак, нужно, чтобы коллективное сознание оставило открытой часть индивидуального сознания, для того чтобы

¹²⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. / изд. подгот. А. Б. Гофман, примеч. В.В. Сапова. – М.: Наука, 1991. - С. 127.

¹²⁹ Там же. - С. 127.

в ней установились те специальные функции, которые оно не может регламентировать. И чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности»¹³⁰.

И хотя Дюркгейм говорит не столько о сообществах в составе общества, сколько о двух типах общества (с одной стороны, менее развитые, архаичные с небольшой численностью населения, с другой стороны, развитые урбанизированные, с многочисленным населением и высоким уровнем разделения труда), его положение о корреляции между технологическим и общественным прогрессом (что, в свою очередь, предполагает высокий уровень индивидуализации личности), согласуется с описанными в предыдущем параграфе результатами наблюдений над университетскими сообществами технологических энтузиастов.

Вместе с тем для полноценного социально-философского исследования университетских сообществ подход Э.Дюркгейма не представляется достаточным, поскольку он не предполагает изучения действий участников внутри сообщества, их взаимных воздействий друг на друга, на само сообщество и на внешние по отношению к нему социальные отношения.

В связи с этим для расширения методологической базы обратимся к наследию другого классика социологической науки Макса Вебера. В отличие от Дюркгейма, М.Вебер отправным в исследовании общественных отношений сделал социальное поведение человека, специфика которого состоит в наличии субъективно подразумеваемого смысла: «Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹³¹.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения /Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. - С. 602—603.

Этот базовый принцип «понимающей» социологии объясняет, что, вступая в социальные отношения, индивиды определяют свое поведение взаимно. Соответственно, типы человеческих сообществ различаются прежде всего по тому, как сами индивиды понимают связь друг с другом.

На этом основании М.Вебер выделяет два типа сообществ, сопоставление которых напоминает Теннисову дихотомию общности (гемайншафт) и общества (гезельштафт). Только Макс Вебер разграничивает не сами сообщества, а типы взаимодействий между людьми, образующие отношения в сообществах. Это, с одной стороны, отношения по типу общинных (федемайнскбафтунг, нем. *Vergemeinschaftung*), с другой стороны, отношения по типу ассоциативных (фегесельсбафтунг – нем. *Vergesellschaftung*)¹³². При первом типе отношений люди взаимодействуют потому, что чувствуют принадлежность друг другу; при втором отношения основаны на осознанном балансе интересов и вытекающем из него рационально мотивированном соглашении.

Идеальным типом для отношений общинного типа выступает семья, а для ассоциативных отношений - договорная сделка в условиях свободного рынка. Вместе с тем М.Вебер указывает, что в реальных социальных отношениях чаще всего принципы *Vergemeinschaftung* и *Vergesellschaftung* присутствуют одновременно, в той или иной пропорции. Так, всякая добровольная ассоциация, основанная на личном интересе, не исключает и приверженности ее членов общим ценностям. И наоборот, объединяющие эмоциональные ценности часто подкрепляются и наличием рационально осознаваемого взаимного интереса. На многочисленных примерах анализа социальных отношений в рамках современного ему западного буржуазного общества М.Вебер показывает, что практически всякое общественное действие является одновременно и инструментально рациональным, и

¹³² Там же.

ценностно-рациональным, а любые рационально мотивированные отношения могут одновременно мотивироваться эмоциональными ценностями, превышающими их утилитарное значение. Показательным примером этого может служить связь протестантской этики и капиталистического типа отношений¹³³.

С точки зрения целей и задач настоящего исследования интересно, как М.Вебер объясняет возникновение нового сообщества из людей, не связанных родством, совместным проживанием, утилитарными интересами, под влиянием разделяемых духовно-эмоциональных ценностей. Это лучше всего показать на примере веберовского описания религиозных сообществ.

Особый интерес представляют сообщества, возникающие в истории разных религий на фоне уже функционирующей традиционной культовой обрядности с закреплённой системой статусов. Инициировать возникновение такого сообщества может пророк. Это наделённый «харизмой» человек, провозглашающий некую новую идею или духовную ценность, выводящую за пределы обычной повседневной религиозной практики. «Если пророчество пользуется успехом, пророк обретает постоянных помощников»¹³⁴. Это, во-первых, ученики, спутники, апостолы, привязанные к пророку лично, во-вторых, люди, предоставляющие им убежище, деньги и иную материальную помощь. Такая община отличается от соседского союза, поскольку она возникает не на экономической или политической основе.

¹³³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения /Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайдено. - М.: Прогресс, 1990. - С. 61 – 272.

¹³⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. в 4 т. Т.2: Общности/ Пер. с нем. ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Гл. 4 . Типы религиозных общностей. § 5. Община.

Другой тип религиозной общины - «открытая вовне и непостоянная по составу общность» последователей мистагога или элевсинских мистиков: «Человек, ищущий спасения, вступает лишь во временную связь с мистагогом и его помощниками»¹³⁵, при этом «участники образуют интерлокальную, т. е. не связанную с конкретными местностями общность»¹³⁶. В случае же «экземплярного пророчества» лишь те, кто безоговорочно следует за пророком, становится членом узкой «экземплярной общины»¹³⁷, вне которой остаются «благочестивые почитатели, «которые не стали целиком и полностью на путь спасения, но надеются обрести относительный спасения посредством выражения преданности экземплярному святому».

В качестве примера «экземплярной общины» М.Вебер приводит Будду и его учеников. Однако следует заметить, что, по крайней мере, при жизни исторического Будды (Сиддхартхи Гаутамы) вне его общины были отнюдь не «благочестивые почитатели», а враждебно настроенные приверженцы тысячелетней традиционной религии – индуизма, в глазах которых буддисты были, если не опасными сектантами, то, как по меньшей мере, представителями оппозиционных взглядов и ценностей¹³⁸. Не удивительно, что «буддизм был со временем не просто оттеснен индуизмом, но фактически вытеснен им за пределы Индии, где он и обрел вторую родину в ряде стран Юго-Восточной и Центральной Азии, Дальнего Востока»¹³⁹.

Примеры новых религиозных объединений интересны для нас как пример сообщества, возникающего на базе разделяемых неутилитарных ценностей. При этом участники такого сообщества не обязательно должны

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ См.: Васильев Л.С. История религий Востока. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Кн. дом «Университет», 1998. - С. 285 – 286.

¹³⁹ Там же.

быть членами одного локального сообщества. Даже если они проживают в одной местности, одном населенном пункте, это является лишь привходящим обстоятельством с точки зрения их связей внутри сообщества.

В этом отношении показателен следующий пример из современной российской действительности. П.В.Врублевская в ходе анализа солидаризации приходской общины в одном из малых городов России пришла к выводу о том, что «индикаторы «общинного измерения» религиозности, выделенные Глоком и Старком¹⁴⁰, не подходят для изучения православия в России»¹⁴¹, поскольку «через дружбу в среде единоверцев и активность в религиозных организациях не удается уловить, что в действительности объединяет людей вокруг приходской церкви, и, соответственно, неясным остается, что конституирует православную общинность»¹⁴². Нерабочими оказались такие индикаторы, как «активность в религиозных организациях»¹⁴³ и «дружба с единоверцами»¹⁴⁴.

В чем причина этого? Представляется, что все дело в различиях самих религий. Методологический аппарат американских социологов, разработанный и апробированный на материалах наблюдений за общинами протестантов, оказался недостаточно валидным, будучи примененным к православному приходу.

Дело в том, что для адептов православия любые формы общения с единоверцами на приходе не являются ценностным приоритетом. Они приходят в церковь в первую очередь ради удовлетворения своих религиозных потребностей, главная из которых – участие в Евхаристии. В

¹⁴⁰ См.: Glock Ch. Y., Stark R. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press, 1968.

¹⁴¹ Врублевская П.В. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *laboratorium: журнал социальных исследований*. 2015. 7 (3). – С. 142.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

этом проявляется кафоличность (вселенскость) православия. Приходя в храм, верующий через участие в богослужении приобщается не к данной общине, а ко всей Церкви, главой которой является, согласно православному вероучению, Иисус Христос. Сколь бы харизматичным ни был конкретный священник, прихожане идут все-таки не к нему, а ко Христу, священник же является их предстоятелем перед Богом. В противном же случае они рискуют оказаться отделенными от церковной полноты.

Этим отличается церковная община от «экземплярной общины» (по М.Веберу). Всякое новое религиозное объединение вначале возникает как «экземплярная община», а в дальнейшем для него существуют два пути: либо оно оказывается зерном, из которой разовьется всемирное объединение - собственно, церковь (или иная другая мировая религия, как это произошло, например, с общиной Будды Шакьямуни), либо останется замкнутой на себя герметичной сектой.

Кафоличность церкви означает ее всемирность в смысле связности, субстанциального единства всех ее частей: «Церковь кафолична, как в своей совокупности, так и в каждой из своих частей. Полнота целого – не сумма ее частей, так как каждая часть обладает той же полнотой, что и ее целое»¹⁴⁵. В русском богословии и религиозной философии синонимом термина «кафоличность» является «соборность». Так, в одном из авторитетных учебников по догматическому богословию говорится:

«Соборной, Кафолической или Вселенской Церковь называется и есть: 1) по пространству. Она предназначена обнимать собою всех людей, где бы они ни обитали на земле; 2) по времени. Церковь предназначена приводить к вере во Христа всех людей и существовать до скончания века; 3) по своему

¹⁴⁵ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви; Догматическое богословие. - М.: Центр «СЭИ», 1991. – С. 137.

устройству. Учение Церкви может быть принято всеми людьми <...> не будучи связано <...> ни с каким гражданским устройством»¹⁴⁶.

Таким образом, кафоличность церкви заключается не только в единстве всех ее частей, но и в её открытости внешнему миру, принципиальном отсутствии жестких внешних границ. В этом ее отличие от «воображаемого сообщества» в определении Б.Андерсена¹⁴⁷, которое существует наряду со сходством. Как и представители одной нации «никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности»¹⁴⁸, так и члены церкви содержат в своем сознании образ единой церкви. И если согласно Б.Андерсену «нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» и «братство», за которое люди готовы «не столько убивать, сколько добровольно умирать»¹⁴⁹, то что-то подобное можно сказать и о церкви.

Но если нация – это «нечто ограниченное <...> потому что нация всегда подразумевает существование других наций <...> и специфика её феномена именно в противопоставлении другим нациям», то церковь не отделена от внешнего мира непроходимыми границами и мыслится в идеале как открытое, всечеловеческое единство.

Вот почему прихожане православного прихода не ограничивают свои дружеские связи только единоверцами, а свою общественную активность только приходскими начинаниями. Это не признак ослабления веры и

¹⁴⁶ Православно-догматическое богословие Макария, митрополита Московского и Коломенского : В 2 т. - Репр. изд. - Тутаев : Правосл. братство св. князей Бориса и Глеба, 1999. - § 180.

¹⁴⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

затухания церковной жизни, а нормальное и закономерное ее проявление, отражающее как доктринальные установки православия, так и сущностные характеристики православной церкви как социального организма.

Более того, в современных условиях верующий, особенно в большом городе, где много храмов, вовсе не обязательно должен быть «привязан» к одному определенному приходу. И в целом участие в приходской жизни не является обязательным. Конкретный храм и приход в этом смысле выполняют некую транзитную функцию, выступая в качестве доступной для индивида инстанции, через которую он приобщается к единому универсальному сообществу, разнесенному в пространственно-временном и онтологически абсолютном (материально-духовном) континууме.

Представляется, что подобным образом в функции сообщества-транзитера могут выступать не только религиозные общины, но и многие другие сообщества в современном мире. Так, например, абитуриент, стремящийся поступить в МАИ, мечтает связать свою судьбу с авиацией и космонавтикой, а не остаться навсегда в стенах института. То же справедливо и в отношении любого другого высшего учебного заведения.

Введем определение транзитного сообщества (от лат *transitorius* – временный, преходящий). Под транзитным сообществом мы будем понимать сообщество, мотивом вступления в которое для индивида является причастность к более широкой, универсальной общности, ассоциируемой с ценностями неутилитарной природы.

Отношения между членами транзитного сообщества определяются тем, что они «смотрят в одну сторону». При этом они могут более или менее тесно взаимодействовать друг с другом, в зависимости от того, в какой мере их деятельность в сообществе предполагает разделение труда.

Эти отношения могут носить конкурентный характер, если «выход» в целевую общность ограничен. Такие отношения могут быть, например, между тренирующимися у одного тренера спортсменами - представителями

индивидуальных видов спорта. Все готовятся к Олимпиаде, но поедут на нее не все, а только лучшие. Причиной конкуренции между членами сообщества может быть ограниченность используемого в деятельности ресурса. В качестве такового могут выступать материалы, финансы, время, помещения и т.п. Если же ресурс не ограничен или имеется в достаточном количестве, то конкуренции нет.

В свете этих определений представляется, что описанные в предыдущем параграфе университетские сообщества технологических энтузиастов являются транзиторными сообществами, а благодаря хорошей обеспеченности их помещениями, нужным оборудованием и расходными материалами они являются в общем случае низкоконтурными. Точнее говоря, внутренняя конкурентность для университетского сообщества является переменной величиной, значение которой может определяться различными факторами, в том числе возможностями и позицией руководства конкретного университета по вопросу оснащения деятельности сообщества.

В современной социологической науке наблюдается высокий интерес к исследованиям сообществ. При этом наблюдается как общая тенденция к расширению спектра трактовок этого понятия, так и попытки рефлексии над соответствующими научными дискурсами. Так, Д.Е.Добринская, вслед за А.Гидденсом и Р.Уильямсом¹⁵⁰, первые упоминания о сообществах относит к XIV в., отмечая, что «данное понятие может использоваться для определения реальных социальных групп (к примеру, людей одного социального ранга, представителей одного государства или жителей определенного района). Под сообществом также понимается общий смысл взаимодействия (сообщества по интересам или общность имущества)»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Giddens A., Sutton P.W. Essential concepts in sociology. Cambridge, 2017; Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. N.Y., 1985.

¹⁵¹ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. – С. 59.

При этом пространство трактовки понятия «сообщество», начиная с работ представителей Чикагской школы социологии и символического интеракционизма, разворачивается, условно говоря, в трех основных измерениях, которые можно условно обозначить как «физическая локализация», «институционализация» и «виртуализация». С одной стороны, любое социальное действие организуется в физическом пространстве, а потому для образования любого сообщества необходимо фактическое соседство людей, совместное их проживание на определенной местности. Так, согласно определению Р.Э.Парка сообщество есть «собрание людей, занимающих более или менее четко определенную область»¹⁵². Вместе с тем признается, что социальные трансформации современного общества могут порождать новые формы коммуникации внутри сообществ, в том числе символические и виртуальные, как и новые формы самих сообществ, выходящие за территориальные рамки. Замена прямой непосредственной коммуникации опосредованной, виртуальной становится возможна благодаря институциональной природе сообщества. Р.Э.Парк считал сообщество скорее набором институтов, чем совокупностью индивидов. Согласно подходу чикагской школы именно институты являются «конечным и решающим фактором, отличающим сообщество от других социальных констелляций»¹⁵³.

Как видим, уже представители Чикагской школы в первой четверти прошлого века, в условиях модерна, ясно демонстрировали понимание того, что под влиянием процессов урбанизации, развития новых форм коммуникации, общего роста населения, отношения в сообществах будут неизбежно принимать новые формы, выходящие за границы локальных сообществ.

¹⁵² Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. - С. 1

¹⁵³ Там же. - С. 14.

Э.Гидденс и Ф. Саттон предложили предельно широкое понимание сообщества как «группы людей, проживающих на определенной территории или имеющих общие интересы и систематически взаимодействующих между собой»¹⁵⁴.

В 1985 г., в рамках антропологического подхода, Э.Коэн развил понимание институционально-символической природы границ сообщества¹⁵⁵. После выхода этой работы, наряду с «Воображаемыми сообществами» Б.Андерсона, понятие сообщества «перестало обозначать локальную единицу, территориальную близость»¹⁵⁶, появилась возможность «на эмпирическом уровне определить почти любую устойчивую регламентированную коммуникацию как сообщество»¹⁵⁷ и т.д.

Для современного социологического дискурса характерен повышенный интерес к виртуальным сообществам, предсказанный еще в 1968 г. Дж. Ликлайдером и Р. Тейлором¹⁵⁸, впервые описавшими будущие «интерактивные мультидоступные компьютерные сообщества», которые позволят основывать социальные взаимодействия «не на случайной пространственной близости, а на основе общности интересов, станут сообществами интересов, а не физических мест»¹⁵⁹.

Эти предсказания реализовались спустя четверть века с распространением Интернета на рубеже 1980-х - 1990-х гг. В этот же период

¹⁵⁴ Giddens A., Sutton P.W. Essential concepts in sociology. Cambridge, 2017.

¹⁵⁵ Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // общинности // laboratorium: журнал социальных исследований. 2015. 7 (3). – С.93.

¹⁵⁶ Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // общинности // laboratorium: журнал социальных исследований. 2015. 7 (3). – С.93.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Licklider J.C.R., Taylor R.W. The computer as a communication device // Reprinted from Science and Technology. 1968. Vol. 76.

¹⁵⁹ Там же

появились работы, описывающие уже реальные виртуальные сообщества¹⁶⁰. В связи с этим стала развиваться проблематика сопоставления физических и виртуальных сообществ. Так, в публикации 2004 года группой ученых на основании комплекса характеристик проведено жесткое разграничение двух типов сообществ - физических и виртуальных¹⁶¹. При этом сами авторы признают условность такого деления, оправдывая его аналитической целесообразностью. Согласно определениям Дж. Е. Каца, Р.Е.Райса и др. необходимым условием существования физических сообществ является присутствие индивидов в едином физическом пространстве. Без этого невозможны коммуникация лицом-к-лицу и регулярные интеракции между членами сообщества, а, соответственно, и наличие межличностных связей, высокого уровня доверия, непосредственной близости, что подкрепляется общим происхождением или общей памятью, общими потребностями и разделяемыми ценностями¹⁶². Виртуальные же сообщества основаны исключительно на разделяемых всеми участниками социальных практиках и интересах¹⁶³.

Подход, основанный на жесткой дихотомии физических и виртуальных сообществ представляется методологически слабым, поскольку не охватывает всего массива современных сообществ, описывая лишь два крайних случая. Более плодотворным представляется подход М. Кастельса и Б. Уэллмана, согласно которому сообщества, функционирующие в киберпространстве,

¹⁶⁰ См.: Wellman B., Carrington P.J., Hall A. Networks as personal communities // Social Structures: A Network Approach / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Cambridge, 1988. P. 130–184; Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1993 и др.

¹⁶¹ Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. Personal mediated communication and the concept of community in theory and practice // Communication and community. Communication yearbook. Vol. 28 / Ed. by Kalbfleisch. Mahwah, 2004. P. 325

¹⁶² Там же

¹⁶³ Там же.

представляют собой «продолжение» реальных сообществ, а Интернет выступает в роли технического средства расширяющего возможности интерактивных взаимодействий в рамках социальных практик. Справедливость этой позиции подтверждается активной практикой университетских сообществ в период пандемии.

Однако Б.Уэллман идет еще дальше, утверждая, что Интернет преобразовал саму природу современных сообществ, сделав её сетевой: «Мы находим сообщества не группах, а в сетях»¹⁶⁴, что означает, по мнению автора, снижение уровня внутригрупповой солидарности и связанности. Место прочных солидаристских образований занимают персонализированные слабосвязанные и слабоограниченные сообщества взаимно дистанцированных индивидов¹⁶⁵. Поэтому, как считает Б. Уэллман, сегодня речь должна идти не о групповой принадлежности индивида, а о том, что он имеет свое «персонализированное сообщество», выводящее его «за пределы соседства и территориальных границ и удовлетворяющее его потребности в аффилиации, информации и социальной идентичности»¹⁶⁶, а использование поддерживаемого Интернетом киберпространства дает индивиду более широкий круг возможностей при выборе единомышленников. Вместе с тем Б.Уэллман не согласен с тем, что «физическое пространство исчезает с появлением киберпространства. Напротив, оно продолжает формировать социальные взаимодействия, предоставляя индивидам как определенные возможности, так и ограничения»¹⁶⁷.

В целом нельзя не согласиться с Д.Е.Добринской в том, что «распространение новых информационных и коммуникационных технологий

¹⁶⁴ Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. N 2. P. 227.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

изменило способы, с помощью которых создаются, организуются и функционируют сообщества, предоставив возможности для новых форм социального взаимодействия»¹⁶⁸.

Наряду с этим есть основания «говорить о «продолжении» традиционных сообществ, характерных для реального мира, в мире киберпространства»¹⁶⁹. Подобно традиционным сообществам, современные сообщества, стремятся «транслировать определенные смыслы и ценности посредством устоявшихся норм и правил, принятых участниками сообщества, обладающих чувством идентичности, наличием общего интереса и конкретных целей социального взаимодействия»¹⁷⁰. Этот вывод подтверждается тем фактом, что среди полевых исследований социологов по-прежнему, вплоть до последнего времени, значительное место занимает изучение локальных сообществ¹⁷¹.

С учетом существующего спектра определений понятия сообщества и подходов к исследованию сообществ вырисовывается набор характеристических признаков, позволяющий описать университетские сообщества технологических энтузиастов как тип сообщества, обладающий сущностной определенностью.

Важный характеристический признак сообщества – локальность или ее отсутствие. Если под локальным сообществом традиционно понимается

¹⁶⁸ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. – С. 78.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ См. об этом: Павлюткин И.В., Юдин Г.Б. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // общинности // *laboratorium: журнал социальных исследований*. 2015. 7 (3). – С.88 – 105; Юдин Г.Б., Колошенко Ю.А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: Локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. №5 - С. 5–14.

постоянное соседство людей, проживающих и ведущих домохозяйство в одной местности (как правило, это жители одного племени, небольшого населенного пункта, городского дистрикта – в зависимости от объектной ориентации исследователя), то применение этой характеристики к университетским сообществам представляется проблематичным. С одной стороны, члены этих сообществ фактически находятся в одном пространстве. Ведь большую часть своего времени они проводят в стенах университета, а многие из них и соседствуют в кампусе. С другой стороны, между членами университетского сообщества отсутствуют устойчивые хозяйственно-экономические связи, которые в локальных сообществах обычно наличию домохозяйств и на отношениях собственности, трудовых или договорных имущественных отношениях между членами сообщества. Отсутствуют в общем случае между членами университетского сообщества и кровно-родственные связи. Все это принципиально отличает университетское сообщество от традиционных исторических форм сообщества (семьи, городской или сельской общины, цеха и др.).

Для иллюстрации этого различия обратимся к классическому труду А. де Токвиля, в разных частях которого описаны община и объединение как два принципиально различных по своей природе элемента политической системы Америки середины XIX века. Община, как показывает А. де Токвиль, «является тем единственным объединением, которое так хорошо отвечает самой природе человека, ибо повсюду, где бы ни собирались вместе люди, община возникает как бы сама собою»¹⁷². А значит, «общинное устройство существует у всех народов, независимо от их обычаев и законов»¹⁷³.

Что же касается объединений, то они возникают по собственному сознательному волеизъявлению людей ради совместной деятельности по

¹⁷² Токвиль А. де. Демократия в Америке — М.: Прогресс, 1992. – С. 68.

¹⁷³ Там же.

реализации тех или иных задач, в чем появляется гражданская активность людей. Так, «уже в школе дети подчиняются, включая игры, тем правилам, которые они сами устанавливают, и наказывают своих одноклассников за нарушения, ими же самими определяемые. То же самое мы встречаем во всех сферах социальной жизни. Предположим, загромождали улицу, проход затруднен, движение прервано; люди, живущие на этой улице, тотчас организуют совещательный комитет; это импровизированное объединение становится исполнительной властью и устраняет зло <...>. Если речь пойдет о веселье, люди объединятся, чтобы совместными усилиями придать празднеству больше блеска, сделать праздники более регулярными. <...> В Соединенных Штатах объединяются в целях сохранения общественной безопасности, для ведения торговли и развития промышленности, там есть объединения, стоящие на страже морали, а также религиозные. Всего может достичь воля человека, в свободном выражении себя приводящая в действие коллективную силу людей»¹⁷⁴.

Университетские сообщества демонстрируют определенное сходство с описываемыми А. де Токвилем свободными объединениями американцев периода расцвета демократии в этой стране. Не углубляясь в политические аспекты существования сообществ, стоит заметить, что первой необходимой предпосылкой активного образования университетских сообществ и их продуктивной деятельности является развитое гражданское общество, опирающееся на демократическое государство, гарантирующее каждому свободу творчества, в том числе научного и технического (ст.44 Конституции РФ), а также свободу деятельности общественных объединений (ст. 30 Конституции РФ).

Следующим важным условием существования университетских сообществ является позиция руководства университета. Для того, чтобы

¹⁷⁴ Там же. – С. 154.

сообщества в университете возникли и продуктивно функционировали, недостаточно собственного энтузиазма их участников. Необходимо также, чтобы руководство университета не только разрешило деятельность объединения, но и предоставило необходимую для этого платформу: выделило помещение, обеспечило необходимое материальное оснащение, расходные материалы, электроэнергию и т.п.

В социально-экономическом дискурсе последних лет активно разрабатывается проблематика платформ.

Как правило, под платформой понимают «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей - покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты. Довольно часто эти платформы предлагают также некий набор инструментов, которые позволяют пользователям конструировать собственные продукты, услуги или рынки»¹⁷⁵. При этом автор посвященной платформам монографии 2016 года Н.Срничек отмечает, что «технически платформы и могут существовать в нецифровых форматах»¹⁷⁶.

Представляется, что университет, создавая инфраструктурные условия для деятельности сообществ энтузиастов, предлагает нечто аналогичное платформам в современном сетевом бизнесе. Важным отличием является некоммерческий (в общем случае) характер отношений в сфере деятельности университетских сообществ.

Вместе с тем аналогия с платформенным предпринимательством напрашивается и представляется подходящим способом разрешить антиномию «локальное – виртуальное» в отношении университетских

¹⁷⁵ Срничек Н. Капитализм платформ. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. - С. 18.

¹⁷⁶ Там же.

сообществ. Они являются и не локальными, и не виртуальными. С учетом того, что они базируются в определенном физическом и информационном пространстве, используя место, оборудование и расходные материалы, предоставляемые университетом, назовем их локально-платформенными.

В историческом аспекте университетские сообщества являются **новыми**, в отличие от традиционных сообществ, таких как община, цех и др.

В демографическом аспекте это сообщества преимущественно, **молодых** людей, лишь недавно ставших взрослыми, не обремененных, как правило, семьей и заботой о потомстве, ведением собственного домохозяйства, находящихся в процессе получения высшего образования и обретения профессии.

С демографическими особенностями связаны и социально-психологические характеристики участников университетских сообществ. Это люди с высоким творческим потенциалом, мотивированные на получение знаний и **самореализацию** в профессии и/или социальном служении.

В деятельностном аспекте (по характеру и содержанию деятельности) университетские сообщества - продуктивно-творческие, ориентированные на **инновационную проектную деятельность** объединения. Способом их существования является как совместная, так и индивидуальная практическая деятельность (на общей локальной и ресурсной базе) по созданию и реализации инновационных технических проектов.

В культурном аспекте это объединения, ориентированные на развитие **техники**, технический прогресс, в полной мере отвечающие определению **сообществ практик будущего**.

В экономическом аспекте это субъекты, инициативная инновационная деятельность которых не направлена непосредственно на получение прибыли, носит характер свободной игры творческих сил, однако предполагает **в перспективе** оценку конечных результатов с точки зрения экономической эффективности.

По характеру участия индивидов в университетском сообществе мы охарактеризовали эти сообщества как **транзиторные**, с низким уровнем внутренней конкуренции.

Иными словами, на основании сопоставления социально-философских концепций и реальных характеристических признаков университетских сообществ технологических энтузиастов определен онтологический статус этих сообществ, выявлены их сущностные характеристики: отношения с университетом как с «платформой» развертывания деятельности сообщества; временный («транзиторный») характер сообществ; ключевая роль выпускников сообществ как субъектов переноса практики сообществ в более широкие социальные поля; способность к выработке новых социальных практик основанных на современных технологиях («практик будущего»).

Сообщества технологических энтузиастов представляют собой особый ранее не получивший социально-философского осмысления тип сообщества: это локально-платформенные, новые (в отличие от традиционных сообществ) сообщества молодых людей с высоким творческим потенциалом, мотивированных на получение знаний и самореализацию в профессии и/или социальном служении, продуктивно-творческие, ориентированные на инновационную проектную деятельность по развитию новых технологий и соответствующих им социальных практик, транзиторные по форме участия и оказывающие социо-преобразующее воздействие через своих выпускников.

Глава II.

СУБЪЕКТНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СООБЩЕСТВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ КАК СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

§1. Проблема субъекта в социальной философии

Вопрос об отношении субъекта и социальной структуры, все еще представляет собой проблему для социальной теории. Исследователи предлагают разное видение соотношения ролей между конкретным человеком с его свободой воли и социальной структурой с ее детерминирующими человеческое поведение силами.

Понятие субъекта в современном социально-философском дискурсе приобрело проблемный и дискуссионный характер. В ряде достаточно авторитетных подходов ставится под сомнение или прямо отрицается онтологический статус субъекта. Тезис о «смерти субъекта» базируется на отрицании единства, целостности, самотождественности субъекта; абсолютизации как его внешней детерминированности, так и, наоборот, спонтанности; дезавуировании человеческой и социальной природы субъектности; концентрации фокуса внимания на телесности человека и связанных с ней вопросах пола и сексуальности; утверждение номадичности (вариативности) природных атрибутов человека; объективацию философского дискурса субъектности через установление его обусловленности или хронологических рамок, в частности, когда само философское понятие субъекта рассматривается как продукт современного сознания¹⁷⁷. «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, - это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

¹⁷⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вст. ст. Н.С. Автономовой. — СПб., А-сad, 1994. — С. 404.

В ряде случаев отрицание или нивелирование субъектности выводится из экспликации понятия «субъект» через диверсифицирующие понятия, такие как «автор», «актор», «агент» в специальных (в том числе социологических, семиотических, политологических) исследованиях для раскрытия разных сторон и аспектов субъектности. Само по себе это еще не влечет замену родового понятия его деривативами. Так, М.Фуко рассматривает Автора-Субъекта, производителя социальных «текстов» как функцию, порождаемую дискурсом, и гипотетически допускает существование культуры, в которой возможно обращение дискурсов без такой функции¹⁷⁹.

Тезис о «смерти субъекта» стал общим положением в работах представителей постмодернистской и постструктуралистской мысли (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Пешё, Дж. Батлера и др.), вытекающим из утверждения первичности зависимости человека от государственных и иных властных институций и социальных практик, что трактовалось как производность субъекта от формирующей его конфигурации властных отношений. Принципиально асубъектная модель социальной реальности была предложена Ж. Делёзом и Ф. Гваттари¹⁸⁰. Свой вклад в размывание категории субъекта внесли представители феминизма¹⁸¹.

В целом нельзя не согласиться с А.А.Сауткиным в том, что «антисубъективизм в современной социальной философии должен

¹⁷⁹ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет/ Пер. с фр. - М.: Касталь, 1996. - С. 40.

¹⁸⁰ См.: Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

¹⁸¹ См.: Батлер Дж.. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. — М.: V-A-C Press; Брайдотти Р. Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000а. № 4. - С. 18–44; . (Brajdotti R. Putem nomadizma // Gendernye issledovanija. 2000a. N 4. S. 18–44.) Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000б. - С. 220–251.

рассматриваться именно как устойчивое мыслительное поле, определяемое целым рядом констант»¹⁸². Вместе с тем тезис о позитивном характере данной тенденции как «новой парадигмы социально-философских исследований» и перспективности её утверждения в качестве единственно верной и доминирующей¹⁸³, не представляется бесспорной. Трудно принять без критики положение о том, что социально-философский подход, центрирующий «все рассуждения об обществе вокруг человека и его свободного выбора, вокруг специфичности человека как сущего», является не более чем «инерцией мысли»¹⁸⁴, отражением «различных догм, мнений и мнимых очевидностей, касающихся понятия «субъект»»¹⁸⁵.

Напротив, кристаллизация интуиций самосознающего человеческого духа в классической философии представляется одним из ее важнейших достижений, а категория субъекта как результат этой кристаллизации - одной из высших духовных ценностей, отказ от которой чреват небезопасными гуманитарными последствиями. К тому же, как будет показано, современные научные и философские подходы, сохраняющие понятие субъекта, отнюдь не являются бесперспективными.

Классическая социально-философская трактовка понятия «субъект» выражается в следующих методологических принципах. Во-первых, субъект выступает в составе бинарной оппозиции «субъект-объект», представляя активное познавательное или практически-деятельное начало, направленное на объект, что выражается формулой: «нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта». Во-вторых, в отличие от гносеологии, социальная философия

¹⁸² Сауткин А.А. Проблема субъекта в современной социальной философии (анализ некоторых критических концепций). – Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Архангельск, 2004. – С. 20.

¹⁸³ Там же. – С. 4.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

рассматривает субъект преимущественно в аспекте деятельности. При этом мы полностью разделяем позицию К.Х.Момджяна, определяющего человеческую субъектность через деятельность как её (субъектности) субстанциальную основу¹⁸⁶, а не наоборот, деятельность через субъектность.

В-третьих, не подвергается сомнению антропогенность субъекта. Это не препятствует тому, что в рамках социальной философии применимы как индивидуальная, так и надындивидуальная (групповая) трактовка субъекта. Если под субъектом понимается группа, то это всегда будет группа людей, а не иных существ или предметов.

К.Х.Момджян фиксирует ключевую роль субъекта в социальном знании и определяет его «как практическое существо, активность которого не ограничена познанием окружающего мира, а предполагает его фактическое изменение, целенаправленное преобразование, создающее артефактные условия жизни, отсутствующие или недостающие в среде существования»¹⁸⁷. Из такого понимания следует, что субъектом может быть только человек.

Вместе с тем вопрос о возможности существования коллективного, интегративного субъекта социальных изменений в современной социальной философии является дискуссионным. Если сторонники «методологического коллективизма» (в терминологии К.Поппера) рассматривают в качестве полноценных социальных субъектов только социальные группы и институты, при этом отрицая или умаляя субъектность индивидов, которые при данном подходе выступают лишь как «клетки» социального организма, то представители «методологического индивидуализма» считают, что субъектные свойства могут в полной мере проявляться лишь на индивидуальном уровне, и, соответственно, только индивиды «обладают

¹⁸⁶ Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществознании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. - С. 71–82.

¹⁸⁷ Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1., М.: Издательство Московского Университета, 2013

монополией на целеполагающую активность, которая формирует социальную реальность»¹⁸⁸.

Обе описанные методологические установки, в их крайних проявлениях, не представляются достаточно продуктивными для исследования столь сложного явления, как человеческая субъектность во всем многообразии его социальных проявлений. С одной стороны, разделяя тезис о деятельности как субстанциальной основе субъектности, мы не можем игнорировать тот самоочевидный факт, что источником значимых социальных изменений в большинстве случаев является не деятельность отдельных индивидов, а интегрированная деятельность групп, сообществ, социальных общностей, движений. При этом мы, разумеется, не отрицаем и роли выдающейся личности в истории. Но действия гениальных одиночек лишь тогда порождают преобразующий социальную реальность эффект, когда они осуществляются в русле коллективного действия, либо поддерживаются коллективным действием.

Наша позиция состоит в том, что социальный субъект может быть как индивидуальным, так и коллективным. Причем природа коллективной субъектности столь же сложна, как и природа индивидуальной субъектности. Если первую рассматривать как результат интеграции индивидуальных волей, то механизмы и этой интеграции требуют отдельного рассмотрения и изучения. С другой стороны, кладя в основу определения субъекта деятельность, мы не можем не признавать социальную природу этой деятельности, уже на уровне индивидуальной, в противном случае мы рискуем получить социальную онтологию в виде «робинзонады».

¹⁸⁸ См.: Момджян К.Х. Социально-философский подход к проблеме человеческой субъектности // Человек. 2022. Т. 33. № 4. - С. 9.

Верно и то, что, как отмечает Н.И.Яблокова, «не всякий индивид выступает как субъект»¹⁸⁹. Чтобы соответствовать статусу субъекта, «индивид должен выступать иницирующей стороной во взаимодействии с объектом, реализуя собственные цели»¹⁹⁰. Именно это положение исключает, по мысли автора, возможность придания статуса субъекта техническим устройствам¹⁹¹. На наш взгляд, никакому человеку нельзя отказывать в субъектности. Другое дело, что любой человек не всегда, не в любом состоянии и не в любом отношении должен рассматриваться как субъект. В определенных ситуациях человек может выступать и в качестве чистого объекта воздействия со стороны другого субъекта (например, в процессе лечения или иных манипулятивных воздействий).

Исходя из разделяемого нами деятельностного подхода к определению субъектности, определяющими характеристиками субъекта являются самосознание, целеполагание, инициативная деятельностная активность. С субъектностью неразрывно связана свобода воли и моральная ответственность человека.

Так определяемое понятие субъекта, на наш взгляд, нуждается в дополнительном закреплении принципа антропогенности (а не только антропоморфности). Сегодня уже не представляется фантастикой создание устройств с искусственным интеллектом, превосходящим возможности человеческого разума, способных к принятию решений на основе анализа данных и рационального целеполагания, не исключая и этические основания. Однако, как бы ни были совершенны во всех (в том числе, возможно, и моральных) отношениях эти сущности, как ни были они похожи на людей, они - не мы. А раз это так, то все остальные определяющие признаки

¹⁸⁹ Яблокова Н.И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2018, №5. – С. 101.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

субъекта теряют смысл. Ведь ценностная сторона философской категории «Субъект» определяется именно эгоцентрической позицией мыслителя: субъект – это Я (или Мы).

Собственно, в этом значении и ввел категорию субъекта в философский обиход Р.Декарт, заявив не о ком-то, а именно о себе, в первом лице: «Cogito ergo sum». Из сознания собственного Я, доступного каждому человеку, выводит принципы и метод Наукоучения И.Г.Фихте, усматривая в Я источник упорядочения, систематизации и гармонизации объективной реальности: «Впервые через Я входят порядок и гармония в мертвую и бесформенную массу», «его наблюдение указывает в бесконечном многообразии каждому свое место, чтобы ничто не вытесняло другое, оно вносит единство в бесконечное разнообразие»¹⁹². На тот объективный факт, что человек непосредственно «дан» самому себе с абсолютной достоверностью, указывает и философия жизни в лице В.Дильтея: «Моя внутренняя жизнь - а это и есть подлинная жизнь духа - всегда предстает как органическая целостность, нерасторжимая на абстрактные моменты»¹⁹³.

Из этих соображений представляется необходимым дополнить понятие субъекта явно сформулированным принципом антропологического эгоцентризма, понимаемым как простой волюнтаристский отказ в статусе субъекта кому-либо или чему-либо, не являющемуся человеком или человеческим сообществом. Приняв этот принцип, мы тем самым превентивно ветируем любые дискуссии о наделении субъектностью вещей и существ нечеловеческого происхождения.

Не менее важным представляется и принцип интересубъектности, не противоречащий принципу противопоставления субъекта и объекта, но

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Дильтей В. Иррациональность переживания и новые принципы наук о духе. Эстетизация социального знания // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т.2 / Отв. Ред. И сост. Ю.Н.Давыдов. – М.: Канон+, 1997. – С. 62.

диалектически дополняющий и раскрывающий его. Вопрос об интересубъектной природе человеческого Я был поставлен, хотя и в неявном виде, в гегелевской диалектике, в основе которой, по мнению исследователей, «лежит опыт коммуникации»¹⁹⁴, давая толчок «осознанию роли Другого в становлении Я»¹⁹⁵. Отношение Я к Другому Гегель определяет как «постижение себя в другом», показывая, что «самосознание является реальным, только поскольку оно сознает свое эхо (и свое отражение) в другом»¹⁹⁶. Правда, вопрос о бытии Я и Другого Гегель решает пока лишь в плане сознания и в диалектике власти-подчинения (борьбы «господина-раба»), вследствие чего Я у Гегеля играет активную роль Субъекта, а Другой – пассивную роль объекта. Тем не менее, идея участия Другого в становлении сознания Я впоследствии получила развитие в учении Дж Мида и других представителей символического интеракционизма о «зеркальном Я»¹⁹⁷ и интересубъектной природе человека.

Представляется, что именно интересубъектность лежит в основе интегративных механизмов порождения коллективной субъектности.

Противоположный гегелевскому подход видим у Л. Фейербаха, который принцип интересубъектности положил в основание своей философской антропологии, рассматривая общение Я и Ты как сущность человека: «Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся на реальность различия между Я и Ты»¹⁹⁸. По Л.Фейербаху, Я изначально познает себя в Другом, что

¹⁹⁴ Марков Б.В. - Философская антропология. Очерки истории и теории - СПб.: Издательство Лань, 1997. -- С. 31.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. -- М, 1971. – С. 90.

¹⁹⁷ Mead G.H. Mind, Self and Society. – Chicago: Univ. of Press, 1934.

¹⁹⁸ Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 тт. Т. 1. -- М.: Госполитиздат, 1955. – С. 203.

и способствует пробуждению самосознания через любовь: «Существует только противоположность Я и Ты, мужчины и женщины»¹⁹⁹. Хотя Л.Фейербах трактует связь между Я и Ты преимущественно в биологическом ключе, это не умаляет его вклада в философское осмысление интересубъектной природы человека. Более полное раскрытие принцип интересубъектности получил в философии жизни (теория эмпатии Т. Липпса и В.Дильтея), герменевтике (проблема понимания у Ф. Шлейермахера), феноменологии Э.Гуссерля и его последователей. Так, А.Шюц определяет социальную реальность как «всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции»²⁰⁰. Эта установка получила развитие в работах П. Бергера и Т. Лукмана²⁰¹, Г. Гарфинкеля²⁰² и др.

Как уже было сказано, термин «субъект» в значении «Я» впервые в европейской философской традиции был употреблен Декартом. До этого он использовался иначе. Латинское слово «subjectus» буквально означает «лежащий внизу, в основании, находящийся в основе». В греческом языке ему соответствует термин «гипокейменон». В латинских переводах Аристотеля словом *subjectum* обозначается индивидуальное бытие, материя как неоформленная субстанция²⁰³. Позднее слово «субъект» приобрело грамматический смысл, стало обозначать подлежащее в предложении.

¹⁹⁹ Там же. – С. 417.

²⁰⁰ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. - М.: МГУ, 1994. — С. 535.

²⁰¹ Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.

²⁰² Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. - СПб.: Питер, 2007. - 335 с.

²⁰³ См. об этом: Сауткин А.А. Проблема субъекта в современной социальной философии (анализ некоторых критических концепций). – Автореф. Дисс. ... канд. филос. ф. – Архангельск, 2004. – с. 2.

Поздние схоласты (Дунс Скот, Уильям Оккам) понимали под «субъектом» то, что существует в самих вещах, в противоположность объектам, существующим в сознании.

Тем не менее, основные аспекты субъектности в современном ее понимании присутствуют уже в античной философии с VI в до н.э., которая «с самого начала глубоко укоренена в жизненном мире человека»²⁰⁴. Уже построения досократиков «не случайно всегда завершаются учением о том, как следует человеку жить, в чем смысл и оправдание его деятельности»²⁰⁵. Кризис традиционного уклада и мифологической картины мира потребовал от индивида самостоятельности и социальной активности, поставил проблему личностной идентичности.

Философы классического античного периода (V – IV вв. до н.э.) разрабатывали учения о человеке как активном и компетентном члене социума, ответственного за свои решения. Софисты совершили поворот от натурфилософии к проблеме человека. Для Сократа одно из главных задач философии стало самопознание, то есть исследование человеком собственного мышления, чувствования, деятельности – с тем, чтобы научиться владеть и управлять сперва собой, а затем и другими. Платон развил сократовские идеи саморазвития, самосовершенствования человека. В образе возницы, управляющем двумя конями – диким и благородным, он метафорически выразил сложное строение души и интегрирующую роль человеческого Я как рационально-волевого начала, представив мышление как внутреннюю речь: «Душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая»²⁰⁶.

Важнейшей заслугой Аристотеля является включение в философское определение человека его социальных характеристик. Если для Платона (в его

²⁰⁴ Гайденко П. История греческой философии. – М.: ПЕР СЭ, 2000. - С. 8.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Платон. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. и– М.: Мысль, 1971. – С. 289.

«Государстве») идеальной социальной рамкой для активности индивида выступает жестко организованная «дюркгеймовская» структура, где каждому, в соответствии с его природными задатками, предписано подобающее место с определенным набором агентских функций, то для Аристотеля гражданин полиса – это инициативный актер, изобретатель, способный развивать свои природные дарования и использовать различные стратегии взаимодействия с другими для активного участия в жизни социума достижения личного успеха.

Если в антропологии софистов, Сократа, Платона и Аристотеля мы видим прообразы классических представлений о человеческой субъектности, то атомисты (Левкипп, Демокрита и их последователи) выступают как предтечи будущих отрицателей субъектности, утверждая абсолютную внешнюю материальную детерминированность психики и деятельности.

Таким образом, уже в античной классике не только представлена концептуальная конфигурация субъектной проблематики, но и намечены основные версии будущего философского и социологического дискурса субъектности. Хотя сам термин «субъект» еще не используется, но человек уже мыслится и как субъект познания – рационального (в версии Платона) и эмпирического (в версии Аристотеля), - и как субъект социального действия – функциональный агент социальной структуры (в версии Платона) или инициативный актер, способный породить и изменять конфигурацию отношений в обществе (в версии Аристотеля). Атомистская же модель человека является прообразом будущих механистических («Человек-машина») и конструктивистских подходов, умаляющих, разлагающих и отрицающих человеческую субъектность.

Новые аспекты человеческой субъектности были раскрыты в рамках христианской философии, которая для мировоззрения нового времени послужила «передаточным звеном элементов античной культуры и

гуманизма»²⁰⁷, выступив в роли «одного из источников средневекового свободомыслия и буржуазного реформаторства»²⁰⁸. Патристика утвердила ценность человека через богоподобие, и, что, пожалуй, еще важнее, артикулировала проблематику свободы воли. В споре Августина и Пелагия были сформулированы крайние позиции, а Иоанн Кассиан Римлянин диалектически разрешил антиномию свободы и предопределения. Общеизвестно, что Августин в вопросе о предопределении заложил краеугольный камень в фундамент будущей протестантской этики. Пелагианство не образовало собственной исторической традиции, но дух его усматривается в учениях, абсолютизирующих свободу человеческого действия от внешних детерминант, а, следовательно, и моральную ответственность. Так, например, с точки зрения Ж.П. Сартра, человек «сам себя выбирает»²⁰⁹ и становится таким, «каким он сделает себя сам»²¹⁰, индивид - это «прежде всего проект, который переживается субъективно»²¹¹, что, однако, не означает, что он «ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей»²¹².

Ограниченность христианской антропологии, выводившей ценность человека исключительно из его отношений с Богом, а человеческую активность рассматривающей в основном в интересах оптимального устройства загробной жизни, была частично преодолена в период позднего возрождения, когда благодаря развитию международной торговли и городской культуры сложились предпосылки для роста индивидуального самосознания

²⁰⁷ Чуковенков Ю.А. Антропология классической патристики (по сочинениям грекоязычных авторов) // Историко-философский ежегодник. 94. М., 1995. - С.14 .

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. — М.: «Политиздат», 1989. - С. 332.

²¹⁰ Там же. - С. 336.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. – С. 242.

людей. Немаловажную роль в этом сыграла всеевропейская эпидемия чумы, заставившая людей по-новому осмыслить ценность человеческой жизни и вместе с тем осознать рациональные основы ее сохранения. «Так называемый «индивидуализм» итальянских гуманистов состоял в изобретении модели индивида, способного здесь и сейчас, посредством одной лишь собственной воли и трудов, к безграничному совершенствованию своих земных возможностей – к человекобожью»²¹³.

Одновременно с этим стал складываться тип человека, «жизнь которого довлеет себе»²¹⁴, начала формироваться «идея призвания (Beruf) как цели жизни и сверхличная трансцендентная концепция наживы»²¹⁵, соединившая в себе понятие религиозного и профессионального долга.

Под влиянием социальных практик начал формироваться идеал предприимчивого бюргера, включающий такие личные достоинства, как умеренность и бережливость, умение ценить время, гражданская активность в рамках городской общины и местный патриотизм²¹⁶. Ввиду усиливающегося разделения труда начинают формироваться поведенческие паттерны выбора профессии, совершенствования в профессии²¹⁷, соблюдения

²¹³ Баткин Л.М. Макьявелли об индивиде как субъекте исторического действия (Письмо к Пьеро Содерини) // Идеи Возрождения и философия нового времени (сборник научных статей) М., 1986. – С. 80.

²¹⁴ Дживелегов А. Новая культура и новое просвещение // Б.м., Б.г. – С. 47.

²¹⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения /Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. - С. 105.

²¹⁶ Боришанская М.М. Педагогические идеи в культуре Западной Европы XIII – XIV вв.// Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи средневековья и начала нового времени. М., 1990. – С. 10.

²¹⁷ Краснова И.А. Проблемы воспитания делового человека во Флоренции XIV в. (по педагогическим трактатам, семейным выпискам. и домашним хроникам) // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи средневековья и начала нового времени. М., 1990. -- С. 58 – 73.

профессиональной этики ради поддержания хорошей репутации²¹⁸. В переписке и мемуарах нередко используется понятие «честной торговли»²¹⁹.

Таким образом, задолго до понятийно-терминологического оформления субъекта в западно-европейской философии концепт субъектности присутствовал в философском, общественно-политическом, экономическом и бытовом дискурсе, ввиду чего верной представляется позиция, что «социальный человек – лишь эмпирический факт, который сам по себе еще не требует какой-то изощренной научной рефлексии»²²⁰. Этот факт воспринимается человеком непосредственно и непроблематично, как основание его присутствия в мире, выражаясь Хайдеггеровским языком, его Вот-бытия (Dasein).

Основные содержательные компоненты этого концепта (в том числе неактуализированные) следующие: Я – Человек – Действующий, Орудующий – Познающий – Чувствующий – Сверхценный – Взаимодействующий и коммуницирующий с себе подобными.

Эти интуитивно ясные, самоочевидные, явствующие из социальной практики и самонаблюдения факты с началом Нового времени попадают в поле зрения философской рефлексии, подвергаются разлагающему анализу и теперь уже нуждаются в доказывании и утверждении в качестве атрибутов понятия «субъект». Кроме того, выявляются не актуализированные доселе качества, в частности, единство субъекта в смысле самоидентичности, целостности, непрерывности существования во времени.

Р.Декарт пришел к конституированию понятия «Субъект» в ходе обоснования достоверности знания, приняв за исходную точку противопоставление субъекта как мыслящего Я - объекту как тому, на что

²¹⁸ Там же. - С. 68.

²¹⁹ Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV – XV вв. М., 1977. – С. 50.

²²⁰ Уразалиева Г.К. Проблема субъекта в социологии с позиций культурно-исторической теории // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 1.

направлена мысль и что находится вне субъекта, не зависит от него. Субъект для Декарта есть мыслящая вещь, мыслящее Я, самотождественное, целое.

И.Кант развил проблематику субъекта в контексте учения о трансцендентальном единстве апперцепции как априорном условии трансцендентального опыта. Он обосновал активность субъекта в гносеологическом конструировании объектов как проявлении присущей субъекту творческой силы воображения. Тем самым Кант поместил в фокус философского видения субъектности такие ее стороны, как продуктивная активность (способность создавать новое из ничего), автономия воли, способность суждения, последовательность мыслительного процесса.

В основу трех своих «Критик» Кант положил рефлексивно-философский подход, в рамках которого познающий субъект стремится познать самое себя, приближаясь к абсолютному самосознанию. И это не случайно. Ю.Хабермас, вслед за Гегелем, считает, что «для модерна в целом характерна структура его отнесенности к самому себе»²²¹ как к объекту, для постижения себя. Именно это Гегель и называет субъективностью: «Принцип нового мира есть вообще свобода субъективности, требование, чтобы могли, достигая своего права, развиваться все существенные стороны духовной тотальности»²²². Ю.Хабермас раскрывает содержание открытой Гегелем «субъективности» модерна через «четыре коннотации»: а) индивидуализм; б) право на критику; в) автономию действия; г) саму идеалистическую философию как «деяние модерна» - постижение «знающей себя идеи»²²³. Ключевыми историческими событиями для осуществления принципа субъективности в Новое время послужили Реформация, Просвещение и

²²¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — С. 16.

²²² Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М., 1990. - С. 314.

²²³ Хабермас Ю. Указ. соч. — С.17.

Французская революция. Они утвердили господство субъекта и свободу воли в религиозной, политической и моральной сферах.

В XX в. субъективистские тенденции в философии усилились благодаря феноменологии Гуссерля и экзистенциализму, сформировалось представление о субъекте как о полностью независимой инстанции, способной к абсолютно произвольным, спонтанным действиям.

В противовес этому утверждаются упомянутые выше позиции, отрицающие субъектность. Во многом эти позиции стали отражением реально изменившегося положения человека в ситуации постмодерна, когда, в отличие от индустриального капитализма периода модерна с характерным для протестантской этики аскетизмом и идейным тоталитаризмом стало, поощряться разнообразие: «чем разнообразнее, эксцентричнее – тем лучше. Норма утрачивает свою власть. Правильность, системность постепенно сдают позиции»²²⁴. Но, как считает Б.Массуми, «этот отказ от нормальности есть часть динамики капитализма. Это не просто освобождение, а форма господства самого капитализма»²²⁵, способность которого «производить многообразие»²²⁶ усиливается по мере насыщения рынков. Логика капитализма, единственной целью которого является получение сверхприбыли формирует «поле этического сопротивления идентичности»²²⁷.

Уже ситуация позднего модерна воздвигает препятствия на путях сохранения идентичности и как самоидентичности субъекта в условиях бесконечных перемен, и как самокатегоризации личности через приобщение к социальной группе. Э.Фромм показал, что в условиях рынка у человека

²²⁴ Massumi B. Navigating Movements / Zournazi M. Hope: New Philosophies for Change. - New York: Routledge, 2003. - P. 224.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

формируется отношение к самому себе как объекту купли-продажи, поскольку социальная успешность понимается как «продаваемость»²²⁸. Результатом этого становится утрата личностной уникальности, чувства самооценности собственного «Я». Формируется рыночная ориентация характера, приводящая к «неподлинному» существованию, поскольку человек воспринимает себя как объект.

Об этом же пишут и исследователи глобализационных процессов рубежа XX – XXI вв. Так, Дж. Розенау считает, что глобализация приводит к нивелированию индивидов и социальных группы как социальных акторов, поскольку «глобальные потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто когда-то их запустил, обладали соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное автоматическим, по сути, механизмом. Они более не акторы, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию»²²⁹. При этом И.А.Халий в монографии 2007 года называет данный подход «наиболее утвердившимся ныне»²³⁰.

Даже А. Турэн, яркий представитель деятельностно-активистского подхода в социологии, в основе которого лежит анализ ценностей, побуждающих человека к социальному действию, вынужден был признать,

²²⁸ Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д.Н. Дудинский. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – С. 68.

²²⁹ См., например: Rosenau J.N. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. — P. 19-56. Цит. по: Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. - М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 20.

²³⁰ Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. - М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 21.

что в условиях глобализации активность социального актора, «человека действующего» проявляется вне глобализационных потоков, поскольку влиять на институты глобализации он не может. Вся его социальная активность соотносится уже не с «принципами рациональной организации общества или с понятием прогресса, а с шансами социального субъекта на жизнь и с рисками смерти»²³¹. Речь идет об участии в экологических движениях на локальном уровне. Однако надо заметить, что и здесь кроется опасность исчезновения субъекта-человека, так как уже на раннем этапе становления идеологии инвайронментализма был заявлен протест против «антропоцентризма» традиционной социологии и провозглашена новая экологическая парадигма, в рамках которой человек – лишь один из биологических видов, населяющих планету Земля²³².

Еще одной особенностью эпохи постмодерна является легкость и быстрота смены характера, превращение характера в роль, причем принятие роли сводится к выбору индивидом из набора готовых фреймов, предоставляемых информационным обществом. Этот аспект индивидуализации хорошо исследован в трудах Ирвинга Гофмана. Ради получения выгод от социальных взаимодействий индивиды приспособляются к «сценарным» требованиям социальной системы, маскируя собственное «Я», в результате чего оно растворяется в «масках»; образ «Я» становится мозаичным, ситуативным, раздробленным, что порождает целый ряд вопросов: «Если мотивация действия внешне социально приемлема, следует ли искать другой, более глубоко лежащий мотив? Если индивид подтверждает свой мотив соответствующими эмоциональными выражениями, должны ли мы ему верить? Если индивид кажется действующим

²³¹ Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 9. С. 9.

²³² Dunlap R.E., Catton W.R. Environmental sociology: A framework for analysis // Progress in Resource Management and Environmental Planning. Vol. 1. Chichester, 1979.

под влиянием аффекта, не скрывает ли он таким образом свои истинные намерения?»²³³. При этом И.Гофман подозревает, что за кулисами человеческого театра находится «сценарист», коим является социальная система. Впрочем, это предположение, по его же собственному признанию, звучит «слишком по-дюркгеймовски»²³⁴. Иными словами, индивид перестал быть субъектом социального действия, превратился в функцию социальной структуры.

Но было бы ошибкой считать причиной этого сам факт принятия индивидом социальных ролей. Как показано в работах Дж. Мида и других представителей символического интеракционизма, формирование самосознания, внутреннего «Я» у человека происходит через интериоризацию социального «другого», в опыте принятия ролей контрагентов по социальному общению²³⁵. Однако в норме это происходит в ситуации реального intersubjectного взаимодействия, при участии эмпатии, через восприятие реального другого человека, результатом чего становится формирование Я-концепции, в которой внешний и внутренний образы себя («Я для других» и Я для себя») находятся корреляции.

Принципиально иная картина складывается в ситуации принятия индивидом уже готовых ролей-фреймов, предлагаемых социальной структурой. Субъект принимает готовый имидж, который может находиться в противоречии с его Я-концепцией - если, впрочем, таковая еще у субъекта сохранилась. Ведь, как пишет З.Бауман, «клубной картой» для вхождения «в новую глобальную элиту» становится «готовность к жизни среди хаоса» и способность «позиционировать себя в переплетении возможностей»²³⁶, то есть

²³³ Goffman E. Stigma. London, 1968, p. 85.

²³⁴ Goffman E. Relations in Public. N. Y., 1973, p. 187.

²³⁵ Mead D.H. Mind, Self, Society. – Chicago, 1934. – P. 149

²³⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., Изд-во «Логос», 2002. – С. 49 – 50.

быстро, ориентируясь по ситуации, принимать и сменять социальные роли, выбирая их из калейдоскопически меняющегося ассортимента. В этих условиях человек утрачивает контроль над социальными процессами, способность к планированию и достижению долговременных целей, выстраиванию жизненных стратегий. При этом тезис З.Баумана об отсутствии властных универсалий²³⁷ требует уточнения. Речь идет не о реальном исчезновении власти, а о трансформации традиционной эксплицитной (понятной индивиду) легальной, относительно устойчивой и жесткой системы властных институций в «гибкую сетевую систему управления»²³⁸.

По свидетельству российских социологов, проводивших в начале 1990-х гг. в России качественные исследования в сотрудничестве с А.Турэнном, а затем посетивших Западную Европу, экологическое движение «из свободной самоорганизации, которую А. Турэн наблюдал и описал в 1960-е и 1970-е гг., трансформировалось в сеть неправительственных организаций»²³⁹. Каждая из них выполняла строго определённую функцию в системе экологической политики. Последняя была «гибкой, сложной, сетевой, децентрализованной, она в те годы часто противопоставлялась западными и российскими социологами советской системе управления: иерархической, централизованной и бюрократической»²⁴⁰. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что сложившаяся на Западе сетевая система «эффективнее регулировала и контролировала субъекта социального действия, нежели громоздкая административно-командная система СССР, в которой были слепые зоны, где актер мог действовать свободно вопреки её стремлению

²³⁷ Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992. – С. 305.

²³⁸ Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. - С. 37.

²³⁹ Там же. - С. 40.

²⁴⁰ Там же.

превратить его в винтик государственной машины»²⁴¹. Парадоксальным образом «у людей, сформировавшихся в тоталитарной (в лучшем случае авторитарной), по их же убеждению, стране»²⁴², как только они оказались в западном обществе, возникло «ощущение тотальности контроля и несвободы»²⁴³. «Свобода, - вспоминает О.В.Аксенова, - оказалась существенно иной, нежели мы её представляли. Советский человек ожидал скорее свободы действия, чем свободы выбора, но именно действие оказалось гораздо менее свободным, чем на родине, социум – неожиданно более успешно и жёстко контролируемым и регулируемым»²⁴⁴.

Стереотипные представления о советской системе жесткой и авторитарной получили опровержение в ходе последующих исследований локальных российских сообществ 1990-х гг.: «То, что изначально виделось архаичным управленческим монстром, оказалось феноменом сложным и чрезвычайно парадоксальным. Объяснить его парадоксы при помощи имеющихся теорий не получалось, так как все они были построены на наблюдениях за иной реальностью»²⁴⁵. Затем изучение профессиональной деятельности российских специалистов «обнаружило актора практически во всех отраслях, включая и наиболее контролируемые. Пространство свободы профессионала было шире профессиональной автономии, оставляло место для свободного действия, основанного не только на знаниях и компетенциях, но и на ценностях»²⁴⁶. Обнаруженные факты привели к выводу о «ключевой роли действующего субъекта в традиционной для России модели управления»²⁴⁷.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. - С. 43.

²⁴⁶ Там же. - С. 42.

²⁴⁷ Там же. - С. 37.

Выяснилось, что «Актор не был случайно сохранившимся в системе чудачком, не был он и супергероем. Он был человеком, способным принять решение самостоятельно, умеющим осмысливать ситуацию и своё место в ней, действующим в соответствии с собственными установками хотя бы на определённом отрезке своей жизни. Он был одним из ключевых элементов системы, на его формирование было ориентировано образование, воспитание, вся сфера социализации в целом»²⁴⁸. Благодаря этому «сочетание централизма и децентрализации»²⁴⁹ в отечественной системе управления, проявляющееся на всех структурных уровнях – от поселкового до общенационального, демонстрирует высокую эффективность «в особенности в экстремальных ситуациях, таких как война или катастрофа»²⁵⁰. При возникновении необходимости «неповоротливая система может в короткое время сбросить бюрократические ограничения, приобрести мобилизационную гибкость и стремительность развёртывания необходимых в конкретной ситуации структур»²⁵¹, в полной мере реализующих инициативную активность социальных субъектов, фактически предоставляя им, в определенных пределах, свободу действия.

Из сказанного можно заключить, что проблематизация субъекта в социально-философском дискурсе второй половины XX века стала отражением социокультурной ситуации, обусловленной развитием посткапиталистических и глобализационных тенденций. Как справедливо отмечает К.Х. Момджян, в идее «смерти» («угасания», «растворения» и пр.) субъекта «нашли свое выражение тоталитарные эксцессы XX века, приведшие

²⁴⁸ Там же. - С. 43.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Аксенова О. В. Указ. соч. – С. 43.

²⁵¹ Там же.

к колоссальной дегуманизации общественной жизни»²⁵².

Однако расшатывание классических представлений о субъекте как самосознающем Я, суверенном источнике деятельной, творческой, познавательной и оценивающей активности, исходном пункте изучения социальной реальности, происходило и раньше, в том числе на почве структурализма (К. Леви-Стросс, Ж. Лакан), у Ф. Ницше и др.

Представляется, что наряду с внешними, социокультурными факторами, сыграли в этом свою роль и внутренние интенции философского дискурса. Если в классический период истории западной философии субъект исследовался главным образом в рамках теории познания - как субъект мысли, то начиная с середины XIX в., в эпоху демократических революций и становления индустриального общества, философов стал все больше интересовать субъект в аспекте деятельности и социальных отношений, «как источник практической активности, которая целенаправленно меняет природную и социальную среду его существования»²⁵³.

Не случайно этот поворот совпал по времени с зарождением социологии – науки, занимающейся поиском ответов на вопросы о том, чем обусловлены действия человека, как они согласуются с действиями других людей, как устроено общество, как действия людей могут влиять на его устройство и переустройство.

Но если в процессах познания (как они представлялись философам доиндустриальной эпохи), активному субъекту противостоит пассивный объект, то в деятельности субъект не только сам проявляется активностью, но и нередко испытывает на себе «сопротивление» объекта, а еще чаще вынужден объединять свои усилия с другими субъектами, вступать с ними в

²⁵² Момджян К.Х. Социально-философский подход к проблеме человеческой субъектности // Человек. 2022. Т. 33. № 4. - С. 11.

²⁵³ Там же.

разнообразные отношения, осложненные эффектами обратной связи, так что и сам он становится объектом воздействия со стороны других субъектов и социальной структуры. Будучи включенным в общественные отношения, человек во все времена испытывал на себе давление власти во всех ее формах и проявлениях. Но идея производности субъекта от власти могла возникнуть у философов лишь тогда, когда они обратили свои взоры непосредственно на взаимоотношения индивида и власти.

Таким образом, проблематизация субъекта в социально-философском дискурсе XX в. связана как с усложнением общественных отношений в условиях позднего капитализма и перехода к посткапитализму, так и с перемещением фокуса философской рефлексии субъектности с познания на практику (в широком смысле, включая как деятельность, так и социальные отношения), вследствие чего субъект стал рассматриваться в контексте действия и социальных отношений.

Эмпирические факты, известные об университетских сообществах технологических энтузиастов и их участниках и приведенные в первом параграфе настоящей работы, говорят о том, что для этих сообществ субъектность целесообразно рассматривать в контексте триады «Я» - «сообщество» - «технологии». Приведенная выше концептуализация субъектности, наложенная на материалы эмпирического исследования, позволяют выявить несколько особенностей сообществ техноэнтузиастов в контексте понятия «субъект».

Во-первых, энтузиазм, проявление собственной инициативы, является первым признаком, по которому человека признают в сообществе своим. Здесь можно использовать метафору «клубной карты» З.Баумана и сказать, что проявление высокого субъектного статуса в действиях – признак «члена клуба» для технологических энтузиастов. Во-вторых, исследуемые сообщества находятся в стадии формирования их структуры и норм, а сами нормы подвергаются постоянной рефлексии и переосмыслению. Это локально

снижает воздействие норм сообщества на человека, также повышая его субъектный статус. В-третьих, сообщества технологических энтузиастов в университетах носят принципиально временный для своих членов, «транзитный» характер, что подталкивает молодых людей к осмыслению себя не только в логике «Я-в-сообществе», но и в логике «Я-после-сообщества». Этим обусловлены проявленные в интервью интенции к осознанию себя как участника внешних по отношению к сообществу процессов социальных изменений: технооптимистических проектов общественного развития, проектов создания «нового университета» и др. В-четвертых, в повседневной жизни сообществ ключевую роль играют технологии, которые выступают не просто как набор способов преобразования реальности, а как ценностно нагруженные «проекты», по отношению к которым субъект самоопределяется как «Я-в-проекте» и «Я-в-проектной-группе». Осознание себя в процессе овладения технологией («я все лучше осваиваю нейротехнологии и скоро все в сообществе будут обращаться ко мне за советами в этой сфере») как правило сопряжено с видением своей роли в обществе как актора изменений («я мечтаю сделать нейро-импланты доступными для всех больных и собираю вокруг себя таких же мечтателей; вместе мы сделаем мир добрее»).

Иными словами, исследуемые сообщества создают особую социальную ситуацию взаимодействия человека с технологиями и другими людьми, объединенными стремлением освоить эти технологии и поставить их на службу человеку. Совместно участники сообществ формируют новые социальные практики, одновременно подвергаясь их воздействию; осваивают технологии, одновременно испытывая на себе связанные с ними ограничения; имеют интенцию к развитию общества, находящемуся за границами локального сообщества, одновременно принимая часть «правил игры» этого общества.

Можно заключить, что использование категории субъекта для описания

способности университетских сообществ технологических энтузиастов является актуальным как в смысле индивидуальной субъектности их участников, так и, с определенными ограничениями, в смысле коллективной субъектности этих сообществ. Более глубоко вопрос о субъектности в контексте социокультурных изменений будет раскрыт в следующем параграфе с опорой на материал теоретической социологии.

§2. Субъектность университетских сообществ технологических энтузиастов в контексте дискуссий в современной теоретической социологии

Как отмечают Н. Флигстин и Д. Макадам, «в социологии теория оказалась самостоятельной областью, почти полностью отделённой от эмпирических исследований»²⁵⁴. Одна из причин этого в том, что социологи не удовлетворяются изучением конкретных социальных явлений, но стремятся «охватить в целом структуру современного общества и задающие её формы действия»²⁵⁵.

Центральное место в теоретической социологии занимает проблематика взаимодействия социального субъекта и социальной структуры, в том числе влияния субъектов через социальное действие на социальные изменения, влияния социальной структуры на сознание и поведение социальных субъектов, взаимодействия субъектов внутри социальной структуры. Эти вопросы получают различную интерпретацию в рамках конкретных научных подходов. Само понятие социального субъекта диверсифицируется в близких ему по смыслу понятиях «актор» и «агент».

Термины «субъект», «актор» и «агент» являются нестрогими

²⁵⁴ Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей // Экономическая социология. Т. 23. № 1. Январь 2022. – С. 65

²⁵⁵ Там же.

синонимами, то есть близкими, хотя и не тождественными по значению²⁵⁶.

Слово «агент» (от лат. *agens* – действующий)²⁵⁷ в социальные науки ввели структуралисты (К.Леви Стросс, Л.Альтюссер), понимая под агентом элемент системы, действующий в строгом подчинении объективным правилам и не оказывающий воздействия на систему.

П.Бурдьё критиковал такое понимание агента, при котором он является «марионеткой, которой управляет структура, и лишает собственной активности»²⁵⁸. Согласно его собственной концепции агенты действуют, стремясь достичь осознанно поставленных целей и задач в социальных полях, при этом они неосознанно реализуют модели поведения, сформированные у них в процессе первичной социализации. П.Бурдьё использовал введенное ещё Фомой Аквинским понятие «габитус» для обозначения суммы навыков, привычек, способов действий, диспозиций, присвоенных индивидом в результате опыта²⁵⁹. Под диспозицией понимается интериоризованная в ходе социализации бессознательная устойчивая, переносимая, системная модель восприятия действительности индивидом, формирующая представление о собственной позиции в социальном поле. Диспозиция может изменяться при изменении положения агента в социальном поле, но обладает инертностью относительно социальных изменений. Этим объясняется сохранение старых практик на фоне развития общества.

Будучи элементом габитуса, диспозиция инкорпорируется в тело человека, проявляясь в его манерах, походке, жестах и т.д., то есть в

²⁵⁶ См.: Князев И.В., Калтырина Е.Л. К вопросу о субъектах социальных изменений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2009. № 4. - С. 103 – 106

²⁵⁷ Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. - СПб., 2005.

²⁵⁸ Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993. – С. 11.

²⁵⁹ Там же. – С. 46.

физическом пространстве²⁶⁰, которое, согласно П.Бурдьё, находится в структурном соответствии с социальным пространством²⁶¹. Габитус движет агентом, ориентирует его, задает способы поведения и выбор средств. Габитус одновременно является и порождающим, и классифицирующим принципом, согласно которому практики отображаются в представлениях агентов с той или иной долей объективности. Будучи формой поведения, габитус экстерииоризирует усвоенные индивидом диспозиции. Структура конкретного социального поля (система ставок и правил игры), с одной стороны, и габитус, с другой стороны, детерминируют действия социальных субъектов согласно теоретической модели П.Бурдьё. При этом данная модель не предназначена для отображения сложных структурных и динамических взаимоотношения полей, трансформации социальной структуры и способности социальных субъектов влиять на ее изменения.

Для социологов, продолжающих традицию П.Бурдьё и стремящихся компенсировать указанные ограничения теории социальных полей, характерно использование понятий «агент» и «агентность» в более широком значении. Под агентностью понимается вообще активность индивидуальных социальных субъектов, а «агент» - это субъект, рассматриваемый в аспекте его способности своими действиями влиять на социальное пространство, в том числе вызвать изменения социальной структуры. Так, П.С.Сорокин, связывает употребление термина «агентность» с вниманием к тому, «как индивидуальное действие может менять социальную среду, генерируя трансформации, выходящие за пределы объективных трендов «саморазвития»

²⁶⁰ Там же. – С. 35.

²⁶¹ Пьер Бурдьё: Практический смысл. Книга II. Приложение: Дом, или Перевернутый мир // Бурдьё П. Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — С. 518 – 541.

структур»²⁶².

В связи с этим наряду с понятием «агент» появляется понятие «актор»: «Разница с традиционными исследованиями мобильности состоит в том, что в предлагаемом подходе основным предметом внимания выступают не структурные связи между полями, направляющие соответствующие перемещения большинства акторов таким образом, чтобы поддерживать сложившуюся структурную конфигурацию и ее «естественное» развитие. Вместо этого на первый план выходит движение акторов, которое может не только воспроизводить, но и нарушать заданную тем или иным полем логику, разрушать существующие и выстраивать новые связи между полями, равно как и формировать новые поля»²⁶³. В этом контексте «актор» выступает понятие, экстенционально равнозначное понятию «агент» и отличающееся от него оттенками смысла: и «актор», «агент» - это один и тот же социальный субъект, человек, индивид - действующий и способный влиять своими действиями на социальную структуру. Но когда о нем говорят как об «агенте», в фокусе внимания находятся эффекты его воздействия на структуру, причем, по большей части, направленные на ее воспроизведение (наподобие описанных Э.Гидденсом «непредумышленных последствий»²⁶⁴) или предсказуемые изменения. «Актером» же его называют, желая подчеркнуть наличие свободного волеизъявления как источника действий, в том числе спонтанных и приводящих к скачкообразным и неожиданным структурным изменениям. В этом смысле термин «актор» по своему содержанию ближе к

²⁶² Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования № 3, 2023. – С. 93.

²⁶³ Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования № 3, 2023. – С. 98.

²⁶⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2005. — С. 394 – 400.

философскому понятию «субъект» в классическом смысле, чем термин «агент».

Более жесткое противопоставление понятий «актор» и «агент» мы видим у социологов, разделяющих акционистский (активистский) подход (А.Этциони, А.Турен), ставящий во главу угла актора как субъекта действия, инициативно изменяющего реальность в соответствии с собственными ценностями и интересами. Так, О.В. Аксенова отмечает, что если актер всегда принимает решения, исходя из собственных интересов, ценностей и идей, то агент является субъектом, выполняющим заданную системой функцию. Актеры принимают решения, а агенты выполняют их²⁶⁵. О.В.Аксенова считает, что, в отличие от западной, «менеджерской», или «технологической» модели управления, которая сама является субъектом действия, человек же в ней редуцирован до функции и фактически утрачивает субъектность, «российская (советская) «акторская» система управления ... всегда содержала пространства самостоятельного действия профессионалов, непрозрачные и недоступные для инструментов контроля»²⁶⁶. В этих пространствах действия профессионала регулируются не нормами, а ценностями, которые «представляют собой жизненные принципы, требующие осмысления и/или эмоционального переживания, не содержат жёсткого предписания действия, их актуализация корректируется в соответствии с ситуацией. Значительную их часть составляют общечеловеческие, общегражданские ценности. В число профессиональных ценностей входят совесть, порядочность, справедливость, свобода действия, ответственность, включая ответственность за государство, ценность своего дела, сложность труда, развитие личности и научно-

²⁶⁵ Аксенова О.В. Изменение роли политического субъекта: агент или актер? (на примере экополитической сферы) // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М., 2008. - С. 181–193.

²⁶⁶ Аксенова О.В. Роль профессионала-актера в российской системе управления. – дисс.... д. соц. наук. – М., 2017. – С. 12.

технический прогресс и т.п. В число принципов входит неконформизм и установка на активную жизненную позицию. Перечисленные ценности находятся в определённом балансе с нормами, играя при этом ведущую роль. Профессионал, способный актуализировать основанные на данных ценностях установки, является актором, изменяющим окружающую его реальность»²⁶⁷.

Понятие «актор» фигурирует и в теории полей стратегических действий Н. Флигстина и Д. Макадама²⁶⁸. В своем подходе эти ученые опираются на принципы институционализма, теорию структуризации Э.Гидденса, отдельные положения символического интеракционизма и теории фреймов И.Гофмана, но более всего – на учение П.Бурдьё, объясняющее социальную и политическую жизнь общества через соотношение таких категорий, как габитуса, поле, капитал.

Общество в целом рассматривается Н. Флигстином и Д. Макадамом как система вложенных друг в друга социальных полей. В соответствии с этим основными механизмами социальной динамики являются взаимодействия этих полей и их трансформации, а также возникновение новых полей. Е вступая в противоречие с теорией полей П.Бурдьё авторы определяют поля стратегических действий как «социально конструируемые арены, на которых акторы с разным объёмом ресурсов борются за более выгодное положение»²⁶⁹. Развивая теорию П.Бурдьё, они дифференцируют действующих в поле акторов на три типа: «доминирующие игроки (incumbents), претенденты (challengers) и управленческие единицы (governance units)»²⁷⁰.

Важным новшеством Н.Флигстина и Д.Макадама является то, что конструирование полей, как и поведение их участников они основывают на

²⁶⁷ Там же. - С. 15.

²⁶⁸ Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей // Экономическая социология. Т. 23. № 1. Январь 2022. – С. 60 – 100.

²⁶⁹ Там же. – С. 66.

²⁷⁰ Там же.

наборе пониманий, разделяемых участниками поля (shared understandings). Существует различая четыре вида таких пониманий: 1) общее представление о том, что вообще происходит в поле, что стоит «на кону»²⁷¹; 2) общее представление о распределении позиций в поле и о собственной позиции относительно позиций других; 3) набор культурно обусловленных разделяемых пониманий о действующих в поле правилах и их природе; 4) интерпретативная рамка (interpretative frame), позволяющая каждому участнику понимать, что делают другие, причем эта рамка у каждого участника своя. «Например, в большинстве полей стоит ожидать, что доминирующие или давно закрепившиеся акторы примут ту систему взглядов (frame of reference), которая способствует сохранению трактовки поля в их интересах, тогда как занимающие подчинённое положение акторы и претенденты на лидерство примут или выработают «оппозиционную» точку зрения»²⁷².

Вслед за П.Бурдьё авторы теории полей стратегических действий рассматривают социальные поля как «ристалица на которых акторы, располагая не одинаковым объёмом ресурсов, борются каждый за более выгодное для себя положение»²⁷³.

Но если П.Бурдьё в основу структуры поля и взаимоотношений между акторами полагает власть, то Н.Флигстин и Д.Макадам рассматривают социальные поля, в духе институционалистских подходов. Для них социальное поле – это скорее культурно обусловленный социальный конструкт, «чем подчёркивается объединяющее воздействие разделяемого понимания ситуации среди «настроенных» друг на друга акторов»²⁷⁴, а принадлежность индивида полю определяется не объективными признаками

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. - С. 68.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же. – С. 66.

и положением дел, а субъективно воспринимаемым позиционированием себя в поле.

Описываемый подход предполагает существование «социального навыка»²⁷⁵ у индивидов, применение которого позволяет им оперировать экзистенциальными наборами (existential packages) представлений о мире и самих себе.

По мысли Н.Флигстина и Д.Макадама, именно социальный навык составляет «основу культурно обусловленного или конструируемого измерения социального действия»²⁷⁶. Тем самым социальный навык у Флигстина и Макадама выполняет функцию, аналогичную функции габитуса у Бурдьё. Но габитус представляется понятием более плотно вписанным в философскую традицию, более полным и богатым по своему содержанию, поскольку охватывает все элементы поведения индивида в поле, как ментальные, так и телесные, как осознанные, так и неосознанные. В.В.Волков и О.В.Хархордин, отмечая преемственность габитуса в хайдеггеровском Dasein²⁷⁷, указывают на то, что у Бурдьё «habitus связан не только с habitude, привычкой, а и с habitat, жилищем»²⁷⁸. Это вся система жизни человека, включающая «материальные условия и набор обычного оборудования, куда вписано его или ее тело; не отдельная привычка, а набор навыков обращения во всеми повседневными предметами – целый, так сказать, обвык»²⁷⁹.

В понятии же социального навыка, как его определяют Флигстин и Макадам, абстрагированы рефлексивные и коммуникативные компетенции индивида, применяемые им для улучшения своего положения в поле. Таким

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. – С. 72.

²⁷⁷ См.: Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008. - С. 53,

²⁷⁸ Там же. – С. 137.

²⁷⁹ Там же. – С. 137 – 138.

образом, это явление скорее функциональное, чем экзистенциальное, в то время как габитус Бурдье намного богаче своей к функции, реализуемой индивидом в социальном поле.

Подытоживая сказанное, отметим, что для представителей разных современных подходов, как дистанцирующихся от структуралистского наследия П.Бурдье, так и сохраняющих преемственную связь с ним, характерно стремление к более полному отражению субъективности участников социальных отношений, как бы они их ни называли - «агентами», «акторами» или собственно «субъектами». Это общая тенденция выражается как в признании за социальными субъектами активной роли в процессах социальной динамики, так и в требовании учета их индивидуальных позиций, интересов, ценностей, представлений, выходящих за функциональные рамки взаимодействий. Так, подход Н.Флигстина и Д.Макадама принципиально расширяет возможности изучения конкретных полей, выявления специфических особенностей каждого поля - в той мере, в какой социально-культурный состав участников может влиять на распределение позиций и характер стратегических действий.

Вместе с тем методологическая ограниченность теории социальных полей, в любой ее версии, видится в том, что она, во-первых, недостаточно учитывает содержание предметной деятельности, составляющей материально-практическую базу социальных отношений в поле. То, ради чего или по поводу чего люди сходятся вместе на общем открытом или замкнутом пространстве, если не полностью выпадает из поля зрения исследователя, то отодвигается на периферию. В фокусе его внимания находятся отношения между участниками. В действительности же, как было показано на примере университетских сообществ, эти отношения производны, они возникают не спонтанно, а на почве общего интереса к определенной деятельности и реальных занятий этой деятельностью в едином пространственно-временном и предметном локусе - кабинете, аудитории, лаборатории, на открытой

площадке, полигоне и т.п. Для участников этих сообществ первичным является интерес к самой деятельности. В том же разделе диссертации упоминались и прихожане православной церкви, для которых в общем случае также намного важнее то, ради чего они приходят в храм, чем взаимоотношения на приходе.

Во-вторых, конкретное содержание и характер базовой для данного поля деятельности во многом определяется свойствами предметов (объектов, орудий и оборудования, материалов, других элементов), с которыми взаимодействуют люди. Свойствами предметной среды определяются условия работы: в каких-то случаях требуется специальная одежда; какие-то действия могут производиться в общем помещении, а для других требуется больше свободного пространства или изоляция; разные виды деятельности предопределяют и разные типы поведения: одни требуют от человека физической активности, другие усидчивости, третьи изобретательности, четвертые высокой концентрации внимания в монотонных действиях, и т.д. Эти различия не могут не влиять на характер взаимоотношений между субъектами в поле хотя бы уже потому, что они задают режим общения и уровень конкурентности. По этой причине, если мы начинаем сразу говорить об отношениях между участниками, пропуская содержательный анализ базовой деятельности и условий ее протекания, то такой подход чреват игнорированием типологических различий самих отношений.

Наконец, в-третьих, интервьюирование участников университетских сообществ показало, что для типичного члена такого сообщества вовсе не так уже важно, насколько выгодную позицию он занимает относительно других участников, и как можно было бы ее улучшить. Гораздо важнее реализовать конкретный проект, добиться нужного результата. На это и направлены его стратегические действия. Если исходить из определения поля как «арены борьбы» между участниками, то не придется ли признать, что описанные нами сообщества (а, возможно, и не только они) не представляют собой

классического поля? Но тогда теория поля оказывается не универсальной, она не применима к анализу университетских сообществ (а значит, возможно, и других).

С другой стороны, можно согласиться с П.Бурдые, что за фасадом любого человеческого сообщества, на заднем плане, в «цензурированном» и «эвфемизированном», «неузнанно-признанном»²⁸⁰ виде присутствуют власть, принуждение и борьба между субъектами. И что университетские проективные сообщества не являются в этом исключениями. Но в таком случае, рассуждая в логике «подозрения», широко распространенной в социальных науках XX века под влиянием учений К.Маркса, З.Фрейда, Ф.Ницше («все трое взяли на себя роль философов подозрения, мыслителей, срывающих маски»²⁸¹), мы должны интерпретировать высказывания наших респондентов как проявления «ложного сознания», маскирующего подлинные мотивы их поведения, в котором реализуются эгоистические цели, подсознательные комплексы, воля к власти, желание подстроиться под господствующую идеологию, иные формы конформизма и т.п.

Данный подход изначально предполагал процессы и техники истолкования форм сознания субъектов. По мере же того, как все маски были сорваны, подход тривиализировался. Социологическое исследование, использующее методологию «подозрения», по сути, предполагает, что истинные мотивы поведения субъектов нам уже заранее известны. И в таком случае получение информации от них самих, фиксация и анализ их высказываний оказывается лишней работой, их мнения, озвученные в ходе интервьюирования, можно попросту игнорировать, а изучение нового типа сообществ не имеет познавательного эффекта. Его результаты тривиальны, если они сводятся лишь к очередному иллюстративному подтверждению

²⁸⁰ Бурдые П. Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — С. 247.

²⁸¹ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. — М.: Академический Проект, 2008. — С. 159.

известной аксиомы.

Высказанные сомнения и озабоченности созвучны позициям ряда французских социологов периода «после Бурдьё» (и британца Джона Ло). Наиболее известные из них - Люк Болтански, Лоран Тевено, Мишель Каллон, Брюно Латур, Дж.Ло и др. Все они испытали влияние П.Бурдьё, а большинство из них являются его прямыми учениками и последователями. Вместе с тем в работах этих социологов, начиная с 1980-х годов, наметился отход от ряда теоретических положений и методологических принципов структурализма и логики «подозрения».

Отталкиваясь от классического понимания социологии как «науки о жизни сообща»²⁸², эти ученые критикуют доминирующий в социологии подход за гипостазирование социального: «В то время, - пишет Б.Латур, - как социологи (или социоэкономисты, социолингвисты, социальные психологи и т.д.) принимают социальные агрегаты как данность, с помощью которой можно объяснить остаточные аспекты экономики, лингвистики, психологии, менеджмента и т.д.»²⁸³, предлагается, напротив, рассматривать «социальные агрегаты как то, что необходимо объяснять специфическими связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т. д.»²⁸⁴.

Иными словами, представители нового направления не отрицают существование социального как специфических явлений (в том числе таких, как социальные группы, социальные институты, общество в целом и т.п.), но

²⁸² Thévenot L. A Science of Life Together in the World // European Journal of Social Theory. May 2007 № 10(2). - P. 233 – 244; Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 12.

²⁸³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - С. 16.

²⁸⁴ Там же.

пытаются поставить всю систему социологических исследований как бы с головы на ноги, доказывая, что первичными являются не некие «социальные» отношения в чистом виде, а реальные гетерогенные связи, возникающие в ходе разнообразной предметной деятельности людей. Как заявляет Б.Латур, «мы не хотим путать причину и следствие, *explanandum* и *explanans* - объясняющее и объясняемое»²⁸⁵, а потому «власть, как и общество, - это финальный результат процесса, а не резервуар, склад, капитал, откуда автоматически поставляется объяснение»²⁸⁶. Дж. Ло также показывает в ряде своих работ, что «власть и господство должны производиться, создаваться, конструироваться»²⁸⁷, а не конституироваться в качестве исходных данных.

Гетерогенный характер человеческой практики выражается в том, что он включает как межсубъектные взаимодействия людей, так и взаимодействия людей между собой посредством предметов или людей с предметами, причем последние могут играть активную роль, инспирируя и направляя действия людей, выступая в качестве не только проводников, но и «посредников», не просто передающих, а модифицирующих сообщение.

Как объясняет Дж. Ло, люди создают социальные связи не только через взаимодействие непосредственно с другими людьми, но и опосредованно - через тексты, вещи, приборы т.п., тем самым эти связи приобретают гетерогенный характер, а социальные сети включают не только людей, но и опосредующие их взаимодействия предметы²⁸⁸.

В этом контексте используется в новом, расширенном значении понятие

²⁸⁵ Там же. – С. 91.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Law J. On Power And Its Tactics: A View From The Sociology Of Science // Sociological Review. August 2011. # 34(1)/ - P. 1 – 38; Law, John, ed. (). Power, action, and belief: a new sociology of knowledge. London Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986; Law, John, ed. A sociology of monsters: essays on power, technology, and domination. London New York: Routledge 1991.

²⁸⁸ Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity // Systems practice . 1992. volume 5. - P.379–393.

«актор», которое в рамках описываемого подхода охватывает не только людей, но также всякий фактор, вещь, предмет, явление любой природы, если оно порождает действия человека или оказывает на них влияние, служит «посредником» в цепи взаимодействий, занимая определенное место в «сети» таких цепей. Отсюда и название подхода – «акторно-сетевая теория» (АСТ)²⁸⁹. Актор, в определении АСТ, – более широкое понятие, чем субъект. Человек (субъект) может выступать в роли актора, но не всякий актер – это субъект. Актором может быть вещь, символ, животное, конструкция, микроэлемент и др.

В аспекте философского понятия о субъектности акторно-сетевой подход предлагает нам коренным образом переосмыслить проблему свободы воли и внешней детерминации субъекта. Согласно «социологии социального» люди действуют под влиянием социальных сил, а согласно акторно-сетевой теории они действуют под влиянием разнообразных конкретных акторов. И если первый подход, при грубой его реализации, чреват отрицанием свободы воли (человек действует как марионетка, управляемая социальными силами), то второй, при столь же грубом, карикатурном применении, может привести к индетерминизму (человек действует как кукловод, манипулирующий предметами).

Но, как замечает Б.Латур, «Это очень сложный момент»²⁹⁰, требующий уточнения. Такое уточнение достигается прямым применением исследовательского подхода АСТ. А именно, предлагается послушать, что говорят сами кукловоды. И выясняется, что, «хотя нам кажется, что марионетки - это предельный случай непосредственной причинности»²⁹¹, у кукловодов «совершенно другие представления о том, что именно заставляет

²⁸⁹ Кроме этого названия используются также названия «критическая социология», «социология ассоциаций».

²⁹⁰ Латур Б. Пересбока социального... - С. 86.

²⁹¹ Там же.

их кукол делать то или это»²⁹², в действительности они «редко ведут себя так, как если бы они полностью контролировали своих кукол. Они говорят странные вещи»²⁹³: а именно: «Наши марионетки предлагают нам делать такое, о чем мы и не думали никогда, что это возможно»²⁹⁴.

В этом и выражается активная детерминирующая роль предметной среды, в которой протекает деятельность людей. Свойства предметов не только ограничивают свободу действий субъекта объективными рамками естественных законов, но и, в определенных границах, направляют его действия. Поэтому, как пишет Б.Латур, на вопрос: «Так кто же дергает за ниточки?» - следует ответ: «Да, сами куклы вместе с кукловодами»²⁹⁵.

Нельзя не заметить, что положения акторно-сетевой теории о влиянии объектов на действия субъектов согласуются с трактовкой габитуса у П.Бурдьё, а также с подходом Л.С.Выготского о формировании психики под влиянием предметно-орудийной деятельности. Отличие же «социологии ассоциаций» от дюркгеймовской социологии заключается в онтологической природе внешних «вещей», порождающих представления и действия людей. У Дюркгейма в роли таких «вещей» выступают исключительно идеальные объекты – социальные структуры, здесь же это реально существующие вещи различной природы, в том числе физические. Так, у каждого человека есть любимые личные вещи, которые мы не спешим выбрасывать и с которыми связаны различные воспоминания, эмоции. Л.Тевено рассматривает такие вещи как элементы дисперсной личности²⁹⁶, некое вещественное облако, окружающее человека.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Thevenot L. Le régime de familiarité. Des choses en personne //École des Hautes Études en Sciences Sociales. January 1994. # 17(1). – P. 72-101.

Признание активной роли объектов согласуется с обыденными представлениями людей, выраженными в конструкциях естественного языка, фольклоре, поэзии, искусстве, изобилующих воззваниями к явлениям природы, олицетворениями, представлением животных, камней, растений, стихий в роли активно действующих акторов. Это не просто тропы, сюжетные конструкты или рудименты анимистических верований, но живые элементы актуального языка культуры.

Исходя из общих принципов теории деятельности, мы не должны упрощать схему взаимодействия субъекта и объекта, сводя его к примитивной, «школьной» модели орудийно-предметной деятельности, согласно которой субъект воздействует на готовый, явно представленный ему объект при помощи имеющихся у него орудий и успешно преобразует его в полном соответствии со своей целью как идеальным образом этого результата, заранее существующим в сознании. В реальной деятельности часто бывает так, что сам объект существует лишь в представлении субъекта, объект не явлен субъекту, его свойства не вполне известны субъекту; объект существует только в проекте или является предметом поиска, а в ходе деятельности не только ее цели могут неоднократно меняться, но может измениться и сам субъект. И происходит все это под влиянием объекта, с которым субъект вступает в двустороннее взаимодействие, осложненное эффектами обратной связи.

Объект может вступить с субъектом в игру или противоборство (как тут не вспомнить новеллу Э.Хемингуэя «Старик и море» или своеобразный отечественный «римейк» на нее В.Астафьева «Царь-рыба»).

В агиографических и церковно-исторических источниках представлены истории обретения икон и других святынь, где сама икона как бы своими действиями указывает путь к своему местонахождению либо даже самостоятельно совершает действия – плывет по морю, преодолевая большие расстояния и т.п.

Можно, конечно, игнорировать эти сюжеты, как вымысел. Но, с точки

зрения «критической» социологии, это означает, что вместо того, чтобы принять во внимание важные для респондента сущности, в существование которых тот верит и в соответствии с которым совершает действия, социолог отбрасывает их как несуществующие предметы веры заблуждающегося субъекта и ставит на их место, по сути, свой собственный предмет веры - «несуществующее социальное вещество, ответственное за поддержание существования несуществующих сущностей, населяющих ограниченное мышление заблуждающихся членов общества»²⁹⁷. То есть вместо реального эмпирического изучения важных для респондента инстанций происходит «изобретение двух невозможных, несуществующих мест: мышление верующего и социальная реальность скрыты за иллюзиями, подпираемыми еще большим количеством иллюзий»²⁹⁸.

Данная позиция корреспондирует с тезисом Э.Дюркгейма о том, что религия «не игнорирует реальное общество и не абстрагируется от него, она - его образ, отражающий все его аспекты»²⁹⁹, включая как «самые заурядные и отталкивающие», так и «торжество добра над злом, жизни над смертью, сил света над силами тьмы»³⁰⁰, и в этом отношении «самые примитивные религии не отличаются от самых современных и утонченных»³⁰¹. А потому для социолога «рассматривать религию только с ее идеалистической стороны - значит произвольно упрощать положение вещей»³⁰².

Этическая сторона проблемы состоит в том, что, по убеждению представителей «критической» социологии, социолог не вправе произвольно

²⁹⁷ Латур Б. Пересборка социального... - С. 323.

²⁹⁸ Там же. - С. 324.

²⁹⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. - М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. - С. 692.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

интерпретировать, объявляя ложными, высказывания респондентов, девальвировать его ценности, «нельзя игнорировать реакции изучаемых»³⁰³.

Впрочем, как замечает Б.Латур, это можно совершать «безнаказанно», пока в качестве изучаемых выступают представители видов деятельности, «отмеченных печатью меньшей рациональности, меньшей объективности, меньшей рефлексивности, меньшей научности или меньшей академичности в сравнении с проводившими исследование»³⁰⁴, что позволяет социологу смотреть на своих респондентов «сверху вниз».

Но положение в корне меняется, когда в объективе социологического исследования оказывается деятельность ученых: «социологам впервые привелось исследовать нечто такое, что было выше, крепче и сильнее их самих»³⁰⁵, поскольку «культурный капитал изучаемых бесконечно больше, чем у тех, кто проводит исследование»³⁰⁶, а «объекты, которые надо подменить «социальной силой», явно гораздо сильнее, многообразнее, долговечнее, чем сама социальная сила, посредством которой их предполагают объяснять»³⁰⁷.

К этому выводу Б.Латур пришел после работы в лаборатории лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1977 г. учёного-эндокринолога Роже Гийомена³⁰⁸, когда стало понятно, что «социальным нельзя подменить ни малейший полипептид, ни мельчайший камешек, ни безобиднейший электрон, ни самого ручного из бабуинов. Объекты науки могут объяснять социальное, но не наоборот»³⁰⁹. «Никакой опыт, - признается Б.Латур, - не потряс меня сильнее, чем тот, что я видел собственными глазами:

³⁰³ Латур. Пересборка социального... - С. 137.

³⁰⁴ Там же. - С. 137 – 138.

³⁰⁵ Там же. – С. 138.

³⁰⁶ Там же. – С. 139

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. - Harvard University Press, 1987. - Philosophy - 274 p.

³⁰⁹ Латур Б. Пересборка социального... - С. 140.

социальное объяснение растаяло в воздухе»³¹⁰. После исследований науки социология вправе заниматься исследованиями разве что «снизу вверх»³¹¹.

К аналогичным выводам пришли и другие представители критической социологии. Так, М. Каллон в статье «Четыре модели развития науки» утверждает, что именно изучение науки может стать хорошей лабораторией для исследования общества³¹².

Как отмечает Н.Е.Косопов в предисловии к монографии Л.Болтански и Л.Тевено, «возвращение в изучение социальных взаимодействий их объективных и рациональных аспектов представляется необходимой составляющей «реалистического поворота», к которому социальные науки обратились в последние десятилетия в итоге постмодернистского кризиса рациональности и объективности, истоки которого лежат в базовом для этих наук понимании социального как особой сферы чисто символического взаимодействия людей»³¹³.

При этом исследователь подчеркивает: «Болтански и Тевено, учитывая необходимость «возвращения вещей» в социальную теорию, отнюдь не впадают в крайности тех «объективистов», которые порой склонны вообще игнорировать сложные взаимодействия символического порядка, анализ которых был одним из главных достижений наук о человеке XX века»³¹⁴. Добавим к этому, что и Брюно Латур квалифицирует акторно-сетевую теорию как «полугарфинкель - полугреймас»³¹⁵, то есть соединение принципов

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. - С. 140.

³¹² Callon M. Four Models for the Dynamics of Science, in: Sh. Jasanoff (et al.). Handbook of science and technology studies. Society for Social Studies of Science. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1995. – P. 29-63.

³¹³ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости... — С. 11.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Латур Б. Пересборка социального ... - С. 79.

этнометодологии Г.Гарфинкеля³¹⁶ и методов семиотического анализа А.-Ж.Греймаса³¹⁷. Джон Ло также назвал подход АСТ «материальной семиотикой»³¹⁸, и Р.Хестакер подтверждает, что источником большинства теоретических идей Латура является семиотика³¹⁹. Подобно этнологу, социологу, по убеждению этих ученых, должен начинать свое исследование с тщательных записей полевых наблюдений и подробных отчетов и не должен заранее, без учета мнений респондентов, решать как устроен социальный мир.

В нарративной грамматике Греймаса наряду с актерами фигурируют актанты - абстрактные синтаксические единицы, функционирующие внутри нарратива как нечто действующее или претерпевающее воздействие. В конкретном нарративе они персонифицированы в виде людей, животных, вещей, идей, то есть акторов.

Тот факт, что Греймас при разработке своей семиотической концепции во многом опирался на исследования волшебной сказки В.Я. Проппа, а «сказка с величайшей легкостью приписывает одинаковые действия людям, предметам и животным»³²⁰, дополнительно подтверждает и вместе с тем проясняет принципиальное различие между понятиями «актор» и «субъект». Среди всех действующих лиц сказки выделяется герой. Это центральный персонаж, за судьбой которого следит читатель, с кем он себя осознанно или неосознанно идентифицирует, с переживанием приключений которого связан особый психологический и эстетический эффект, который Аристотель

³¹⁶ См.: Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. - СПб.: Питер, 2007.

³¹⁷ Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. — М.: Академический Проект, 2004. — 368 с. — («Концепции»).

³¹⁸ Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics//The New Blackwell Companion to Social Theory / B. Turner (ed.). L.: Wiley-Blackwell, 2008. - P. 141–158.

³¹⁹ Hoestaker R. Latour - Semiotics and Science Studies// Science Studies. 2005. Vol. 18. № 2. - P. 5–25.

³²⁰ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки /Науч. ред., текстологический комментарий И. В. Пешкова. — М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. – С. 8.

называет катарсисом. Герой – это личность, эго, субъект. Что же касается персонажей, воздействующих по ходу сказки на героя, то они функциональны (антагонист, даритель, проситель, враждебное существо и т.д.) и могут быть представлены людьми, животными, растениями, артефактами, фантастическими существами. Например, в роли дарителя выступает яблоня, в роли просителя – рыба, в роли враждебного существа – ведьма. Это акторы. Субъект может выступить в роли актора, если в сказке более одного героя-субъекта. Например, если королевич спасает царевну, то он выступает в роли актора, но и царевна является актором для королевича, побуждая его совершать подвиги.

Подобно этому и в реальном мире акторы, заставляющие субъектов действовать и тем самым формирующие их субъектность, «субъектификаторы» - это и люди, и вещи, и идеи. «Но как же я, эго? - риторически вопрошает Б.Латур. - Разве я - в глубинах своего сердца, извилинах своего мозга, внутреннем святилище своей души - не «индивидуальность»? Конечно, да, но лишь пока меня индивидуализируют, спиритуализируют, интериоризируют»³²¹. Однако, утверждая, что «в субъекте нет ничего такого, что не было бы ему дано извне»³²², он вместе с тем уточняет, что приходящее извне приходит «не как негативное принуждение, «ограничивающее субъективность», а как позитивное предложение (offer) субъективации»³²³.

Итак, акторно-сетевая теория объясняет природу индивидуального субъекта через механизмы интериоризации, запускаемые в ходе практической деятельности, протекающей в активном взаимодействии с внешними по отношению к субъекту гетерогенными акторами. В роли акторов выступают как другие субъекты, так и вещи в самой широкой трактовке этого понятия, включающей и социальные структуры (в чисто дюркгеймовском понимании),

³²¹ Латур Б. Пересборка социального... - С. 296.

³²² Там же. – С. 297.

³²³ Там же.

и природные объекты (как реально существующие, так и мыслимые, гипотетические, искомые), и готовые артефакты, и проектируемые конструкторы.

Именно предельно широкая трактовка понятия «актор», гетерогенность акторов представляют главное отличие подхода АСТ, как от дюркгеймовского, так и от феноменологического подходов. Согласно первому субъектность индивида формируется под влиянием социальных структур и коллективных представлений; согласно второму «жизненный мир» индивидуального субъекта складывается из интерсубъективных связей с другими индивидами, а опосредованность этих связей вещами если не полностью игнорируется, то недооценивается. Подход АСТ преодолевает обе крайности.

Вместе с тем использование понятия «актор» по отношению к неодушевленным предметам делает акторно-сетевой подход объектом массивной критики. Наиболее непримиримыми оппонентами этого подхода выступили представители эдинбургской школы социологии науки (социальной эпистемологии, социологии знания) – Д.Блур, Б.Барнс, Э. Голдман и др., взгляды которых, в свою очередь, критиковались представителями АСТ в формате острой и жесткой полемики. Именно против крайнего социологизма Эдинбургской школы направлено острие критики со стороны Б.Латура. Эту критику социальной эпистемологии нельзя не признать справедливой постольку, поскольку «социологизм в рамках этой версии эпистемологии фактически растворяет в себе все прочие измерения научно-познавательной деятельности»³²⁴, и «сам продукт научного познания приобретает черты социальной конструкции, выполненной под вполне прагматические запросы социума»³²⁵.

³²⁴ Пружинин Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. – С. 106.

³²⁵ Там же.

В ответ на «основное обвинение Латура, а именно его утверждение о том, что социальные факторы слишком скудны для объяснения богатства нюансов научной работы»³²⁶, Д.Блур утверждает, что это обвинение основано на ложном предположении, «что в «сильной программе» ученый взаимодействует с обществом, а не с (не-социальной) природой»³²⁷. Между тем, как полагает Д.Блур, представители критикуемой Латуром позиции не только не утверждают ничего подобного, но, напротив, считают, что «ученые всегда взаимодействуют с природой»³²⁸, просто они «делают это коллективно, посредством разделяемых ими конвенций и устоявшихся понятий»³²⁹.

По мнению Д.Блура, критика сильной программы и в целом социологии знания со стороны Б.Латура проистекает из «наивно-реалистического понимания природы»³³⁰, вследствие чего Б.Латур «систематически не различает природу и представления о природе»³³¹ и «отвергает деление на субъект и объект»³³². С последним утверждением трудно согласиться по следующим соображениям.

Не вдаваясь в детальное изложение глубоких и принципиальных расхождений между представителями социологии науки и акторно-сетевой теории, остановимся на одном из важных, как наш взгляд, пунктов этих разногласия, связанном с категорией субъекта.

А именно, в ситуации исследования научной деятельности неизбежно встает вопрос об отношении исследователя к субъекту этой деятельности: должно ли это отношения быть субъект-объектным или же субъект-

³²⁶ Блур Д. Анти-Латур // Логос. 2027. Т. 27, №1. – С. 99.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. – С. 85.

³³¹ Там же – С. 93.

³³² Там же. - С. 95.

субъектным? Иными словами, должен ли исследователь (философ, социолог науки, эпистемолог, социальный психолог) рассматривать ученого в качестве объекта собственной познавательной деятельности или в качестве другого субъекта? Первый член данной дилеммы - это позиция эдинбургской школы социологии науки, второй – позиция Б.Латура и других представителей акторно-сетевой теории.

Данная альтернатива справедлива не только в отношении науки, но и в отношении любой высокоспециализированной сложной деятельности³³³, если исследователь этой деятельности (социолог, философ, эпистемолог, историк науки и техники), в отличие от специалистов, деятельность которых он изучает, не обладает квалификацией, необходимой для ее осуществления. Во всех подобных случаях имеет место тот факт, что исследователь специализированной деятельности, не будучи экспертом в сфере изучаемой им деятельности, не может выносить собственных суждений об истинности или ложности мнений, правильности решений своих респондентов – ученых, специалистов.

Из этого факта представители социологии науки, с одной стороны, и представители акторно-сетевой теории, с другой стороны, выносят принципиально различные методологические установки. Первые основывают свою «сильную программу» на «принципе симметрии», требующем не делать различий между истинными и ложными положениями науки, объясняя как те, так и другие, не свойствами изучаемой реальности, а социальными причинами. Вторые же принимают за истину то, что является истиной для респондента. В то время как первые движимы уважением «к различию между объектом и субъектом знания»³³⁴, вторые – уважением к самому изучаемому субъекту и

³³³ См.: «Здесь не делается никакого различия между наукой и технологией» (Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А.В. Дьякова. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — С. 48.

³³⁴ Блур Д. Анти-Латур... - С. 105.

его мнениям.

Проиллюстрируем это примером, который приводит в изъяснение своего подхода Д.Блур: «Важно разделять мир и описание мира актором. Именно описание является предметом исследования... Например, историкам науки и социологам зачастую лучше избегать высказываний о том, что Роберт Милликен «наблюдал электроны» или «наблюдал эффекты электронов». Пусть это говорит сам Милликен. Лучше сказать: он наблюдал нечто, что объяснил, постулировав объект, который назвал электроном»³³⁵. В противном случае «некоторым описаниям природы пришлось бы автоматически придать привилегированный статус»³³⁶. От этого социологов науки удерживает тот факт, что из одних и тех же наблюдаемых явлений ученые могут делать альтернативные выводы. Так, Феликс Эренгафт, современник и оппонент Милликена, наблюдая те же явления, что и Милликен, не поверил в электроны³³⁷.

В этом обосновании, на наш взгляд, не учитываются три обстоятельства. Во-первых, то, что ученые могут не только объяснять, но и описывать одни и те же явления по-разному. Сама по себе граница между описанием и объяснением не является жесткой. Во-вторых, истинные высказывания действительно имеют «привилегированный статус» перед ложными, «симметрии» между истиной и ложью нет, если стоять на позициях классической теории истины, что согласуется и с базовыми общеметодологическими установками эдинбургской школы – признанием объективного мира, «уважением» к различию между субъектом и объектом. Другое дело, что социолог не обладает компетенциями, необходимыми для различения истинных и ложных суждений ученых, деятельность которых он исследует.

³³⁵ Там же. – С. 105.

³³⁶ Там же. - С. 104.

³³⁷ Там же.

Наконец, в-третьих, отказ от различения истинных и ложных научных высказываний, будучи примененным к самой социологии науки девальвирует ее собственные заключения. Между тем один из четырех базовых принципов «сильной программы» - принцип рефлексивности (самоприменимости). И этот принцип оказывается нереализуемым, «остается чистой декларацией»³³⁸. Точнее сказать, его реализация приводит к парадоксу: если социология науки – наука, то, в соответствии с принципом симметрии, ее результаты не должны оцениваться с точки зрения их соответствия изучаемой реальности, а поскольку это позиция самой социологии науки, то она не может претендовать на истинность. Но всякая наука претендует на истинность своих выводов. Следовательно, социология науки – не наука. Источником парадокса является соединение в одном предмете науки-объекта (изучаемой) и мета-науки (изучающей).

Акторно-сетевая теория свободна от подобных затруднений, поскольку науку она рассматривает как тернистый и извилистый путь к истине, на котором ученого подстерегают ловушки и препятствия, а изучаемые объекты могут сопротивляться, прятаться, маскироваться, вводя изучающего их субъекта в заблуждение. В соответствии с этой картиной ложные высказывания науки объясняются не внешними по отношению к научному процессу социальными причинами, а свойствами и «поведением» акторов - изучаемых объектов. При этом исследователь науки становится на точку зрения ученого, деятельность которого изучает.

Логика такой позиции понятна: если ученый для нас – это субъект, то и мы должны относиться к нему как к субъекту, то есть находиться с ним в субъект-субъектном взаимодействии, прислушиваться к его высказываниям, принимать их всерьез, вести с ним диалог по тем вопросам, в которых мы

³³⁸ Вахштайн В. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2027. Т. 27, №1. – С. 68.

компетенты, и принимать с доверием его экспертные суждения по тем вопросам, в которых мы некомпетентны. И если он, субъект, утверждает, что сущности, с которыми он имеет дело, для него не пассивные объекты, а активно действующие и порой непредсказуемые в своем «поведении» акторы и что его взаимодействие с ними характеризуется сложной детерминацией, эффектами обратной связи (как это происходит в общении), то и мы не вправе квалифицировать их иначе.

Данный подход не лишен своих слабостей. Главная из них - это риск утраты объективности социального исследования и, шире, утраты объекта как философской категории. Когда взгляд исследователя науки или иной высокоспециализированной деятельности направлен «снизу вверх»³³⁹, то такой исследователь рискует превратиться в личного биографа ученого, а его собственная наука – в служанку изучаемой практики, лишенную собственного предмета. При этом нет гарантии, то «слуга» (социолог), находясь в тесном взаимодействии с «господином» (ученым), не выдает невольно за его интуиции – свои собственные. Не каждый ученый и не всегда воспринимает объекты своего изучения как акторов. Иногда объект – это просто объект.

Представляется, что трудности социального исследования научной и технологической деятельности, с которыми столкнулись как представители эдинбургской школы социологии науки так и представители акторно-сетевой теории, обусловлены особенностями исследовательской ситуацией, порождающей итерацию субъект-объектного отношения: субъект познания (Sb_1), исследующий свой объект (Ob_1) становится объектом познания (Ob_2) для другого познающего субъекта (Sb_2), так что $Sb_1 = Ob_2$. При этом Sb_2 в лице представителей «сильной программы» эдинбургской школы, устанавливая принцип рефлексивности, претендует на продолжение

³³⁹ Латур Б. Пересборка социального... – С. 137, 139, 140.

итерации: Sb_2 должен стать таким же объектом изучения, как и Sb_1 для гипотетического Sb_3 ($Sb_2 = Ob_3$), который, в свою очередь, также должен отвечать принципу рефлексивности, что приводит к «дурной бесконечности» (см. рис.1).

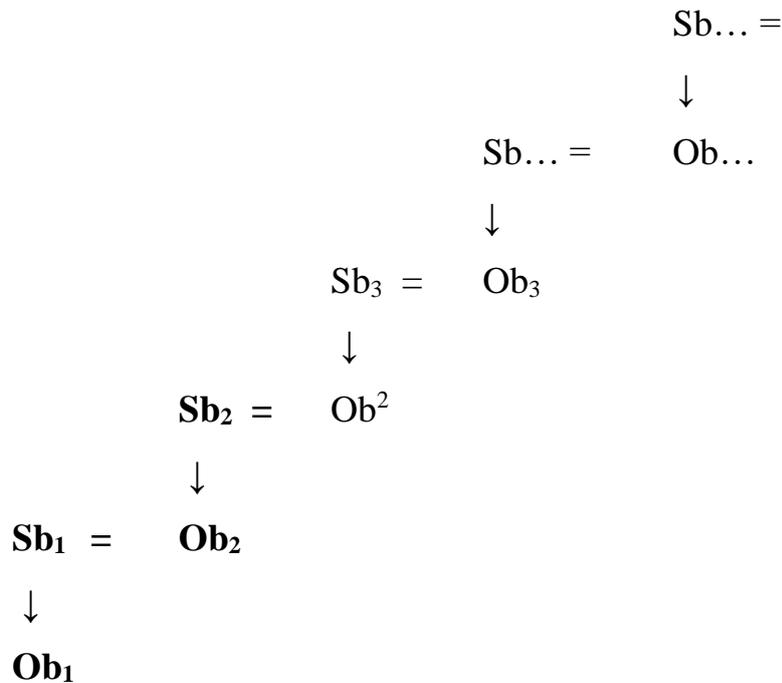

Рис. 1.

Латур и другие представители АСТ избегают итерации субъект-объектного отношения тем, что заменяют его на втором шаге субъект-субъектным – решение, аналогичное теории типов, при помощи которой Б.Расселу устранить парадокс канторовской теории множеств (см. рис. 2).

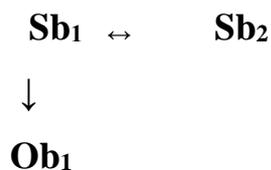

Рис. 2.

Однако в ходе доверительного общения между Sb_2 и Sb_1 выясняется то,

о чем писал еще Ф.Ницше: что наука есть «по возможности точное очеловечение вещей»³⁴⁰, то есть объект познания Ob_1 воспринимается субъектом Sb_1 если не как полноценный субъект, то как некий квазисубъект qSb – вещь, обладающая некоторыми признаками субъектности: «Человеческий агент придает смысл миру объектов, которые сами лишены всякого смысла»³⁴¹ (см. рис. 3).

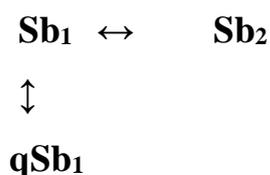

Рис. 3.

Данная схема, на первый взгляд, демонстрирует исчезновение объекта в модели АСТ, что представляется странным на фоне того, что Латур относит сильную программу к крайнему субъективизму, поскольку она «объясняла природу в терминах общества, и поэтому было невозможно приписать вещам агентность: она есть только в обществе»³⁴². Однако необходимо подчеркнуть, что актер (квазисубъект) не тождественен субъекту. С точки зрения формальной логики, понятие «актер» - более широкое, чем «субъект»: всякий субъект – это актер, но не всякий актер – субъект. Непонимание этого логического отношения оппонентами акторно-сетевой теории – одна из причин её неприятия. Представителей АСТ часто упрекают как в наделении

³⁴⁰ Ницше Ф. Веселая наука («La gaia scienza»). Третья книга. 112. Причина и следствие // Ницше Ф. Веселая наука («La gaia scienza») / пер. с нем. М.Кореневой, С.Степанова, В. Топорова. – СПб, Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. - С. 143.

³⁴¹ Латур Б. Пересборка социального... - С. 286.

³⁴² Там же. – С. 92.

субъектностью неодушевленных объектов, так и в лишении её людей: «Поскольку данная теория не приветствует идею о различиях между людьми и объектами, то возникает закономерный вопрос: кого мы имеем в виду, когда говорим о людях?»³⁴³. Ответ на этот вопрос представляется тривиальным: говоря о людях, АСТ имеет в виду людей и только людей, и под субъектами она подразумевает только людей. Так, Л.Болтанский и Л.Тевено объектом своего анализа сознательно избирают политико-философские построения, общая черта «заключается в том, что они создают образ мира (*monde*), где люди четко отличны от других существ (*etres*) и подобны друг другу благодаря основополагающему равенству между собой»³⁴⁴.

Косвенным подтверждением антропоцентризма в трактовке субъектности может служить чрезвычайно аккуратное отношение представителей данного направления к коллективной субъектности.

Надо сказать, что в целом ряде авторитетных социально-философских и социологических подходов коллективный субъект если не постулируется как данность, то выступает как первичная структура по отношению к индивиду, индивидуальному сознанию и поведению. Так, в социологии Э.Дюркгейма, индивид «является всего лишь частью по отношению к целому»³⁴⁵, коллективное существо (*Vetre collectij*) выступает как реальный и даже более «объективный» предмет, чем отдельный индивид, а коллективные представления служат источником индивидуальных представлений.

³⁴³ Ковалева А.С. Новые возможности для исследования социальной реальности: акторно-сетевая теория // *Личность и культура*. № 6, - СПб. Гуманитарный фонд, 2009. - С. 22.

³⁴⁴ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В.Ковенева; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 40.

³⁴⁵ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. - М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. – С.723.

Впрочем, нельзя сказать, что Э.Дюркгейм описывает коллективную субъектность лишь как уже готовую, уклоняясь от объяснения ее происхождения. В «Элементарных формах религиозной жизни» он прямо утверждает, что формирование идеального мира коллективных представлений «не является нередуцируемым фактом, который ускользает от науки; оно зависит от условий, которые поддаются наблюдению, - это естественный продукт общественной жизни»³⁴⁶. В какой-то исторический момент коллективная жизнь достигает «определенной степени насыщенности», и вследствие этого «вызывает состояние возбуждения, которое изменяет условия психической деятельности. Жизненные силы перевозбуждены, страсти интенсивней, ощущения острее, более того, некоторые из них рождаются только в этот момент»³⁴⁷. Это новое состояние психики есть, по Дюркгейму, религиозное мышление, преобразующее впечатления от окружающей среды и повседневного опыта человека. «Другими словами, над реальным миром, где проходит его профанная жизнь, он надстраивает другой»³⁴⁸, идеальный мир, что является необходимым условием социальных изменений: «Общество не может ни создавать, ни воссоздавать себя, не создавая одновременно что-то идеальное. посредством которого общество периодически производит и воспроизводит себя»³⁴⁹. Таким образом, «чтобы общество могло осознавать себя и поддерживать необходимый уровень интенсивности этого самоосознания, оно должно собираться и сосредотачиваться»³⁵⁰.

Данный подход не удовлетворяет представителей акторно-сетевой теории. По мнению О.Болтански и Л.Тевено, «стремление социологии

³⁴⁶ Там же. – С. 694.

³⁴⁷ Там же. – С. 694 – 695.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же. – С. 694 – 695.

³⁵⁰ Там же.

коллективных фактов к реализму привело к редукции и совпадению двух метафизических уровней - уровня морального коллективного существа и уровня индивида. В итоге произошло превращение принципа согласия (общей воли) в закон, распространяющийся на всех людей»³⁵¹. В самом деле, в дюркгеймовском объяснении возникновения идеальных коллективных представлений не получает отражения тот объективный факт, что повседневный опыт индивидов не является одинаковым, а значит, уже до момента «сосредоточения» общества индивидуальные впечатления и представления могут быть различными до противоположности. То, каким образом это различие превращается в единство, ускользает от объяснения.

Не получает объяснения у Дюркгейма и то, как в ходе консолидации индивидов в общество (=коллективный субъект) решается проблема социального неравенства. Что заставляет индивидов мириться с ситуацией, при которой некоторые из них занимают более выгодное положение, позволяющее им не только пользоваться большим объемом благ но и навязывать свою волю другим.

Структуралисты (в том числе Будье) отвечают на этот вопрос через понятие власти. Но социологов «после Бурдьё» этот ответ не устраивает, поскольку сам феномен власти требует обоснования. Этот подход побуждает их «отказаться от анализа философских систем, сводящих - из стремления к реализму или же в целях социальной критики - общественные отношения к отношениям господства или силы»³⁵² и предпочесть им «построения, в которых ставится задача установления равновесия (*equilibre*) в политическом сообществе»³⁵³.

³⁵¹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В.Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 64.

³⁵² Там же. — С. 40.

³⁵³ Там же.

Модель формирования коллективных представлений, разработанная Л.Болтански и Л. Тевено, неявно опирается на раскрытый нами выше субъект-субъектный подход акторно-сетевой теории, предполагающий отказ от логики «подозрения» и принятие позиций респондентов «как есть». Как поясняет Н.Копосов, «в центр внимания исследователей помещаются тем самым не скрытые двигатели исторического процесса или законы функционирования общества, а рациональные цели субъектов социальной жизни»³⁵⁴. Согласно этой общеметодологической установке французские социологи эмпирическим предметом своего исследования сделали ситуации столкновения противоположных позиций людей и рациональных аргументы, используемые каждой из сторон конфликта для убеждения своих оппонентов в справедливости своих притязаний. В объемном исследовании Л.Болтански и Л.Тевено представлен детальный анализ мировоззренческих систем, к которым явным или имплицитным образом апеллируют обычно люди для обоснования своих позиций в спорных ситуациях и достижения «когнитивного сближения», в основе которого «лежит соотнесение сближаемых объектов с чем-то более обобщенным, общим для них»³⁵⁵ и которое используется «в целях обоснования справедливости»³⁵⁶.

Опираясь на результаты эмпирического исследования, проведенного на предприятиях Франции, авторы выделили шесть таких систем, назвав их «градями», по аналогии с картиной идеального мира, описанной в «Граде небесном» блаженного Августина. Каждый из «градов» представляет собой некую идеальную картину возможного мира, построенного на принципах,

³⁵⁴ Копосов Н. Грамматика демократии: «Социология градов» Люка Болтански и Лорана Тевено // Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В.Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 9 – 10.

³⁵⁵ Болтански Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости... - С. 68.

³⁵⁶ Там же.

справедливость которых не подвергается сомнению. Важно отметить, что все шесть «градов» в том или ином соотношении представлены в сознании современного человека, причем логическая несовместимость их элементов, как правило не осознается, что и позволяет использовать их в процессах убеждения.

Модельные описания «градов» Л.Болтански и Л.Тевено усматривают в программных трактатах политической философии, которые исследуются «не сами по себе и не как продукт определенной эпохи, а как попытки создания их авторами политических «грамматик» (*grammaires*), то есть общих правил, определяющих характер связей между людьми»³⁵⁷. Из сопоставления разных теоретических систем были выведены заложенные в них «принципы построения легитимного порядка. Это такие принципы, как идея благодати в «Граде Божиим» Блаженного Августина; патриархальный принцип в «Политике» Боссюэ; понятия славы и общественного мнения в «Левиафане» Гоббса; теория общей воли в «Общественном договоре» Руссо; принцип богатства в «Богатстве народов» Адама Смита и, наконец, идея производственной эффективности в «Индустриальной системе» Сен-Симона»³⁵⁸. Всего же в объемной монографии Л.Болтански и Л.Тевено выделено и описано шесть основных градусов: град рыночный, град патриархальный, град научно-технический, град гражданский, град вдохновения и град репутации.

Что же касается оправдания социального неравенства, то, отказавшись от концепта власти, Л.Болтански и Л.Тевено используют вместо него восходящий к теории сублимации Фрейда³⁵⁹ концепт «величия» (*grandeur*), оправдывающий для индивидов «возможность существования великих людей

³⁵⁷ Там же. - С.39.

³⁵⁸ Там же. - С. 40.

³⁵⁹ Там же. - С.77.

(grands) - и, соответственно, допустимость в нашем обществе идеи, что разные люди имеют для общества разное значение»³⁶⁰. Эту идею предлагается (вслед за Фрейдом) «рассматривать как теорию о легитимности социального упорядочения. Она подразумевает сбережение и реинвестирование внутренних ресурсов индивида (сбережение энергии либидо и переключение аффективных влечений), организацию отношений индивидов в обществе и неравенство в распределении степеней величия (grandeur) (между полами, между социальными классами и так далее) и организацию отношений между культурами»³⁶¹.

Разработанный Л.Болтански и Л.Тевено методологический подход к моделированию коллективной субъектности представляется в целом плодотворным при изучении университетских сообществ, с допустимой поправкой на то, что перечень «градов», будучи исторически и культурно обусловленным, может корректироваться с учетом социокультурной ситуации конкретного исследования. Как отмечалось в первой главе настоящего исследования, в ответах респондентов-участников университетских сообществ звучали упоминания «миров Стругацких». Этот зафиксированный эмпирический факт побуждает к тому, чтобы в дальнейших исследованиях рассмотреть в качестве одного из «градов» град «Полдня» наряду с сохраняющим актуальность «рыночным» градом, другими «градами». Для более точного и полного представления системы «градов», лежащих в основе формирования коллективной субъектности российских университетских сообществ, требуются дальнейшие эмпирические исследования.

Итак, на основании сопоставительного анализа подходов современной социальной философии и теоретической социологии разработаны теоретико-методологические основания исследования университетских сообществ как

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же.

субъектов социокультурных изменений: показана актуальность использования категории субъекта для описания способности сообществ к социальным изменениям; продемонстрирована применимость отдельных положений теории полей (а именно учения о двойственной роли социальных агентов как исполнителей предзаданных правил игры – и субъектов социальных изменений) для изучения проактивной роли университетских сообществ в университете и обществе; показаны возможности акторно-сетевой теории (а именно применимость концепта актора для описания технологий как сложных акторов общественной жизни) для исследования предметной деятельности университетских сообществ.

Категории «агент» и «актор», сформированные в теоретической социологии, могут быть применены для описания социо-преобразующей способности университетских сообществ технологических энтузиастов (через понятие «трансформирующая агентность») и их взаимодействия с новыми технологиями в процессе выработки соответствующих им социальных практик (через описание новых технологий как сложных акторов в духе АСТ).

Приведенный выше анализ понятия субъекта в социальных науках позволит нам в следующей главе прояснить роль университетских сообществ технологических энтузиастов в общественном развитии. В последующем анализе мы будем воспринимать университетские сообщества технологических энтузиастов как социальное поле, вложенное одновременно в поле университета, и во внешние социальные поля. Такие сообщества являются транзиторными, то есть конститутивно устроенные таким образом, что участники этих сообществ покидают их, сохраняя с ними связь и общность «градов» (картин будущего). Оказывая воздействия на социальные изменения, такие сообщества приобретают статус коллективного субъекта. Одновременно с этим, их взаимодействие с технологиями далее будет анализироваться в духе акторно-сетевой теории, а сами технологии – восприниматься в качестве сложного комплексного актора. Такая концептуальная расстановка позволит

описать студенческие сообщества технологических энтузиастов как субъект социокультурных изменений.

Глава III.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СООБЩЕСТВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭНТУЗИАСТОВ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ

§1. Технологизация как фактор социального развития

В современном мире невозможно обсуждать перспективы общественного развития без учета влияния на него технологий, фактически изменяющих социальные константы.

Сказанное справедливо не только в отношении технологий будущего, но и в отношении уже состоявшихся технологических достижений. Так, технологизация в агропромышленном и химико-технологическом комплексах в XX веке принципиально изменили модель производства продовольствия, что, в свою очередь, вместе с прогрессом в медицинских технологиях, привело к взрывному росту населения Земли. Вместе с тем достижения в медицине в ряде стран приводят к «старению населения», повышая средний возраст граждан. Технологии связи кратно увеличили связность в обществе, скорость распространения информации, механизмы включения в общественную жизнь новых практик. Этот список примеров может быть продолжен.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет технологии как «совокупность производственных методов и процессов в определённой отрасли производства»³⁶², а также «научное описание способов производства»³⁶³. Близкое определение дается и понятию «техника»: совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей. Более узкое определение содержит словарь Д.Н.

³⁶² Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. - Москва: Азбуковник, 2000.

³⁶³ Там же.

Ушакова, определяющий технологию как «совокупность наук, сведений о способах того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие»³⁶⁴.

Философский энциклопедический словарь определяет технику как «систему искусственных органов деятельности общества, развивающуюся посредством исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний, путем познания и использования сил и закономерностей природы»³⁶⁵ и включает ее в число производительных сил общества.

Наиболее широко трактует термин «технология» Большая Советская Энциклопедия, где технология определяется как

- «совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий, осуществляемых в различных отраслях промышленности, строительстве и т.д.»³⁶⁶;

- «научная дисциплина, разрабатывающая такие приемы и способы»³⁶⁷;

- «сами операции добычи, обработки, переработки, хранения, которые являются основной составной частью производственного процесса»³⁶⁸;

- «описание производственных процессов, инструкции по их выполнению, технологические правила, требования, карты, графики и др.»³⁶⁹.

В западной литературе до середины XIX века понятие «техника» более распространено, чем «технология», которое появилось, как указывает П.К.

³⁶⁴ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – Т. IV, ст. 708.

³⁶⁵ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 682.

³⁶⁶ Большая советская энциклопедия. В 30 тт. / Глав. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. – М.: советская энциклопедия, 1969 – 1987. Т.25. – С. 536.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Большая советская энциклопедия. В 30 тт. / Глав. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. – М.: советская энциклопедия, 1969 – 1987. Т.25. – С. 536.

Энгельмейер, в 1772 или 1777 гг.³⁷⁰. Этот же автор отмечает, что в русском языке термин «техника» укоренился значительно позже, чем термин «технология»³⁷¹. Последний впервые появился в 1807 г. в учебнике И.А.Двигубского «Начальные основания технологии, или краткое показание работ, на заводах и фабриках производимых»³⁷². О технике на русском языке стали писать не ранее 1862 г. но этот термин использовался как синоним технологии. Только в 40-е – 50-е гг. XX в. эти два термина стали использоваться на русском языке в разных значениях. Вместе с тем и сегодня представляется достаточно сложным провести границу между содержанием этих понятий. Зачастую они трактуются как условные синонимы, приоритет в использовании отдается понятию «технологии».

Д. Белл, определил технологию как «использование научного знания способом репродуцирования»³⁷³, а Дж. Гелбрейт - как «систематизированное применение научного или иначе организованного знания для решения практических задач»³⁷⁴.

В 1985 г. А.Д. Бондаренко констатировал существование более сорока различных определений технологии в научной литературе³⁷⁵. С.Л. Комарова, обобщив ряд таких определений, выделила инвариантные признаки технологии как это совокупность действий плюс их эксплицитное описание. Отсюда - обобщающее определение технологии: «упорядоченная система

³⁷⁰ См.: Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 2 – 4. Т.: Товарищество скоропеч. А.А.Левенсон, 1912. Вып. 2. – С. 87.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Двигубский И.А. Начальные основания технологии, или Краткое показание работ, на заводах и фабриках производимых. – М.: В Университетской типографии, 1807-1808.

³⁷³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999.

³⁷⁴ Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. - М.: Прогресс, 1969.

³⁷⁵ Бондаренко А.Д. Современная технология: Теория и практика. – Киев-Донецк: Выща школа, Головное изд-во, 1985.

действий по доведению исходного объекта до качественно нового (желательного) состояния для достижения определенных целей»³⁷⁶.

А.П. Мельничук, проанализировав определения технологии в зарубежной литературе, классифицировал их на три группы³⁷⁷:

- технология как средство материального производства. Так, согласно определению К.Долмена и Я Вестфала технология – это «сочетание физических процессов, которое превращает затраты в выпуск»³⁷⁸;

- технология как совокупность научно-технических знаний. Так, согласно определению Дж. Холлидея, технология «отображает знания или информацию о том, как выполнять задачи, решать проблемы или производить товары и услуги»³⁷⁹;

- технология как информационный продукт. Пример такого определения находим у Ф.Хадла: «Технология - это разработка и общественное использование информации»³⁸⁰.

Сам А.П. Мельничук считает понятие технологии экономическим и определяет его как «совокупность систематизированных научно-технических знаний, отделенных от объекта этих знаний о способах организации и функционирования конкретного производственного процесса, процесса сбыта или потребления»³⁸¹.

³⁷⁶ Комарова С.Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности. Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2002.

³⁷⁷ См.: Мельничук А.П. Роль национального технологического выбора в развитии внешнеэкономических связей страны. Дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – С. 11.

³⁷⁸ Technology transfer: New issues, new analysis // Ann. Amer. Acad. Polit. and Soc. Sci. -1991, - P. 10.

³⁷⁹ Holliday G. Technology transfer to the Eastern Europe: The role of western technology in economic development -Boulder, 1994.-P. 10.

³⁸⁰ Huddle F. The Secrets of Export Progress. - N.Y., 1991. -P. 132.

³⁸¹ Мельничук А.П. Указ. соч. – С. 11.

Обобщая различные определения технологии, Ю.А. Данилина заключает, что «при всем разнообразии встречающихся в специальной литературе определений понятия «технологии» большинство специалистов считают, что она представляет собой совокупность систематизированных научно-технических знаний»³⁸². При этом отмечается, что «ценность технологии определяется, с одной стороны, общественно необходимыми затратами труда на ее создание, с другой стороны, экономическим эффектом ее использования»³⁸³. Известно, что из всех запатентованных в мире новшеств внедряется не более 3 – 5%, в процессе внедрения лишь 1% доходит до стадии товарной формы, а из этих товаров, на рынке удерживаются не более 10%. Иными словами, лишь небольшая часть практически ориентированных научных знаний воплощается в реальные новшества, изменяющие условия жизни человека.

В силу своей информационной природы технология является объектом исключительных прав и становится товаром, когда становится очевидной возможность ее применения в производстве.

Менее чем за два века отношения философии и техники претерпели значительную трансформацию. В.С. Левицкий, рассматривая философскую рефлексию техники в контексте современного дискурса об индустриализации, выделяет в его становлении три этапа. На первом этапе происходит «зарождение дискурса в недрах просвещенческой мысли, видящей в науке и технике новый метод организации социального бытия (Ж.А. Кондорсе, А.Сен-Симон, О.Конт). Второй - этап, связанный с классическими теориями индустриального общества, признающими в нем базис социального развития (Р.Арон, У.Ростоу, Дж. Гэлбрейт). Третий - это осмысление современного общества как постиндустриального, где знание, информация и технологии

³⁸² Данилина Ю.А. Трансформация коммуникативных технологий на современном этапе развития информационного общества. Дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2009. – С. 76.

³⁸³ Там же.

становятся главными действующими силами прогресса (Д.Бел, Э.Тофлер, Ф.Махлуп, Т.Умесао, Й.Масуда, К.Шваб)»³⁸⁴.

Рубеж XIX-XX веков ознаменовался расцветом русского космизма, наиболее известный тезис которого принадлежит К.Э. Циолковскому: «Земля – это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели»³⁸⁵. Технологическое развитие благодаря энтузиазму последователей Вернадского и Циолковского привело человечество в Космос.

Рубеж XX - XXI вв. демонстрирует нам не менее блестящие суждения из области философии техники и технологий, но уже не опережающие технологические возможности человечества, а рефлексирющие их. Так, Рэй Курцвейл в 2005 г. предсказывал, что «...в ближайшие несколько десятилетий мы достигнем технологической сингулярности – периода, в течение которого темпы технологических изменений будут настолько быстрыми, а их влияние настолько глубоким, что человеческая жизнь необратимо изменится»³⁸⁶. Эти необратимые изменения, по мнению Р.Курцвейла, должны состоять в «слиянии биологического и машинного интеллекта, так что большая часть «человеческого» интеллекта станет небиологической»³⁸⁷, а также «слиянии виртуальной и физической реальности»³⁸⁸. С момента этих предсказаний прошло два десятилетия, однако все говорит о том, что им, если и суждено сбыться, то нескоро. Поступательное восходящее экономическое развитие сменилось углубляющимся финансово-экономическим кризисом, обострившим политические противоречия между, с одной стороны, англо-

³⁸⁴ Левицкий В.С. Социальная реальность модерна: эмпирическое, трансцендентальное, трансцендентное. – М.: Из-во Канон+ РООИ «Реабилитация». – 2023. – С. 40.

³⁸⁵ Циолковский К. Э. Избранные труды. - 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Наука, 2007. С – 196.

³⁸⁶ Kurzweil R. The singularity is near //Ethics and emerging technologies. – London: Palgrave Macmillan UK, 2005. – С. 393-406.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же.

саксонским миром, и, с другой стороны, странами Западной Европы; активно набирают ход антиглобализационные тенденции, ведущие к распаду мира на независимые экономические зоны; в политической сфере происходит глубокое переустройство в масштабах всего мира; в экспертном сообществе все отчетливее формулируют свои позиции оппоненты идей трансгуманизма, глобализма, инклюзивного капитализма. Так, например, экономист и философ левых взглядов Ник Шрничек рефлексировал новую экономику данных и платформ как очередную версию капитализма, в которой платформенные технологии в руках корпораций становятся новым и мощным инструментом отчуждения трудящихся от результатов их труда и лишения их завоеванных в индустриальные времена прав³⁸⁹.

В этих условиях актуальным вызовом для современной социальной философии представляется выработка теоретического инструментария для осмысления и описания связи между технологическими и социокультурными изменениями, который позволил бы философской мысли снова опережать технологический прогресс, давая обществу возможность влиять на траектории своего развития или хотя бы прогнозировать их. Ведь, как отмечает В.А. Лекторский, «трансформация человека может происходить по-разному. Можно пытаться трансформировать его с помощью современных NBIC-технологий, превращая в постчеловека, то есть по сути дела убивая его как человека. А можно осознать тот факт, что развитие культуры, философии, искусства, литературы, науки и было реальным самотрансформированием человека, то есть развитием новых ценностных представлений, созданием нового «мира человека»³⁹⁰:

Таким образом, важность постановки вопроса об этическом и гуманистическом векторе осмысления технологического развития не

³⁸⁹ Srnicek N. Platform capitalism. – John Wiley & Sons, 2017.

³⁹⁰ Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи / науч. ред. А.С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2018.

вызывает сомнений. При этом с социально-философской точки зрения представляется не менее важным и другой вопрос: кто может являться субъектом присвоения человечеством технологий, включения их в общественную жизнь и постановки их на службу социальному развитию?

Учитывая сложную структуру технологии как явления, включающую достаточность знаний о физическом мире, ресурсную обеспеченность, организационные и экономические форматы реализации технологии, ее политические аспекты, способность педагогически оснастить соответствующую технологию, есть все основания утверждать, что владеть технологией с пользой для себя может только соответствующим образом организованный и подготовленный коллективный субъект.

Осмысление феномена технологий нашло свое место в эпистемологии и социальной философии далеко не сразу. Так, по мнению Г.Г. Майорова, «технематический» способ мысли не занимал ведущего положения ни в античной философии, ни в наследующих ей философских традициях. Г.Г.Майоров выделяет три способа философствования, характерных для периода античности: «софийный», ориентированный на поиск мудрости в ее целостности и полноте; «эпистемический», концентрирующийся на точно установленном знании и порождающий «научный» подход к исследованиям; и «технематический», основное внимание уделяющий искусству и технике мышления, изобретения мысли.

Третий тип философствования, берущий свое начало от традиции софистов, Г.Г. Майоров описывает так: «Всеядность, шутовство, актерство, отсутствие глубокой веры в то, чему они учат, рядом с обширной эрудицией, глубоким интересом к языку и другим средствам выражения мысли, рядом с превосходной техникой мышления – все это свойственно не только греческим софистам, но и любому заметному философу технематической

ориентации»³⁹¹. Античная традиция не проводит строгих границ между познанием себя, познанием окружающего мира и его преобразованиями.

При этом уже в античной социальной философии осознается роль сообществ специалистов-интеллектуалов не только в производстве знаний, но и в присвоении их обществом, хранении и использовании. Примером может служить Платоновское государство, где сообщество философов является одновременно и институт политического управления, совмещая обе функции в одном лице.

Начало «технологического поворота» в социальных науках можно связать с именем Френсиса Бэкона, который в своем неоконченном утопическом романе «Новая Атлантида» изобразил общество воображаемой островной страны Бенсалем, расположенной в «совершенно не исследованной» части Тихого океана как воплощение гуманистических и библейских идеалов благодаря синхронизации технологического и общественного развития³⁹². И хотя произведение Бэкона было опубликовано и, вероятно, написано позже «Утопии» Томаса Мора и «Города Солнца» Томазо Кампанелла, именно этот текст оказал наиболее серьезное влияние на возникновение общественных институтов технологического развития. Так, образ Дома Соломона - организации ученых-экспериментаторов, изобретателей и инженеров, игравшей центральную роль в Бенсалеме Френсиса Бэкона, служил вдохновляющим образцом для основателей одного из старейших научных обществ в мировой истории – Лондонского королевского общества. При внимательном изучении бэконовский Дом Соломона представляет собой прототип академического сообщества современного исследовательского университета и предвосхищает идеи

³⁹¹ Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. Изд. 3-е. М: Либроком, 2012.

³⁹² Бэкон Ф. Новая Атлантида //Бэкон Ф., Бержерак С.С. де, Верас Д. Новая Атлантида. – М.: Алгоритм, 2014.

Вильгельма фон Гумбольдта. В этом центре исследований и разработок внимание уделяют как прикладной, так и фундаментальной науке. Цель Дома Соломона – через экспериментальный метод («метод Бэкона») понять и покорить природу, а после – поставить приобретенные знания и умения на службу общественному развитию. Бэкон подробно описывает организацию «машины производства знания», составленной из ученых людей разных родов занятий: некоторые из них занимаются реферативной работой, анализируя достижения науки и техники соседних стран; других стараются повторить эксперименты, проведенные другими исследователями, чтобы убедиться в достоверности полученных ими результатов; третьи занимаются каталогизацией и обобщением исследовательских результатов и так далее. Особое место в работе уделяется тем исследователям, которые на основе ранее приобретенных знаний выводят наиболее общие тезисы и законы, «которые возводят прежние открытия путем экспериментов в более великие наблюдения, аксиомы и афоризмы; их мы называем интерпретаторами природы»³⁹³. Дом Соломона предстает как сообщество исследователей, несущих ответственность не только за открытие истины, но и за темпы общественного развития. Они принимают решения о том, какие из новых знаний полезны обществу и могут быть поставлены на службу государству, а какие пока должны быть скрыты: «...у нас есть консультации, какие из изобретений и опытов, которые мы открыли, должны быть опубликованы, а какие нет; и дать все клятву хранить тайну за сокрытие тех, которые мы считаем нужным сохранить в тайне; хотя некоторые из них мы когда-нибудь раскрываем государству, а некоторые нет»³⁹⁴. Тем самым Ф. Бэкон обосновывает ведущую роль коллективного субъекта - сообщества, объединенного деятельностью по производству знаний и технологий - в

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

освоении обществом новых технологических достижений. При этом технологический оптимизм, свойственный автору девиза «знание – сила», дополняется требованием ответственного и осмотрительного отношения ученых к новым технологиям, с точки зрения возможных последствий их применения, что и побуждает бенсалемских мудрецов держать некоторые знания в тайне, даже от государства.

Эта идея впоследствии получила свое отражение и в трактате Вильгельма фон Гумбольдта³⁹⁵, налагающем на научное (университетское) сообщество обязанность опережать общество и государство в понимании направлений общественного развития.

Идеи научного сообщества как субъекта взаимосвязанного социокультурного и технологического развития, намеченные Ф.Бэконом, получили дальнейшее последовательное развитие в концепте «республики ученых» (*Respublica Literaria*).

В Западной Европе позднего средневековья, в русле общеевропейской традиции профессиональных гильдий, стали формироваться сообщества писцов и судебных клерков (базоши), синтезировавшие нарождающуюся новоевропейскую культуру с традициями возрождаемой античности. В Аррасе гильдии писцов существовали уже в XII веке, а Валансьене - с 1229 г. При дворах местных князей Геннегау, Пикардии и Фландрии, Нормандии складывались литературные кружки. В Аррасе учёное сообщество просуществовало до начала XIV в. Одновременно с этим в Тулузе (1323), Дуэ (1330), Париже (середина XIII века), в Турне, Лилле и Амьене (между 1380 и 1390 годами) возникли новые общества.

³⁹⁵ См.: Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине /Пер. С. Шамхаловой по изд.: Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Band X: Herausgegeben von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: V. Behr's Verlag, 1903. S. 250—260 // Неприкосновенный запас. 2002. №2.

В XV веке эта традиция охватила Нидерланды и Рейнские земли, а в XVI в Англию. В этот же период в городах Италии и Испании стали возникать академий как самодеятельные культурные ассоциации. В начале XVI века по обе стороны Альп (в Итальянских годах германских землях) стали возникать культурные сообщества. В Германии это были корпорации мейстерзингеров.

Предпосылки возникновения Республики учёных сложились в период Авиньонского пленения пап (1309 – 1377 гг.) благодаря регулярной переписке авиньонской и римской канцелярий.

В 1384 году Жан де Монтрё обратился к Колуччо Салютати с просьбой о предоставлении латинских рукописи писем в качестве образцов языка и стиля для королевской канцелярии. Более глубокому знакомству европейских учёных с текстами античных классиков способствовало изобретение книгопечатания. Позитивную роль в развитии международного обмена знаниями сыграли Флорентийская академия и кружок гуманистов при Доме Альда в Венеции. Впоследствии эту модель интеллектуального сообщества взял на вооружение Эразм Роттердамский, находившийся в это время в Базеле. Во Франции центром латинских штудий стал Наваррский коллеж.

Весомый вклад в формирование Республики учёных внес в начале XVII века Н.-К.Ф.де Пейреск³⁹⁶. П. Миллер, относя происхождение Республики к эпохе позднего средневековья, сравнивал Пейреска по интенсивности переписки с Эразмом Роттердамским и Юстом Липсием, а П. Бейль в конце XVII века называл его «принцем» и «генеральным прокурором» Республики ученых³⁹⁷. Пейреска переписывался практически со всеми выдающимися интеллектуалами своего времени, причем делал это, в отличие от

³⁹⁶ Miller P. Peiresc's Europe Learning and Virtue in the Seventeenth Century. — New Haven, L. : Yale University Press, 2000. — 252 p.

³⁹⁷ Цит. по: Cheny A. Humanisme, esprit scientifique et études byzantines : la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc // Dix-septième siècle. — 2010. — № 4.

предшественников, на живых языках (в основном французском и итальянском).

В наиболее явном виде республику ученых как субъекта освоения знаний и технологий выделил М. Полани в своей статье «Республика науки: ее политическая и экономическая теория»: «Ученые, свободно выбирающие проблемы и самостоятельно решающие их, на самом деле, будучи членами сплоченной организации, заняты совместной деятельностью. Их исследования носят скоординированный характер, что выражается в последовательном соотношении усилий отдельного ученого с теми результатами, которые были ранее получены другими»³⁹⁸. Эта координация достигалась посредством «взаимного регулирования независимых инициатив, каждая из которых учитывала все начинания, предпринимаемые внутри системы»³⁹⁹. Таким образом, по мнению М.Полани, сообщество ученых уже в исторически ранних своих формах выступало как коллективный субъект, способный к самоорганизации и саморегулированию ради торжества научного знания и технологического развития общества.

Особый вклад в оптимистическое осмысление науки и технологий внесли деятели Просвещения⁴⁰⁰, а их идеи стали основой для формирования новой модели университетов, имеющих целью ускоренное технологическое развитие: Эколь Политекник во Франции, гумбольдтовский университет в Германии. Одновременно с этим проявляется и скептическое отношение к техническому прогрессу со стороны французских философов, в том числе Ж.-Ж. Руссо, Вольтера. Негативное отношение к техническому прогрессу,

³⁹⁸ Полани М. Республика науки: ее политическая и экономическая теория. Polanyi M. The Republic of Science: its political and economic theory // Minerva. – L., 2000. – Vol. 38, № 1. – P. 1.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Зезюлько А. В. Особенности развития науки и техники эпохи Просвещения: зарождение противоречивых оценок научно-технического прогресса // Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3.

идеализация архаики и средневековья характерна для немецких романтиков. В XVIII веке был создан ряд антиутопий, авторы которых (Р.Оуэн, Дж.Свифт) выступают с критикой социальных отношений, сложившихся, по их мнению, под влиянием технического прогресса. Критическое осмысление взаимосвязи технологических и социальных изменений предложил Карл Маркс, связавший развитие средств производства с процессом «отчуждения» эксплуатируемых классов и все большего их угнетения. Одновременно с этим марксистская традиция видит в дальнейшем развитии средств производства непереносимое условие перехода с более прогрессивным социально-экономическим формациям.

Классовая теория Карла Маркса предлагает особый подход к пониманию коллективного субъекта освоения технологий. Несмотря на то, что философия технологии не находится в фокусе марксистского учения, ряд его суждений оказали весомое влияние на развитие этой области знаний. Ключевым вопросом в понимании Марксом технологий является вопрос о разделении труда. Переход от ремесленного производства к мануфактурному означает одновременный переход от логики концентрации труда свободных ремесленников к логике разделения труда рабочих. Фактически машинное производство понимается Марксом как технологическая основа отчуждения рабочих от результатов их труда. Мануфактура в своем предельном развитии – это «производственный механизм, органами которого являются люди»⁴⁰¹.

Суждения Маркса прямо противоположны теории первого признанного философа техники Эрнста Каппа, который видел в ней новое выражение человеческих органов, управляемое все так же человеческой волей. Марксистское учение видит технику иначе: «машины проникают в мануфактурное производство или рождаются в его недрах в силу их – машины и мануфактуры – глубинного родства, единства принципов построения

⁴⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955-1981. Т. 23. С. 350.

(организации) и существования»⁴⁰², и это единство организационной и технологической формы приводит к тому, что человек становится подчинен машине – «Железный человек выступает против человека из плоти и крови»⁴⁰³. В противовес человекоцентричной органопроекции Эрнста Каппа марксистская теория акцентирует внимание на том, что после промышленной революции уже не машина является проекцией человека, а человек функциональной частью машины. Машины не только заменяют собой рабочих, но и опредмечивают их, отчуждают человеческие кооперационные связи и творческую энергию.

Одна из главных потерь, которую терпит человечество при переходе к машинному производству – это потеря кооперационных сил в пользу опредмечивающего человека разделения труда. «Уже не кооперация лежит здесь в основе живой взаимосвязи всей фабрики, а система машин образует приводимое в движение первичным двигателем и охватывающее всю фабрику единство, которому затем подчинена живая фабрика, поскольку она состоит из рабочих»⁴⁰⁴.

Вместе с тем нельзя назвать марксистское учение техно-пессимистичным. За временным торжеством опирающегося на технологии капитализма он видит возвращение машинам статуса «органов человеческой воли, властвующей над природой»⁴⁰⁵. Коллективным субъектом такого переосвоения технологий и возвращения человечеству власти над ними по мнению Маркса должен стать класс трудящихся, который при торжестве коммунизма вернет себе кооперационные силы. Кооперация станет выходом

⁴⁰² Никитаев В.В. Маркс, инфраструктура социального времени и генезис «железного человека» // Философия и культура. — 2013-07. — Т. 7, вып. 7. — С. 996—1003. — ISSN 1999-2793. — doi:10.7256/1999-2793.2013.7.6839.

⁴⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М., 1955-1981. Т. 47. С. 551.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955-1981. Т. 46. ч. 2. С. 215.

из кризиса капитализма, связанного в том числе с развитием техники (в частности – передачи электричества по проводам на большие расстояния): «Новейшее открытие Депрэ... окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями... Совершенно ясно, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии»⁴⁰⁶. Марксистская теория – это еще один из примеров осмысления коллективного субъекта освоения технологий и постановки их на службу человеку.

Рубеж XIX и XX вв. можно представить как своеобразную гонку философии и технологии: с одной стороны философские идеи развития общества порой становились основой для радикальных технологических изменений, что видно на примере влияния философии космизма на развитие космонавтики. С другой стороны, все чаще развитие технологий опережало философскую рефлексию и становилось для нее материалом, как, например, развитие военных технологий в Первую мировую войну, давшее толчок развитию экзистенциализма. Середина XX века окончательно зафиксировала отставание философии от технологий. Космическая и атомные гонки осмыслялись постфактум; создавались не прогностические, а описательные теории научно-технологических революций.

В последней трети XX века технологии окончательно закрепили за собой статус самостоятельной силы в рефлексии интеллектуалов. Наиболее известным произведением, конституирующим такое их качество, стала книга 1970 года американского футуролога Э. Тоффлера «Шок будущего»⁴⁰⁷, которой «шок будущего» определяется как личное восприятие «слишком больших изменений за слишком короткий период времени»⁴⁰⁸. Согласно Э.Тоффлеру общество сейчас претерпевает огромные структурные изменения,

⁴⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955-1981. Т. 35. С. 374.

⁴⁰⁷ Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. —557 с.

⁴⁰⁸ Там же.

революцию от индустриального общества к «сверхиндустриальному обществу». Это изменение ошеломляет людей. Шок будущего проявляется в том, что под влиянием ускоренных темпов технологических и социальных изменений людей оказываются разъединенными и страдающими от «сокрушительного стресса и дезориентации», что, собственно, и составляет шок будущего. Симптомами шока будущего, как считает Тоффлер, является большинство социальных проблем, в том числе «информационная перегрузка».

В свете сказанного справедливым представляется утверждение, что «на Западе технологический подход актуализировался в рамках концепции постиндустриального, информационного общества»⁴⁰⁹. Если в условиях модерна технологические подходы применялись в основном в материальном производстве, то ситуация постмодерна стала давать поводы для создания гуманитарных технологий, предназначенных для влияния на сознание и поведение людей и общество в целом.

В связи с этим возникают вопросы: «Не превратится ли общество знания в общество рисков? Не станет ли широкая доступность знаний, использование которых может нанести невосполнимый ущерб, своеобразным ящиком Пандоры, полным обещаний, но и таящим, при этом, непредвиденные опасности? Или же, напротив, ускоренное распространение знаний необходимо рассматривать в качестве новых возможностей для саморегулирования в нашем сталкиваемом с рисками обществе, которое способно выработать противоядие для устранения угроз?»⁴¹⁰. Побочным эффектом технологического прогресса стало появление новых проблем, перед которыми общество может оказаться бессильным, не способным

⁴⁰⁹ Данилина Ю.А. Указ. соч. – С. 75.

⁴¹⁰ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж.: Издательство «ЮНЕСКО», 2005. – С. 141.

своевременно «постичь смысл происходящих нововведений и просчитать их нравственные и социальные последствия»⁴¹¹.

Многие из этих проблем начали осознаваться уже в 60-е – 70-е годы XX века. Яркое свидетельство тому – создание в 1968 г. еще в рамках индустриальной цивилизации, основанной на технологическом прогрессе и массовом производстве, «Римского клуба» для изучения проблем глобального развития и выработки стратегий компенсации негативных эффектов техногенной цивилизации, в том числе таких, как загрязнение окружающей среды; истощение природных ресурсов; углубление социального неравенства и др.

В начале 70-х гг. американские неоконсерваторы Д. Белл, И.Кристал, Н.Глейзер, Р. Нисбет и др. стали писать о кризисе культуры и образования в условиях информационного общества⁴¹², вину за который они возложили на «новый», или «враждебный класс»⁴¹³ интеллектуалов. М.Новак указывал, что эти специалисты, в основном представители гуманитарных профессий, потребляют более 35% валового национального продукта⁴¹⁴, ничего не давая обществу взамен, кроме убежденности «в правоте своих ценностей, вкусов и инициатив, безразличных, порой враждебных по отношению к институту семьи»⁴¹⁵. Д.Белл также отмечал, что «новый класс» может оказать разрушительное влияние на общество посредством внедрения системы

⁴¹¹ Там же. – С. 125.

⁴¹² Неоконсервативная мысль в США: Научно-аналитический обзор (д.и.н. А.В.Валюженич. ИНИОН). М., 1995. - С. 11.

⁴¹³ См.: Кристал И. Враждебная культура интеллектуалов // Кристал И. В конце II тысячелетия: Размышления о западной цивилизации (Статьи 1970-х – 1990-х годов). М., 1996. С. 38 – 60.

⁴¹⁴ Novak M. Make room for family democrats // Washington Star. 1976. 29 Aug. P. 4.

⁴¹⁵ Там же.

ценностей, альтернативных традиционным⁴¹⁶. Причины кризиса образования неоконны 1970-х видели в постмодернистской философии⁴¹⁷, и нельзя сказать, что они были в том неправы.

Действительно, в подходах М.Фуко, Р.Рорти, Ж.-ф. Лиотара, других представителей постмодернистской философии вместе с отходом от классических концепций образования наблюдается куда более опасная тенденция перевеса в гуманитарных занятиях над освоением точных наук и технических дисциплин. Видя главную задачу образования в том, чтобы научить молодых людей критически анализировать и отвергать общественные требования и традиционные нормы⁴¹⁸, представители постмодернистских подходов одновременно с этим снижают планку требований к компетенциям, связанным непосредственно с профессией будущего специалиста. Данная тенденция, будучи реализованной в условиях высокотехнологичного информационного общества, опасна разделением общества на, с одной стороны, узкий слой технически образованных специалистов и, с другой стороны, массу пассивных и легко управляемых пользователей новых и постоянно обновляющихся и усложняющихся технологий.

Своеобразной реакцией на указанные тенденции стал так называемый «эмпирический поворот»⁴¹⁹ в философии технологии последнего десятилетия XX в. Предметом критики стали, с одной стороны, классическая философия технологий (Хайдеггер, Франкфуртская школа, «новые левые»), которая описывала технологию в односторонне пессимистичном ключе, и мало

⁴¹⁶ Bell D. The coming of the post-industrial society: A venture in social forecasting. N.Y., 1973; Bell D. Creating a genuine national society // Current. N.Y., 1976. No9. P. 79.

⁴¹⁷ Кумбс Ф.Т. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М., 1970.

⁴¹⁸ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов. -С. 31.

⁴¹⁹ Kroes P., Meijers A. The empirical turn in the philosophy of technology. – 2001; Brey P. Philosophy of technology after the empirical turn //Techné: Research in philosophy and technology. – 2010. – Т. 14. – №. 1. – С. 36-48.

внимания уделяла возможным позитивным социальным и гуманитарным явлениям, возникающим благодаря технологическому развитию. С другой стороны, технологии, с некоторыми оговорками, в трудах философов предыдущего периода описывались как во многом автономное от человека явление, а их развитие – как неконтролируемый процесс.

Классические философские подходы к осмыслению техники критиковались за их слишком общий и абстрактный характер, в силу чего создавался предельно обобщенный и недетализированный образ технологии, существенным различиям между технологиями практически не уделялось внимания, технологические практики, артефакты или процессы не рассматривались в полноте своей конкретности. Без детального понимания того, как технологии разрабатываются, как они используются и какие оказывают воздействия на интересы людей и общество в целом, философская рефлексия технологии превращается в бессодержательную схоластику.

К сегодняшнему дню в исследования науки и технологий (science and technology studies, STS) представляют собой отдельное исследовательское направление, которое отличается вниманием как основным философским, так и к социологическим аспектам науки и техники. Исследуются дискурс и риторика науки, социология науки и социальный конструктивизм, общественное понимание науки, проводятся конкретные эмпирические исследования⁴²⁰. Отдельное внимание в STS уделяется осмыслению социальных последствий развития конкретных технологий: исследуются, например, эстакады в Нью-Йорке, не предназначенные для проезда автобусов и неявным образом препятствующие чернокожим гражданам посещать престижные районы⁴²¹, возникновение нового типа общественных практик в

⁴²⁰ Sismondo S. An introduction to science and technology studies. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – Т. 1. – С. 1-11.

⁴²¹ Winner, L. (1980). Do Artifacts have politics? *Daedalus* 109: 121-136.

сфере здоровьесбережения благодаря развитию технологий селф-трекинга⁴²² и др.

Исследователи в области STS фиксируют тот факт, что технологические артефакты не нейтральны для общества, но способны существенно влиять или трансформировать социальный контекст, в котором они используются. Технологические артефакты могут влиять на поведение, отношения, культурные убеждения и способы социальной организации способами, которые часто не связаны напрямую с их предполагаемыми функциями. То, что они могут это делать, наблюдалось в самых разных областях: от философии до технологических исследований, от психологии до эргономики. Исследователи предлагают различные классификации воздействий технологий на общество, например «побуждающие» и «препятствующие» технологические артефакты в классификации Ричарда Склова⁴²³.

Другой пример классификации влияния технологий – технологические ограничения и возможности пяти типов в теории Филипа Брея⁴²⁴ «поведенческие» (педаль газа, сопротивление которой увеличивается на высоких скоростях, снижает желание двигаться слишком быстро), «связанные с профилем пользователя» (банкомат недоступен для неграмотных), «инфраструктурные» (наличие смартфона открывает доступ к куаркоду в Госуслугах и дает возможность перемещаться по улицам в пандемию), «социальные» (*in vitro* методы оплодотворения требуют пересмотра социального статуса материнства в отношении генетической и биологической матери), «институциональные» (компьютерные сети в организации поощряют

⁴²² Брызгалина Е. В. Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа //Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – №. 3. – С. 55-82.

⁴²³ Sclove R. *Democracy and technology*. – Guilford Press, 1995.

⁴²⁴ Brey P. *The social agency of technological artifacts: A Typology* //User Behavior and Technology Development: Shaping Sustainable Relations Between Consumers and Technol. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2006. – С. 71-80.

более «плоскую» структуру⁴²⁵; атомные станции требуют иерархической структуру обслуживающей организации, а энергетика на основе возобновляемых источников поощряет «бирюзовые» форматы).

Как было показано в главе 1 настоящего исследования (в разделе, посвященном онтологическому статусу сообществ технологических энтузиастов) роль таких сообществ в технологических и социокультурных изменениях пока не отрефлексирована в философской литературе в достаточной степени.

Вместе с тем уже Бруно Латур в своей статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир», предвидел, что освоение технологий однажды перестанет быть достоянием узкой прослойки ученых и инженеров, а сама лаборатория «выплеснется» в большой мир: «ученые будут делать всё от них зависящее, чтобы распространить повсюду некоторые из условий, способствующих воспроизведению благоприятных лабораторных практик. Поскольку научные факты производятся внутри лабораторий, то для обеспечения их свободного распространения необходимо создать дорогостоящие сети, внутри которых будет поддерживаться их хрупкая эффективность. Если это значит превратить общество в большую лабораторию, то так оно и будет. Распространение лабораторий в те области, которые за несколько десятилетий до этого не имели ничего общего с наукой, является хорошим примером»⁴²⁶.

Развивая мысль Латура, можно сказать, что не только ученые стремятся сделать мир «большой лабораторией», но и сами технологии приобретают такой уровень сложности и такой потенциал влияния на общественную жизнь, что начинают выдвигать повышенные требования к способности общества их «присвоить». И это не удивительно, если представить себе совокупную интеллектуальную мощь корпорации, производящей современный

⁴²⁵ Winner L. Do artifacts have politics? //Computer ethics. – Routledge, 2017. – С. 177-192.

⁴²⁶ Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. — 2002. — № 5—6 (35) — С. 211—242.

смартфон, от самого устройства до протоколов обмена данных, эргономики пользовательского программного обеспечения; прибавить к этому усилия компаний, производящих развлекательные и рекламные приложения, опирающиеся на современные достижения психологии и нейробиологии, эксплуатирующие принцип «дофаминовой петли» для удержания пользователя; учесть труд игровых корпораций, вкладывающих миллиарды в решения задачи увеличения «погруженности» (immersion) и «рейтинга возвращения» (retention rate) пользователя; то для нас станет очевидным, что человек, оставленный один на один с технологиями такой мощности потерпит неизбежное поражение в битве за сохранение своей субъектности и окажется в технологическом рабстве. Мощностью, достаточной для освоения современных технологий, может обладать только квалифицированное сообщество людей, латуновская «большая лаборатория», выплеснувшаяся в мир и имеющая целью сделать новые технологии органичной частью общественной жизни.

Уже начало XX века вместе с примерами господства технологий дает нам примеры постановки этих технологий на службу человеку, их присвоения. Эти разнообразные примеры объединены общим свойством: синхронно с зарождением и распространением новой технологии зарождалось и развивалось сообщество людей, углубленно владеющих ее основными принципами, развивающих ее пользовательское применение, формирующих культуру и правила использования этой технологии. В первой половине двадцатого века к таким сообществам можно отнести сообщества радио- и автолюбителей, до некоторой степени – воздухоплавателей, в определенном смысле – любителей реактивного движения и космонавтики.

Пример сообщества радиолюбителей в СССР показывает, как массовое включение общества в освоение технологии, может привести к формированию культуры использования этой технологии, минимизирующей социальный ущерб. Показательно, что история развития радио или автотранспорта не

содержит в себе примеров, которые можно было бы описать в терминах «шока будущего» Тоффлера или «культурного лага» Огборна.

Стоит отметить и тот факт, что современные правила дорожного движения во многом были выработаны при активном участии сообщества автолюбителей, а принципы скоростных ограничений основаны на их опыте вождения⁴²⁷.

В ранние советские годы серия декретов нового руководства страны подтолкнула население к созданию сети кружков радиолюбителей, открыла возможность для создания домашних радиоприемников⁴²⁸. Велась активная просветительская деятельность на горизонтальном уровне: повсеместной была практика проведения популяризаторских лекций самими радиолюбителями⁴²⁹. Лектор в таких случаях брал на себя обязательство приложить все силы к включению присутствующих в ячейку радиолюбителей⁴³⁰. Сообщество вырабатывало внутренние правила использования новой технологии, которые впоследствии стали общим достоянием. Так, выражение «эс ка» («свободный канал») сегодня повсеместно используется в радиопередачах гражданского применения: туристами, горнолыжниками и др.

В современном мире примерами таких сообществ, делающих технологии достоянием общества, является сообщество открытого исходного кода, одна

⁴²⁷ Лукьянова Е. Историческое развитие субкультуры автомобилистов // Аналитика культурологии. 2014. №28.

⁴²⁸ Хисамутдинова Наталья Владимировна От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Территория новых возможностей. 2016. №1 (32).

⁴²⁹ Петрова Валентина Дмитриевна Деятельность общества «Друзей радио» в Якутии в 1920-1930-х годах XX в // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №4 (30).

⁴³⁰ Приходько Н.Н., Савченко И.С., Лебедев Г.А. Историко-образовательные взаимосвязи России и Китая в сфере подготовки радиолюбителей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. 2019. №85.

из целей которого состоит в раскрытии конечному пользователю принципов и логики работы программного обеспечения; сообщество хакеров в его общественно-приемлемой части, развивающее кибербезопасные технологии; сообщество мейкеров, формирующее социальные практики использования технологий мелкосерийного производства и ряд других. Находящиеся в фокусе внимания настоящего исследования университетские сообщества технологических энтузиастов, тематически пересекаясь с описанными сообществами, также могут быть рассмотрены как коллективный субъект освоения новых технологий.

Сообщества технологических энтузиастов в современном мире больше не являются просто «...любителями» (радиолюбителями, автолюбителями и др.). Все чаще такие сообщества, объединенные интересом к конкретным технологическим решениям, формируют публичные тексты, описывающие их «грады» в духе Л. Болтански и Л. Тевено: «град технологической сингулярности»⁴³¹, «град киборгов»⁴³², «град открытого кода», «град криптографии и блокчейна», «град гражданской науки»⁴³³.

Существует и другое мнение о процессе освоения обществом новых технологий. В начале 2000-х годов Марк Пренски писатель, популяризатор технологий и новых методов образования ввел в обиход понятие «цифровые аборигены» (digital natives), описывающее поколение людей, родившихся в XXI веке. Такие люди не видели мира без интернета и с рождения погружены в цифровую среду. «В результате наличия такой плотной цифровой «окружающей среды» и постоянного взаимодействия с ней, мышление

⁴³¹ Kurzweil R. The singularity is near //Ethics and emerging technologies. – London: Palgrave Macmillan UK, 2005. – С. 393-406.

⁴³² Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х [Текст] / Донна Харауэй. - Москва : Ад Маргинем Пресс, сор. 2017. - 127 с.

⁴³³ Kasperowski D., Kullenberg C. The many modes of citizen science //Science & Technology Studies. – 2019. – Т. 32. – №. 2. – С. 2-7.

сегодняшних студентов и процедуры обработки информации принципиально отличаются от способов мышления и информационных процессов их предшественников»⁴³⁴.

По мысли Пренски и его последователей, «цифровые аборигены» обладают общими для этого поколения свойствами: привычкой к быстрому получению информации и многозадачности; использованием новых способов получения данных и постоянным нахождением в состоянии «сканирования», поиска информации; предпочтением визуального ряда тексту; особым отношением к фатической коммуникации, обмену сигналами не для обмена информацией, а для поддержания связи, «пингованием»; «просьюмингом» как стратегией потребления – предпочтением товаров, в создании которых можно принять участие; выборочным вниманием, желанием уловить только самую суть сообщения; отсутствием ментальных ограничений и др.

Вместе с тем ряд современных исследований показывают, что с психологической и социологической точки зрения Пренски в определенной степени выдал желаемое за действительное⁴³⁵. Ряд авторов утверждают, что «не существует такого понятия, как «цифровой абориген», обладающий навыками работы с информацией просто потому, что он никогда не знал мира, который не был бы цифровым»⁴³⁶. Впрочем, даже если предположить существование поколения, по факту рождения адаптированного к цифровым технологиям, сложно представить себе, что в обозримом будущем появится поколение в той же степени адаптированное к технологиям новой энергетики, беспилотного транспорта, новым технологиям мелкосерийного производства.

⁴³⁴ Prensky, M. (2001), "Digital Natives, Digital Immigrants Part 2: Do They Really Think Differently?", *On the Horizon*, Vol. 9 No. 6, pp. 1-6

⁴³⁵ Bennett S., Maton K., Kervin L. The 'digital natives' debate: A critical review of the evidence // *British journal of educational technology*. – 2008. – Т. 39. – №. 5. – С. 775-786.

⁴³⁶ Kirschner P. A., De Bruyckere P. The myths of the digital native and the multitasker // *Teaching and Teacher education*. – 2017. – Т. 67. – С. 135-142.

Доступность цифровых технологий и сравнительная безопасность экспериментов с ними создала уникальную ситуацию, которую не представляется возможным повторить в технологических областях с более высоким порогом вхождения. Для постановки на службу обществу новых технологий нам все же нужны сообщества технологических энтузиастов.

Возвращаясь к образу сообщества энтузиастов как субъекта социокультурных и технологических изменений уместно привести цитату из лекции Нила Гершенфельда на конференции, посвященной движению FabLab: «Эта конференция на самом деле посвящена цифровой революции, но я бы сказал, что она [революция] уже закончилась - мы выиграли. Я бы хотел поговорить о том, что произойдет после цифровой революции. Итак, давайте заглянем в будущее. Вот некоторые проекты, в которых я участвую в Массачусетском технологическом институте, посвященные тому, что будет после компьютерной эры. ... Этот студент сделал веб-браузер для попугаев - он позволяет попугаям серфить в интернете и говорить с другими попугаями. Этот студент сделал будильник, с которым нужно бороться, чтобы доказать, что вы проснулись. А это платье, которое защищает ваше личное пространство. ... Затем наши лаборатории начали решать серьезные проблемы - оборудование для сельского хозяйства в Индии, паровые турбины для преобразования энергии в Гане. ... Я хотел бы, чтобы вы подумали над двумя вещами. Мы видели радикальные изменения в технологиях и обществе, которые шли сверху вниз. Но что если миллиарды человек, которые раньше только пользовались технологиями по не ими придуманным правилам – станут их разработчиками? Что если мы сможем использовать всю изобретательскую мощь мира, чтобы на местах проектировать и решать локальные проблемы?»⁴³⁷. Не так ли мы представляем себе технологии на службе общества?

⁴³⁷ <https://ideanomics.ru/lectures/14310>

Другой пример публичной декларации ценностей сообщества техно-энтузиастов – «Собор и базар», эссе Эрика Реймонда, программиста и хакера, сооснователя одной из крупнейших инициатив открытого исходного кода Open Source Initiative: «Linux - это первый проект, который пытался собрать таланты по всему миру. Я думаю, что период зарождения Linux неслучайно совпал с появлением World Wide Web. Линус был первым, кто понял, как играть по новым правилам, которые стали возможными благодаря Интернет. Дешевый Интернет является необходимым условием для развития модели Linux, но, как мне кажется, недостаточным. Другие жизненные факторы - это стиль руководства и традиции, побуждающие разработчиков искать сотрудников для достижения максимального эффекта. Что же это за стиль руководства и каковы эти традиции? Они не могут быть основаны на принуждении, потому что тогда бы мы не получили таких результатов. (...) Вероятно, в конце концов свободное программное обеспечение победит, не только потому что кооперация правильна с точки зрения морали, но просто потому, что коммерческий мир не сможет состязаться с сообществами free-software, которые могут бросить гораздо большие силы на решение одной проблемы»⁴³⁸.

Современный мир, в котором технологии, как показал приведенный в параграфе обзор ключевых исследований в этой сфере, играют определяющую роль в социокультурном развитии – это мир постоянной борьбы за субъектность между человеком и машиной. Сложность технологических решений, с которыми имеет дело каждый отдельный человек, не оставляет ему шансов выйти из этой борьбы победителем. Однако сообщество людей, объединенных интересом к технологиям, стремлением сделать общественную жизнь лучше и готовых вкладывать свое время в изучение, использование и в

⁴³⁸ <http://www.lib.ru/LINUXGUIDE/bazar.txt>

более широком смысле «присвоение» технологий человечеством – имеет все шансы добиться успеха.

§2. Участие университетских сообществ технологических энтузиастов в реализации социально-преобразующей миссии университета

В первой главе настоящего исследования предложено описание университета как платформы, на которой возникают и действуют сообщества технологических энтузиастов. Такие сообщества, как показано в предыдущем параграфе, могут играть важную роль в присвоении человечеством новых технологий и в гармонизации темпов социокультурных и технологических изменений. В настоящем параграфе рассматривается вопрос о том, в какой степени поддержка и развитие таких сообществ является органичной частью миссии современного университета.

Университет часто становится объектом философского осмысления как один из традиционных и вместе с тем влиятельных социальных институтов. В XX веке, когда разнообразные исторические модели университета раскрылись в своей полноте, ему посвятили свои труды М.Вебер, исследовавший академическое призвание членов университетской корпорации людей⁴³⁹; К.Ясперс, описавший идею университета через образы служения, приобщения к наследию и приумножения интеллектуального багажа цивилизации⁴⁴⁰; Х.Ортега-и-Гассет, приписывавший университету миссию воспитывать «культурную личность» и фиксировавший кризис современной системы высшего образования⁴⁴¹; П.Бурдьё, с критических позиций исследовавший

⁴³⁹ Вебер М. Избранные произведения /Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденоко. - М.: Прогресс, 1990.- С. 713.

⁴⁴⁰ Ясперс К. Идея университета. пер. с нем. Т. В. Тягуновой; ред. перевода О.Н. Шпарага; под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2006. – С. 65.

⁴⁴¹ Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета. пер. с исп. М. Н. Голубевой; ред. перевода А. М. Корбут; под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2005. – С. 45.

роль университета в воспроизводстве иерархической структуры общества⁴⁴² и многие другие.

Распространенные определения университета содержат два его ключевых признака: а) быть высшей (и, как правило, необязательной) ступенью образования и б) производить знание. Словарь Ожегова, например, определяет университет как «Высшее учебное заведение и одновременно научное учреждение с различными естественно-математическими и гуманитарными отделениями (факультетами)»⁴⁴³.

Сущность университета как социального института в контексте современности является предметом многочисленных исследований. Исследуется положение университета в условиях глобализации и его статус как института воспроизводства культуры национального государства⁴⁴⁴; ставится вопрос о роли университета в сохранении существующего глобального status quo с либеральных позиций; предлагается рассматривать университет как вневременной институт, не изменяющий принципы своего функционирования со сменой исторических эпох⁴⁴⁵. Российские исследователи уделяют особое внимание сохранению исторической миссии и ценностям университета: традиций академической свободы⁴⁴⁶, идеалам

⁴⁴² Бурдые П. Homo academicus. М.: Издательство Института Гайдара. 2018. - С. 113.

⁴⁴³ Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012.

⁴⁴⁴ Ридингс Б. Университет в руинах. пер. А.М. Корбут. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2021. – С. 26.

⁴⁴⁵ Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства. пер. С англ. С. Филоновича // Вопросы образования. №2. 2005. – С. 9.

⁴⁴⁶ Никольский В. С. «Академическая свобода» как язык самоописания университета // Высшее образование в России. 2013. №2. - С. 73.

научного поиска⁴⁴⁷, гуманистическим ценностям и этису науки, критике утилитарного подхода к знаниям⁴⁴⁸.

Красной нитью через современные философские исследования университета проходит вопрос о том, как классические модели университета трансформируются в новой общественной ситуации, какие свои свойства университет сохраняет, а какие утрачивает, и какая модель наиболее адекватна нынешнему этапу развития цивилизации. В последние десятилетия особую популярность приобретает жанр работ, посвященных защите университета от разных форм внешней агрессии: начиная от засилья менеджеров и систем КПЭ – и заканчивая атакой со стороны неолиберализма. Названия работ этого жанра говорят сами за себя: «Университет в руинах»⁴⁴⁹, «Академический манифест: от оккупированного к государственному университету»⁴⁵⁰, «Университет под атакой?»⁴⁵¹, «Университет под огнем»⁴⁵². Один из исследователей этого направления Томас Дохерти пишет прямо: «Идет война за будущее университета»⁴⁵³.

При этом чаще других встречается в научной литературе в связи с концептом университета метафора «башня слоновой кости». Количество статей с этими словами в заголовке в международных рецензируемых

⁴⁴⁷ Руткевич А. М. Три идеи университета // Вопросы философии. 2022. Т. № 7. - С. 67.

⁴⁴⁸ Митлянская М.Д. Университет как бытийно-исторический объект: опыт М. Хайдеггера // Высшее образование в России. Т. 32. № 7. 2023. - С. 157.

⁴⁴⁹ Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. А.М. Корбут. - М.: Издательский Дом ВШЭ, 2021. - С. 12.

⁴⁵⁰ Halfmann W., H. Radder. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University // Minerva. 2015. # 53 (2). - P. 165.

⁴⁵¹ Bacevic J. University under Attack? Politics, Contestation and Agency beyond the 'Neoliberal University' // The Idea of the University Contemporary Perspectives Volume 2. Edited by Ronald Barnett and Michael A. Peters. 2018. – P.21.

⁴⁵² Jones S. Universities under fire: hostile discourses and integrity deficits in higher education. - Cham: Palgrave Macmillan. 2022. – P. 1.

⁴⁵³ Docherty T. Universities at War. London: SAGE. 2015. – P. 5.

журналах превышает 250 000⁴⁵⁴. Самая цитируемая из этих статей, имеющая более 4000 упоминаний, принадлежит Г. Ицковицу и соавторам и называется «Будущее университета и университет будущего: эволюция от «башни слоновой кости» к предпринимательскому университету»⁴⁵⁵. Авторы утверждают, что в наши дни в разных странах и под разными названиями мы наблюдаем возникновение нового, невиданного ранее типа университетов, основанных на предпринимательской парадигме, то есть непосредственно участвующих в создании желаемого будущего посредством «тройной спирали» – взаимодействия с государством и бизнесом. Но возникает вопрос: верно ли утверждать, что проактивное отношение к общественному развитию является для университетов чем-то принципиально новым?

Стив Фуллер, рассуждая в статье 2005 года об университете в эпоху предпринимательства⁴⁵⁶, предостерегает от предъявления к университету фрагментарных и ситуативных требований включиться в предпринимательскую, социо-преобразующую активность. Он утверждает, что университет – по-своему – уже принимает и во все времена принимал участие в общественном развитии, производя знание как общественное благо. Он «создает» социальный капитал путем исследования, концентрируя знания в руках немногих; а затем «разрушает» этот капитал, распространяя знания посредством обучения. Возвращаясь в пласт метафор, можно сказать, что университет в представлениях Фуллера сочетает в себе свойства запертой от мира «башни из слоновой кости», где создаются доступные лишь интеллектуальной элите знания; и «городской площади», где эти знания делаются доступными всему обществу и направляют его развитие.

⁴⁵⁴ По состоянию на август 2023 года.

⁴⁵⁵ Etzkowitz H. et al. The future of the university and the university of the future: evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm //Research policy. Т. 29. №. 2. 2000. - P. 313.

⁴⁵⁶ Фуллер С. Указ. соч.. - С. 3

В связи с этим возникают вопросы: действительно ли и, если да, то в какой степени метафора «башни слоновой кости» отражает сущность университета? Справедливо ли ставить общественное развитие на последнее место в целеполагании университета, обозначая его как «третью миссию»? Должен ли университет следовать за социальными изменениями, становясь периодически их жертвой, нуждающейся в защите, или, напротив, он способен активно направлять общественное развитие?

Для ответа на эти вопросы был осуществлен анализ классических текстов, конституирующих наиболее известные модели университета от средневековья до современности. Уже беглый обзор этих текстов показал, что на протяжении всей истории университетов, вопрос о миссии, или идее университета, входит во все значимые тексты об этом социальном институте. Более того, кроме постановки вопроса эти тексты в абсолютном большинстве содержат конкретизирующие ответы, описывающие, какими средствами и в каком направлении этот конкретный университет имеет интенцию оказывать влияние на развитие общества.

Если Генри Ицковиц в 2000 году описывает Массачусетский технологический институт как образец модели «предпринимательского университета», то Папа Климент V в Постановлении церковного собора в Виенне в 1312 году предлагает модель «апостольского университета»: «Подражая примеру Того, ... кто желал, чтобы апостолы отправились по всему миру, проповедуя евангелие и обучая ему на разных языках, мы желаем, чтобы Святая Церковь изобиловала бы католиками, знающими различные наречия, которыми пользуются язычники...». Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский на I Всероссийском съезде по просвещению в 1918 году заявляет, что модель советского университета имеет миссию производить «новых людей»: «Мы хотим раскрепостить педагога и вернуть его к той роли, к которой он призван, именно производить людей, и при этом не

индивидуалистов, а людей, которые были бы элементом человеческой справедливости»⁴⁵⁷.

Все наиболее известные модели университетов в момент своего создания представляли собой не самописание университетских сообществ, а проекты нового университета. Вильгельм фон Гумбольдт был реформатором образовательной модели Германии, Генри Ньюмен написал свои лекции, объединенные позже под заголовком «Идея университета», в то же самое время, когда трудился над созданием Католического университета в Ирландии. Петр Капица создавал модель Физтеха как института развития промышленности в СССР.

Иными словами, эти модели, оперируя концептом университета, с неизбежностью включали описание еще не случившегося, но желаемого будущего и самого университета, и общества, влияние на развитие которого он должен оказывать.

Развитие при этом понимается в духе классической концепции общественного прогресса⁴⁵⁸, причем в зависимости от амбициозности конкретной модели университета речь может идти о «прогрессе в обществе», «прогрессе общества» или «прогрессе человечества».

В корпус анализируемых текстов были включены программные и нормативные документы, инициирующие создание университетов в новых моделях или сопровождающие их на ранних этапах реализации (тексты Ньюмена, Гумбольдта, хрисовулы византийских императоров, папские буллы, декреты европейских королей). Для рассмотрения выбраны модели, связанные с различными цивилизационными проектами: модель средневекового университета как наиболее традиционный объект философского осмысления;

⁴⁵⁷ Луначарский А.В. О воспитании и образовании: Избр. статьи / Под ред. А. М. Арсеньева и др. – М.: Педагогика, 1976. – С. 19.

⁴⁵⁸ Момджян К.Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. С. 7. Философия. 2018. №5. – С. 53.

византийский университет как пример неевропейского университета домодерного периода; три модели университетов, возникшие на этапе перехода к эпохе модерна (немецкая, французская и британская); советская модель Петра Капицы как пример университета конца модерна. Рассматриваются такие университетские модели, которые были фактически реализованы. Влиятельные, но рефлексивные, а не программные документы (Ясперс, Бурдые и др.), а также современные тексты, описывающие классические модели университетов, рассматриваются как вспомогательные.

Византийская модель университета сравнительно редко становится темой исследований, значительно уступая в упоминаемости схоластической или гумбольдтовской модели. Некоторые исследователи⁴⁵⁹ даже утверждают, что высшие образовательные учреждения Восточной Римской империи не имеют права на название «университет» в силу отсутствия традиций самоуправления «университетского братства» (*universitas*) и сильной зависимости от императора. Впрочем, другие авторы⁴⁶⁰ обращают внимание на тот факт, что средневековые европейские университеты также получали свою «автономию» от императора или Папы, что ставит под сомнение принципиальное различие восточной и западной модели университета. Современные греческие исследователи выдвигают более сильный тезис, описывая средневековый европейский университет как часть «католического проекта», утверждая, что, пользуясь видимостью административной свободы, с эпистемологической точки зрения эти университеты выполняли функции

⁴⁵⁹ См., например: Душин О.Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник СПбГУ. №2. Философия и конфликтология. 2013. - С. 26.

⁴⁶⁰ Никольский В. С. «Академическая свобода» как язык самоописания университета // Высшее образование в России. №2. 2013. – С. 76.

распространения католической системы мировоззрения, методологии исследований и, соответственно, папской власти⁴⁶¹.

Византийский университет пережил три эпизода создания и воссоздания: впервые университет был создан императором Констанцием II под названием «Мега Дидаскалион» и получил окончательное закрепление своего статуса в законоположении от 27 февраля 425 года императора Феодосия; закрыт и возможно сожжен в 727 году при императоре Льве III во время иконоборческой ереси; воссоздан при кесаре Варде во второй половине IX века, когда получил наиболее серьезное свое развитие; снова прекратил существование во время захвата Константинополя крестоносцами в XIII веке и был воссоздан после освобождения города в 1261 году. С Константинопольским университетом связаны такие имена, как Лев Математик, бывший его руководителем, Михаил Пселл, декан юридической школы, Патриарх Фотий, преподававший в этом университете, а также братья Кирилл и Мефодий, создатели славянской письменности.

Анализ документов позволяет рассматривать византийскую университетскую традицию как часть мета-проекта Восточной Римской империи, разворачивавшегося более тысячи лет, и сыгравшего в истории мировой цивилизации одну из ключевых ролей. Одной из важных составляющих этого мета-проекта была концепция «симфонии» властей⁴⁶², для реализации которой необходим баланс светской, возглавляемой Императором, и духовной, возглавляемой Патриархом, управленческой элиты. Исследователи указывают⁴⁶³ на особую роль в этом мета-проекте

⁴⁶¹ Koustourakis G.S. Byzantine and medieval university: a sociological approach to covering the gap in Bernsteinian analysis // *Research in Sociology of Education*. No. 1. 2020. – P. 53.

⁴⁶² Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // *Вестник ННГУ*. №3-2. 2013. – С. 147.

⁴⁶³ Каждан А. П., Литаврин Г.Г. *Очерки истории Византии и южных славян*. - СПб.: Алетейя. 1998. - С. 101.

Магнаврской школы и наследующих ей институций: они были субъектами развития светского интеллектуального сообщества, опирающегося на античные научно-образовательные практики (не в противоречие, но в дополнение к церковным), формирующими управленческий класс, адекватный меняющимся целям империи.

Пример суждений, в которых обнаруживается целеполагание светского интеллектуального проекта Византии, мы видим в письме Михаила Пселла (1018 – 1078 гг. н.э.), главы философской школы Константинопольского университета, к его другу юности Иоанну Ксифилину, ранее – главе юридической школы того же университета, а в момент написания письма – Патриарху Константинопольскому: «Нет, не отдам Платона, святейший и мудрейший [отче]! Он мой, о земля и солнце, – воскликну и я, словно трагик на словесной сцене. Ты поносишь мои долгие чтения диалогов, мое любованье его слогом и преклонение пред доказательствами. Но почему же не бранишь ты великих отцов? Ведь и они метали силлогизмы, чтобы низложить ереси евномиев и аполлинариев. Если же думаешь, что я внемлю его догмам или полагаюсь на его законы, то ты неправо судишь о нас, брат. <...> Если ты послушаешься меня хоть в чем-то, я тебе о тебе самом скажу вот что: не помышляй горделиво о том, чтобы сдвинуть гору, и не кичись тем, что не находишь услады в рассуждениях. Но найди равнину и лощину глубокую или разверзшееся ущелье или неописуемую, потайную пропасть в земле, спустись туда, спрячься на дне, склонись над нашими и над языческими книгами, поупражняйся сначала в силлогизмах и таким путем восходи к знаниям несиллогистическим»⁴⁶⁴.

Для интеллектуалов, создававших и осмысливавших византийский университет на разных этапах его жизни, идея общественного развития была

⁴⁶⁴ Цит. по: Фрейберг Л.А. Памятники византийской литературы IX-XIV вв. Отв. ред.: Фрейберг Л.А. - М.: 1969. - С. 155.

неразрывно связана с моделью университета. Обобщая, можно описать этот проект развития как создание светского интеллектуального и управленческого класса Восточной Римской империи, способного действовать автономно, но в согласии с церковной интеллектуальной и политической традицией.

Сказанное позволяет сделать вывод, что Константинопольский университет воплощает проект создания христианского просвещенного управленческого класса восточно-христианской империи.

Ранние европейские университеты XI-XII веков возникали на основе церковных школ Франции (Лан, Шартр) и Италии (Больнья, Павия, Равенна). Некоторые университеты создавались решением церкви (Тулуза), иные – постановлениями королей (Саламанка, Неаполь). Порой они возникали спонтанно (Монпелье, Париж) и получали легитимацию от светских или церковных властей впоследствии. Сравнительно много университетов было создано в XIV веке как результат Авиньонской схизмы - сторонники пап и антипап часто создавали свои учебные заведения. Университеты утратили общеевропейский статус и автономию от городских властей к XV столетию. При этом ни одно самостоятельное европейское государство не могло обойтись без университета; в частности, в Бургундском герцогстве их было основано два. К концу XV века по всей Европе, включая Скандинавию, существовало 86 университетов.

Университеты, создававшиеся буллами Папы Римского, получали вполне однозначные указания на их миссию – содействовать укреплению католической веры: «...обещаем при подходящих обстоятельствах оказывать помощь тем верным, кто проявляет интерес к ученым занятиям, посредством которых распространяется почитание имени божьего и укрепляется католическая вера, а также обеспечивается справедливость и успех в общественных и частных делах и процветание всего человеческого рода»

(Письмо Климента VI об основании Пражского университета, 1347 г. н.э.)⁴⁶⁵. Папские письма об основании новых университетов носят схожий характер и фиксируют права и вольности университета, одновременно ставя перед ним задачу реализации католического проекта. Интересный пример из этой области – письмо Папы Иннокентия в парижский университет, в котором он приглашает их основать университет в Константинополе, годом ранее завоеванном Балдуином I Фландрским: «Набожность, возросшая в его душе, пустила ветви добрых деяний, он смиренно просил нас найти нужный путь, чтобы убедить вас и пригласить посланиями апостольского престола, дабы вы отправились в Грецию и работали над реформой изучения священного писания там, откуда, как известно, оно впервые начало распространяться»⁴⁶⁶. Университет по европейскому образцу так и не был создан, а после освобождения города в нем был восстановлена Магнавская школа.

Пример более сфокусированного целеполагания университета относительно проекта общественного развития мы видим в следующем фрагменте: «... мы желаем, чтобы святая церковь изобиловала бы католиками, знающими различные наречия, которыми пользуются язычники, с тем, чтобы верные католики могли отправиться в эти страны разъяснить им священные установления и, добившись постижения ими сущности христианской религии и принятия таинства крещения, приобщить их к Обществу почитателей Христа. Поэтому, так как знание этих языков может быть достигнуто путем действенного обучения, мы с одобрения этого святого собора позаботились об изучении упоминаемых ниже языков в месте нахождения Римской курии, а

⁴⁶⁵ Халоупецкий. В. Карлов университет в Праге: его основание, характер и развитие в XIV в. (1348–1409). Прага: 1948. - С. 126.

⁴⁶⁶ Письмо Иннокентия III магистрам и студентам парижских школ, 1205г. н.э. // Липатникова Г.И. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. / Под ред. и с предисл. А. Е. Москаленко; Вступ. статья, пер. и примеч. Г. И. Липатниковой - Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1973. - С.36.

также в университетах Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки. Мы приказываем, чтобы в каждом из этих мест католики, имеющие достаточные знания в еврейском, греческом, арабском и арамейском языке старались преподавать их с должным прилежанием, переводя книги с этих языков на латинский язык...»⁴⁶⁷ Здесь фиксируется роль филологических изысканий и языкознания как инструмента для реализации «апостольской» миссии – распространения христианства среди народов, говорящих на разных языках.

Королевское послание к основанию Болонского университета также дает пример фиксации роли университета в общественном развитии «Так как мы полагаем, что добрые деяния заслуживают нашего одобрения и покровительства, мы с особой любовью будем защищать всех тех, чьей ученостью украшается мир, чьими усилиями жизнь наших подданных направляется к почитанию бога и нас, его слуг»⁴⁶⁸. Похожие тезисы входят в послание к основанию Краковского университета, изданное более чем 200 лет спустя: «...мы, Казимир, милостью божьей король Польши... пламенно желая, как и повелевает наш долг, чтобы получало распространение все то, что служит пользе и общему процветанию людей, постоянно изыскивая средства к добру и не сомневаясь, что это принесет пользу клирикам и подданным нашего королевства, порешили, чтобы в нашем городе Кракове было названо, избрано, установлено и определено место, где будет процветать *studium generale* в составе одобренных факультетов. И настоящим мы выражаем желание, чтобы так было с этого времени на вечные времена. И пусть в этом месте будет находиться жемчужина могущественной учености, чтобы учить людей зрелости в их суждениях, облекать их в роскошные одежды

⁴⁶⁷ Постановление Церковного собора в Виенне, Климент V, 1312 г. н.э. //Липатникова Г.И. Указ. соч. – С. 41.

⁴⁶⁸ Грамота Фридриха Барбароссы ученикам и учителям болонских школ, 1158 г. н.э. // Липатникова Г.И. Указ. соч. – С. 34.

добродетели и направлять к процветанию в различных областях знания...»⁴⁶⁹. Здесь король Казимир ясно обозначает роль университета как лидера социально-экономического развития, который через развитие интеллектуального класса королевства должен способствовать улучшению в нем нравов и экономическому процветанию.

Таким образом, и средневековые университеты являют собой попытки практической реализации европейских цивилизационных проектов. При этом приведенных выдержки из документов показывают что и в этот период концепт университета не описывается метафорой «башни из слоновой кости». Напротив, он трактовался современниками как новый и сильный инструмент реализации проектов общественного развития: и католического мета-проекта, основным субъектом которого был Рим, и зарождающихся проектов развития национальных государств, которые реализовывали Фрибрих Барбаросса, Казимир Великий и другие короли – основатели университетов.

Модель университета кардинала Ньюмена оказала существенное влияние как на британскую систему высшего образования, так и на образовательные системы Австралии и Индии, где университеты создавались по британскому образцу. В США исследователи фиксируют переход от ньюменовской к гумбольдтовской модели университета, состоявшийся после выхода соединенных штатов из статуса колонии Великобритании. Иными словами, речь идет о влиятельной вплоть до нашего времени университетской модели.

Джон Генри Ньюмен прошел путь от англиканского пастора до кардинала, а в момент написания классического труда «Идея университета» (исходно – цикла лекций) занимался созданием католического университета в Ирландии по поручению Папы Римского. Говоря о своей модели университета, Ньюмен выделяет две его основные цели, которые можно

⁴⁶⁹ Казимир III Великий об Основании Краковского университета, 1364 г.н.э. // Липатникова Г.И. - С. 44.

описать как проекты общественного развития разных уровней. Первая задача – создать для католической молодежи возможности получения высшего образования, сопоставимые с теми возможностями, которые получали протестанты в традиционных британских университетах. Вторая цель ньюменовского университета, более широко освещенная в научной литературе, – «воспитание джентльмена» посредством свободного образования. Ньюмен писал: «будь целью Университета научные и философские изыскания – я не вижу, для чего в нем нужны были бы студенты, а поскольку его цель – религиозное воспитание, то ему незачем быть обителью литературы и науки»⁴⁷⁰.

Модель университета Ньюмена дает нам один из примеров описания концепта университета, содержащего в эксплицитном виде проект общественного развития. Университет понимается как общественный институт, изменяющий культуру и нравы посредством воспитания элиты. Средством такого изменения выбрано свободное образование, направленное на развитие интеллекта. С учетом того, что идеи Ньюмена получили в Британии широкую популярность и распространились далеко за пределы Ирландии, можно допустить, что воспетый Киплингом антропологический тип английского джентльмена, несущего бремя белого человека в индийских колониях, является результатом реализации проекта Ньюмена.

Таким образом, ньюменовскую модель университета можно охарактеризовать как проект преобразования элиты Великобритании.

Реформа университетского образования во Франции времен Наполеона оценивается современниками в основном критически⁴⁷¹. Вместе с тем исследователи истории университетского образования предлагают

⁴⁷⁰ Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / Дж. Г. Ньюмен. – Минск: БГУ. 2006. - С. 13.

⁴⁷¹ Пискунова Е. П. Создание университетской системы во Франции в правление Наполеона I: цели и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 2. 2020. - С. 9.

рассматривать наполеоновские реформы как часть более масштабного процесса изменения этого института под влиянием с одной стороны очевидного устаревания классической («средневековой») университетской модели, а с другой – активной деятельности интеллектуалов движения Просвещения. Проект развития, который несколько веков реализовывали католические европейские университеты, подошел к своему завершению и нуждался в замене.

Представление о том, как трактовался концепт университета в послереволюционной Франции, можно почерпнуть из доклада Талейрана Учредительному собранию⁴⁷² и декретов Наполеона Бонапарта об университете⁴⁷³. Программа Талейрана не была реализована, но исследователи отмечают схожесть идей с более поздней концепцией наполеоновского университета⁴⁷⁴. Общим для этих текстов является акцент на практической ориентации знания и на роли университета как института подготовки кадров для обновляющейся страны. В узком смысле наполеоновская модель может быть описана как централизация управления высшим образованием в интересах обеспечения кадрами мета-проекта Французской Империи, имеющая целью «установить единообразие в преподавании и воспитать для государства граждан, преданных своей вере, своему государю, своему отечеству и своей семье». В этом смысле модель реализована не была: «Поколение, воспитанное императором на его победных бюллетенях, оказалось привержено различным ценностям: монархическим,

⁴⁷² Талейран Ш.-М. Доклад о народном образовании / Ш.-М. Талейран // Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады. – М.: Работник просвещения, 1926. – С. 130–144.

⁴⁷³ Décret impérial portant organisation de l'Université, le 17 Mars 1808. № 539 // Bulletin des lois. – Numéro 185. – Electronic text data.: <https://archive.org/details/dcretimprialport00fran/page/2/mode/2up>.

⁴⁷⁴ Пискунова Е. П. Указ. соч. – С. 8–26.

либеральным, республиканским и лишь отчасти бонапартистским»⁴⁷⁵. Однако в более широком смысле речь идет о модели практико-ориентированного университета, изменяющего общественную жизнь через формирование управленческой и технологической элиты: «цель образования заключается в совершенствовании человека во всех его возрастах и в бесконечном служении просвещения и опыта государства благу каждого и благу всего общества»⁴⁷⁶. Эта модель была успешно реализована и до настоящего времени оказывает существенное влияние на образовательный ландшафт во Франции. Например, в своей классической работе «*Homo academicus*» Пьер Бурдьё подчеркивает различие между «универсальными университетами» и «*École Polytechnique*»⁴⁷⁷.

Как видим, «наполеоновская» модель университета, как и другие рассматриваемые модели, носит во много проектный характер, являя собой проект университета для новой Империи.

Вильгельм фон Гумбольдт строит свою модель университета в историческом контексте отхода от средневековых университетских традиций и под влиянием своих современников – немецких философов, в первую очередь И.Г.Фихте. Проигранная Пруссией война с Наполеоном стала важным толчком к «Большим реформам», одной из которых стала реформа образования.

Для современного интеллектуала понятие «гумбольдтовский университет» ассоциируется в первую очередь с академической свободой и неразрывной связью образования и науки. При этом важно подчеркнуть, что в своем трактате «О внешней и внутренней организации высших научных

⁴⁷⁵ Пискунова Е. П. Указ. соч. – С. 22.

⁴⁷⁶ Талейран Ш.-М. Указ. соч. – С. 134.

⁴⁷⁷ Бурдьё П. *Homo academicus*. - М.: Издательство Института Гайдара. 2018. – С. 76.

заведений в Берлине»⁴⁷⁸ Вильгельм фон Гумбольдт университетская автономия выступает не как самоцель, а как средство реализации высшей миссии университета - миссии общественного развития, понимаемой как форма служения государству: «...государство не должно требовать от университетов ничего, что непосредственно и прямо относится к нему; оно должно питать внутреннее убеждение в том, что, когда университеты достигнут своей цели, они достигнут также и целей государства, причем с гораздо более высокой точки зрения, с которой можно объединить намного больше и применить совершенно иные силы и рычаги, чем те, которыми оно располагает сейчас»⁴⁷⁹. Иными словами, свобода научного поиска необходима университету постольку, поскольку в понимании целей и направления общественного развития университет опережает общество и государство, что налагает на него священную обязанность идти в авангарде прогрессивных изменений. Таким образом, Гумбольдт впервые в явном виде включает в концепт университета, наряду с идеей служения общественному развитию, идею эксклюзивности и элитарности университетской работы, однако обе эти идеи неразрывно связаны друг с другом. Отрыв идеи элитарности от идеи служения в конечном счете и приводит к трактовке университетской автономии как «башни из слоновой кости» при том, что текст Гумбольдта этой коннотации не содержит, а, напротив, подчеркивает роль университета как института общественного развития. В его понимании, университет обязан

⁴⁷⁸ Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине /Пер. С. Шамхаловой по изд.: Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Band X: Herausgegeben von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: V. Behr's Verlag, 1903. S. 250—260 // Неприкосновенный запас. 2002. №2.

⁴⁷⁹ Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине /Пер. С. Шамхаловой по изд.: Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Band X: Herausgegeben von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: V. Behr's Verlag, 1903. S. 250—260 // Неприкосновенный запас. 2002. №2. – С. 13.

и трудиться в интересах общества, и понимать направления его развития лучше самого общества.

Среди разнообразных моделей высшего образования, реализовавшихся на разных этапах истории СССР для целей настоящего исследования выбрана «модель Капицы» - относительно новая модель инженерного университета, основанная на тесной связи университета с академическими институтами (в СССР) и технологическими компаниями (в современной России). Главный пример реализации этой модели – Московский физико-технический институт, который был основан в послевоенные годы⁴⁸⁰ в связи с возникшим пониманием особой роли науки и технологии в международной конкурентоспособности страны. Автор модели П.Л.Капица в письмах к руководителям советского государства описывал модель Физтеха так: «Специальный отбор по всей стране наиболее способной к научным исследованиям и талантливой молодёжи. Привлечение в качестве преподавателей наиболее активных и талантливых учёных. Специальные методы обучения, рассчитанные на максимальное развитие творческой инициативы и индивидуально приспособленные к особенностям каждого учащегося. Обучение на экспериментальной базе наших лучших исследовательских институтов»⁴⁸¹.

В записке к Совету народных депутатов СССР 1946 года П.Л. Капица так формулирует цели создания университета: «для того, чтобы в возможно короткий срок подготовить необходимые кадры для самых важных отраслей физико-технических наук, мы предлагаем создать особое учебное заведение «Московский Физико-Технический Институт» на базе наших сильнейших

⁴⁸⁰ Первоначально был учрежден Постановлением Совнаркома СССР в 1946 году как факультет МГУ.

⁴⁸¹ Цит. по: Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. К истории элитного инженерного образования (Московский Физико-технический институт). По программе Межвузовского Центра гуманитарного образования МФТИ «Петр Великий»; Препринт. - М.: МФТИ, 2000. №2. - С. 12.

институтов: ЦАГИ, институт Физических проблем АН СССР, лаборатория №2 АН СССР, Физического института СССР, института Химической физики АН СССР и Математического института АН СССР»⁴⁸².

Перечисленные в письме институты составляют институциональную основу советских космического и ядерного проектов, ключевые элементы послевоенного научно-технического рывка. Модель Капицы имеет определенное сходство с гумбольдтовской, где наука и образование тоже связаны неразрывно. Вместе с тем принцип реализации этой связи иной: университет Капицы словно вовсе не имеет стен между учебными аудиториями и внешними академическими институтами и технологическими компаниями. Метафорически это своего рода противоположность образу «башни из слоновой кости». При таком подходе университет перестает мыслиться как только образовательное или научное учреждение, становясь неотъемлемой частью мета-института технологического прорыва, в котором сложно различить, какие технологические и образовательные задачи решаются внутри университета, а какие – уже в академических институтах и технологических компаниях.

Таким образом, модель технологического университета П.Л.Капицы представляет собой проект технологического прорыва.

В целом осуществленный анализ перечисленных моделей университета, относящихся к разным историческим периодам, показывает, что миссия общественного развития имманентно присуща концепту университета, наряду с образовательной и научной миссиями. Более того, именно общественное развитие в исследованных моделях является ключевым обоснованием смысла существования университета как такового.

⁴⁸² Цит. по: Белоцерковский О. М., Патон Б. Е., Школьников В. А. Система подготовки кадров для научных центров // Высшее образование в России. №11. 2010. – С. 3.

При этом то, какой именно проект общественного развития реализует университет, определяется актуальностью цивилизационных проектов соответствующего исторического периода. Так, византийский университет реализует модель «симфонии» властей в меняющейся Империи. Университеты, создававшиеся по решению римских пап, в разных формах участвовали в расширении и укреплении католического мира. Королевские университеты средневековой Европы закладывали основание будущих национальных государств. Модель Наполеона и Ньюмена определяя для университета роль института создания новых социальных групп, в связи с чем на первый план выходит образовательная миссия. В этом они схожи с целями раннесоветских руководителей в сфере высшего образования, ставивших во главу угла вопрос о воспитании «нового человека». Новый поворот в сюжете об университете создает Гумбольдт, которые возлагает на университет миссию понимать направление общественного развития лучше, чем само общество. Модель Капицы конституирует университет как важный компонент системы институтов технологического прорыва. Можно увидеть определенное сходство этой модели с более поздними идеями Ицковица о предпринимательском университете, который посредством «тройной спирали» взаимодействует с бизнесом и государством, преобразуя реальность вокруг себя.

Возвращаясь к тезису С. Фуллера, можно сказать, что университет действительно никогда не мыслился только башней из слоновой кости. Но процесс производства и распространения знания, который Фуллер определяет как главный университетский инструмент общественного развития, не является константой модели университета. Константой, скорее, является вопрос «как именно университет развивает общество?», который получает разные ответы в разных университетских моделях.

Ставя вопрос о направлениях общественного развития, которые могли бы быть включены в миссию современного российского университета,

невозможно обойти вниманием вопрос о технологическом развитии. Причем сохраняющая актуальность «модель Капицы», хорошо показавшая себя в условиях однонаправленного опережающего технологического развития индустриального периода, должна быть дополнена более сложной постановкой вопроса о гармонизации технологических и социокультурных изменений. Частью миссии современного российского университета может стать постановка технологий на службу обществу, создание новых социо-технологических практик и даже преодоление рисков подчинения человека выходящим за рамки его понимания технологиям, технологического рабства. При этом сообщества технологических энтузиастов могут быть поняты как ключевой субъект этого типа социокультурных изменений и, соответственно, выполнения социо-преобразующей миссии университета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель исследования заключалась том, чтобы осуществить социально-философский анализ университетских сообществ технологических энтузиастов как субъекта конструктивных социокультурных изменений.

Дескриптивно-феноменологическое описание университетских сообществ технологических энтузиастов, действующих на базе российских университетов, позволило выявить их инициативный и неформальный характер и принципиальную инновационность их деятельности, что дало возможность назвать эти сообщества сообществами практик будущего, или сообществами проективных практик (проективными сообществами). Был выявлен высокий потенциал этих сообществ для субъектного самоопределения технологического энтузиаста, которое складывается из трех компонент: стремление к развитию таланта; сопричастность исторической судьбе страны; готовность принимать вызовы мирового уровня.

Характерные признаки сообществ практик будущего: отсутствие конкурентных отношений внутри сообщества, меритократическое лидерство, направленность в поле технологического предпринимательства, поле образовательных инноваций и поле технологической филантропии, горизонтальные связи между участниками внутри сообщества, плотная инкорпорированность в поле университета, благодаря чему сообщества могут уже непосредственно в ходе своей деятельности оказывать влияние на университет как свое ближайшее социальное поле. К индивидуальному успеху в этих сообществах ведут такие субъективные качества, как проявление личного энтузиазма и инициативности, способности действовать проектно, работать на результат, не ограничивать себя узкими тематиками, поддерживать разнообразные идеи других участников сообщества. Выигрыш одного участника не влечет проигрыша других.

Сущностными свойствами сообществ технологических энтузиастов в университетах являются их способность к самоорганизации, ценностно ориентированному самоопределению, целеполаганию, выработке деятельностных стратегий и алгоритмов, принятию решений в нестандартных и кризисных ситуациях. При том, что университет выступает в роли площадки или даже платформы для деятельности таких сообществ, тем не менее, они самостоятельно определяют принципы своей жизни, формируют социальные практики и механизмы кооптации новых участников. Проведенное автором в 2020-2021 гг. исследование университетских сообществ в условиях пандемии COVID-19 показало, что именно самоорганизованные сообщества обладают особенно высокой устойчивостью к кризисам. Все перечисленное суть проявления субъектности. Это дает нам основания утверждать, что университетские сообщества технологических энтузиастов являются коллективными социальными субъектами.

Важной особенностью университетских студенческих сообществ является их временность: их члены покинут стены университет или сменят статус студента на статус сотрудника. С одной стороны, это является ограничением для развития сообществ внутри университета: сложнее накапливать компетенции в команде и концентрировать в ней разные формы капитала, в первую очередь, человеческий и социальный. С другой стороны, если посмотреть на университет как на часть существенно большего социального поля, в которое включены не только его нынешние сотрудники и студенты, но и выпускники, объединенные с университетом общим видением будущего и общими механизмами обращения капитала, то можно увидеть во временности университетских сообществ существенный фактор, определяющий способность университета через сообщества технологических энтузиастов влиять на социальные изменения в масштабах общества в целом.

Это влияние не ограничивается подготовкой кадров, но может осуществляться посредством взаимодействия университета с выпускниками,

инкорпорированным в другие социальные поля. Эти связи представляют ценность и для самого университета, составляя его выпускнический капитал.

Выпускнический капитал связывает университет не только с устойчивыми, но и с формирующимися социальными полями. Тем самым университет выступает в роли инкубатора новых полей, возникающих из университетских студенческих сообществ. Социальные практики, сформированные в университетских сообществах, по выходе их участников за контур университета могут распространяться и становиться частью более крупных социальных полей, трансформируя их и формируя новые вложенные поля.

Рассмотрев весь спектр теоретических подходов к исследованию сообществ в социальной-философской и социологической теоретической традиции, мы пришли к выводу о том, что университетские сообщества технологических энтузиастов представляют собой особый тип сообщества, обладающий социальной субъектностью. Их сущностная определенность проявляется в наборе следующих характеристических признаков. Эти сообщества не являются ни локальными, ни виртуальными и, с учетом физических условий своей деятельности, могут быть названы локально-платформенными. В историческом аспекте университетские сообщества являются новыми, в отличие от традиционных сообществ; в демографическом аспекте это сообщества молодых людей; в социально-психологическом аспекте – это сообщества людей с высоким творческим потенциалом, мотивированных на получение знаний и самореализацию в профессии и/или социальном служении; в деятельностном аспекте это продуктивно-творческие, ориентированные на инновационную проектную деятельность объединения; в культурном аспекте это объединения, ориентированные на развитие технологий и технический прогресс; в экономическом аспекте это коллективные субъекты, инициативная инновационная деятельность которых не направлена непосредственно на получение прибыли, однако предполагает

в перспективе высокую экономическую эффективность отдаленных результатов своей деятельности; по характеру участия индивидов в университетском сообществе это сообщества как транзиторные, с низким уровнем внутренней конкуренции.

В определении субъектности университетских сообществ технологических энтузиастов мы исходим из классической социально-философской трактовки понятия «субъект», базирующейся на следующих принципах:

- принцип бинарной оппозиции «субъект-объект», где субъект – активное познавательное или практически-деятельное начало, направленное на объект;

- деятельностный подход: субъект проявляет себя как в познании, так и в деятельности;

- принцип антропогенности субъекта: индивидуальный субъект – это человек, коллективный субъект состоит из людей;

- сущностные характеристики субъекта: самосознание, целеполагание, инициативная активность, свобода воли, моральная ответственность человека;

- принцип intersубъектности: субъект формируется и проявляется во взаимодействии с другими субъектами.

Задолго до понятийно-терминологического оформления субъекта в западно-европейской философии концепт субъектности присутствовал в философском, общественно-политическом, экономическом и бытовом дискурсе, воспринимался человеком непосредственно, как основание собственного присутствия в мире. Философская рефлексия нового времени концептуализировала интуитивно воспринимаемые качества субъектности, дополнив их аналитически выявленными признаками самотождественности, целостности, непрерывности существования во времени.

В современном социально-философском дискурсе понятие субъекта приобрело проблемный и дискуссионный характер, а в целом ряде достаточно

авторитетных подходов ставится под сомнение или прямо отрицается онтологический статус субъекта. Как показал проведенный анализ, это обусловлено как социокультурными (развитием посткапиталистических и глобализационных тенденций), так и гносеологическими причинами – перенесением фокуса внимания в исследованиях субъектности со сферы познания на сферу деятельности и социальных отношений, где сильнее проявляется внешняя детерминированность субъекта. Этими причинами объясняются заявления ряда философов второй половины XX века об «исчезновении» и «смерти» субъекта.

В отличие от философского дискурса, в современной теоретической социологии отказа от категории субъекта не наблюдается. Проблематика взаимодействия социального субъекта и социальной структуры, в том числе влияния субъектов через социальное действие на социальные изменения, влияния социальной структуры на сознание и поведение социальных субъектов, взаимодействия субъектов внутри социальной структуры занимает центральное место в теоретической социологии, причем понятие социального субъекта диверсифицируется в близких ему по смыслу понятиях «актор» и «агент».

Анализ понятия субъекта в социальных науках позволил прояснить роль и возможности университетского сообщества технологических энтузиастов как субъекта социокультурных изменений и, шире, общественного развития. С точки зрения теории полей, университетские сообщества технологических энтузиастов представляют собой социальное поле, вложенное одновременно как в поле университета, так и во внешние социальные поля. С этим связано свойство транзиторности университетских сообществ: участники этих сообществ, покидая их, поддерживают с ними связь как через межличностные и деловые контакты, так и через сохраняющуюся общность «градов» (картин идеального мира), которая таким образом выступает механизмом не только формирования, но и сохранения коллективной субъектности.

Исследование сообществ технологических энтузиастов требует учета особенностей предметного содержания их деятельности, которая носит высокотехнологичный характер. Наиболее адекватным методологическим аппаратом для этого представляется акторно-сетевая теория.

Сообщества технологических энтузиастов могут сыграть важную роль в распространении технологических компетенций, создавая вокруг себя широкое социальное поле приверженцев. Тем самым они помогут обществу в присвоении новых технологий и гармонизации темпов социокультурных и технологических изменений, уменьшению и устранению разрыва между разработчиками и пользователями новых технологий. Миссия современного университета заключается в создании и поддержании материальной и организационной базы для деятельности сообществ технологических энтузиастов, поддержании вокруг них благоприятной коммуникативной среды, сохранении и упрочении связей с выпускниками.

С учетом сказанного современный университет не может быть «башней из слоновой кости». Как показало изучение исторических документов, описывающих модели университета, университет с самого начала своей истории, всегда характеризуется проектностью – качеством, связывающим само существование университета с актуальными векторами социокультурного развития.

Сопоставительный анализ университетских моделей привел к выводу о том, что при разработке модели современного российского университета, ориентированной на реализацию актуальных целей и задач социокультурного развития, стоящих перед современной Россией, может быть в значительной части использована «модель Капицы», хорошо показавшая себя в условиях однонаправленного опережающего технологического развития индустриального периода. Однако эта модель должна быть дополнена конкретизированной постановкой вопроса о гармонизации технологических и социокультурных изменений. Важной частью миссии современного

российского университета является постановка технологий на службу обществу, создание новых социо-технологических практик, направленных на преодоление рисков подчинения человека выходящим за рамки его понимания технологиям, «технологического рабства».

Общий вывод диссертационного исследования заключается в том, что университетские сообщества технологических энтузиастов обладают всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать ключевым субъектом актуальных социокультурных изменений в современном российском обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии на русском языке

1. Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: ИС РАН, 2026. – 304 с.
2. Американская социологическая мысль: Тексты / Под В. И. Добренькова. - М.: Изд-во МГУ, 1994.- 496 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
4. Андриюшков А.А., Старостинская А.В., Федосеев А.А., Концептуальный анализ существующих моделей полигонов практик будущего на стыке инновационного образования и научно-технологических разработок. Аналитический отчет. - М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2019. - 30 С.
5. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / Левит С.Я. (сост.). - СПб.: Университетская книга, 1997. - 728 с.
6. Аристотель. Сочинения. В 4 т. - М.: Мысль, 1978 – 1984.
7. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: Критический анализ / Отв. ред. Б.Т.Григорьян. - Москва: Наука, 1985. - 189 с.
8. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. - М.: V-A-C Press, 2022. - 269 с.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. - 390 с.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В.Седельника и Н.Федоровой. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.

11. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 783 с.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. - М.: «Медиум», 1995. - 323 с.
13. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В.Ковенева; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. - М.: Новое литературное обозрение, 2013. - 576 с.
14. Бондаренко А.Д. Современная технология: Теория и практика. – Киев-Донецк: Выща школа, Головное изд-во, 1985. – 171 с.
15. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV – XV вв. – М.: Высшая школа, 1977. - 254 с.
16. Бурдые П. Homo academicus. - М.: Издательство Института Гайдара. 2018. – 461 с.
17. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. - СПб.: Алетейя, 2001 г. - 562 с.
18. Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко; пер. с фр.: Е.Д. Вознесенская и др. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
19. Бэкон Фрэнсис, Бержерак С.С. де, Верас Д. Новая Атлантида. – М.: Алгоритм, 2014. – 317 с.
20. Васильев Л.С. История религий Востока. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Кн. дом «Университет», 1998. – 425 с.
21. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. - 334 с. - (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 4).
22. Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. - 702 с.

23. Вебер М. Избранные произведения /Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденко. - М.: Прогресс, 1990.- 808 с.
24. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 тт. - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
25. Вирт Л. Избранные работы по социологии. - М.: РАН ИНИОН, 2005. – 243 с.
26. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008. - 298 с. (Серия: «Прагматической поворот», вып. 2).
27. Гайденко П. История греческой философии. Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2012. – 262 с.
28. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. - СПб.: Питер, 2007. - 335 с.
29. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах / сост., общ. ред. и вступ. статья, А. В. Гулыги. - Москва : Мысль, 1970. - 1971.
30. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
31. Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Общ. ред. и вступ. статья Н.Н. Иноземцева, С.М. Меньшикова, А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1969. - 479 с.
32. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. - М.: Академический проект, 2005. - 582 с.
33. Гофман И. Представления себя другим в повседневной жизни /Пер. с англ. А. Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН [и др.]. - Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. - 302 с.
34. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. - М.: Академический Проект, 2004. - 368 с. - («Концепции»).

35. Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала нового времени: Исслед. и материалы. Сб. науч. тр. / АПН СССР, НИИ общ. педагогики; Редкол.: Салимова К. И., Безрогов В. Г. (отв. ред.) и др. – М.: АПН СССР, 1990. - 200 с.
36. Двигубский И.А. Начальные основания технологии, или Краткое показание работ, на заводах и фабриках производимых. – М.: В Университетской типографии, 1807-1808. – 82 с.
37. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. - Екатеринбург: У-Фактория, 2007. - 672 с. (Philosophy).
38. Дживелегов А. Новая культура и новое просвещение. 2-е изд. – М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1917. - 63 с.
39. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. / Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко; вступ. ст, пер. и примеч. Г.И. Липатниковой; м-во просвещения РСФСР. – Воронеж: изд-во Воронежского пед. ин-та, 1973. - 157 с.
40. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. / изд. подгот. А. Б. Гофман, примеч. В.В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
41. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. – 349 с.
42. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. - М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. - 736 с.
43. Жарченков Ю.Н. Основы промышленных технологий. - М: Гос. ун-т управления, 2000. - 76 с.
44. Ильинич В.И. Студенческий спорт и жизнь – М.: АО «Аспект Пресс», 2004. – 143 с.

45. Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии / Л.Г. Ионин. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 365 с.
46. Ионин, Л. Г. Социология культуры [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л. Г. Ионин; Гос. ун-т - ВШЭ. -4-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. - 427 с.
47. Каждан А. П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб.: Алетейя. 1998. - 336 с. - (Византийская библиотека: Серия. Исследования).
48. Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. К истории элитного инженерного образования (Московский Физико-технический институт). По программе Межвузовского Центра гуманитарного образования МФТИ «Петр Великий»; Препринт. - М.: МФТИ, 2000. №2. - 28 с.
49. Квале С. Исследовательское интервью. - М.: Смысл, 2003. - 301 с.
50. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Речь, 2000. - 248, с. - (Мастерская психологии и психотерапии).
51. Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. - СПб.: Алетейя, 2021. - 168 с.
52. Кристол И. В конце II тысячелетия: Размышления о западной цивилизации (Статьи 1970-х – 1990-х годов) / Ред. Р.Гальцева. Пер. В. Ошерова. - М. : ТОО «Полиграф», 1996. - 209 с.
53. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. - 616 с.
54. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире. - М.: Прогресс, 1970. - 263 с.
55. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. - М.: Прогресс, 1975. - 288 с. - (Логика и методология науки).

56. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева, предисловие О.Хорхордина. - СПб.: Изд.-во Европейского университета в СПб, 2013. - 414 с. - (Прагматический поворот; вып. 6).

57. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А.В. Дьякова. - СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. - 316 с. - (Прагматический поворот; вып. 7).

58. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 384 с. - (Социальная теория).

59. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.

60. Левицкий В.С. Социальная реальность модерна: эмпирическое, трансцендентальное, трансцендентное. – М.: Из-во Канон+ РООИ «Реабилитация». – 2023. – 428 с.

61. Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи / науч. ред. А.С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2018. - 639 с.. - (Классика гуманитарной мысли; вып. 4).

62. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви; Догматическое богословие. - М.: Центр «СЭИ», 1991. - 287 с. (Религиозно-философская серия; Вып. 1).

63. Луначарский А.В. О воспитании и образовании: Избр. статьи / Под ред. А. М. Арсеньева и др. – М.: Педагогика, 1976. - 634 с.

64. Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. Изд. 3-е. - М: Либроком, 2012. – 414 с.

65. Марков Б.В. - Философская антропология. Очерки истории и теории - СПб.: Издательство Лань, 1997. – 380 с.

66. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 30 тт. 2-е изд. - М.: Госполитиздат, 1954 - 1981.
67. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. - М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 359 с.
68. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С. Ю. Глазьева и В. В. Харитоновой. - М.: Тривант, 2009. - 304 с.
69. Неоконсервативная мысль в США: Научно-аналитический обзор (д.и.н. А.В.Валуженич. ИНИОН). - М.: ИНИОН, 1995. – 43 с.
70. Ницше Ф. Веселая наука («La gaia scienza») / пер. с нем. М.Кореневой, С.Степанова, В. Топорова. – СПб, Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 352 с.
71. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / пер. с англ. С. Б. Бенедиктова; под общ. ред. М. А. Гусаковского. - Минск : БГУ, 2006. - 208 с.
72. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой; ред. перевода А. М. Корбут; под общ. ред. М. А. Гусаковского. - Минск: БГУ, 2005. - 104 с.
73. Памятники византийской литературы IX-XIV веков: сборник переводов / отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М.: Наука, 1969. - 463 с.
74. Пискорский В.К. Начало академической свободы в Западной Европе. Речь, произнесенная на годовичном акте Нежинского института 30 августа 1899. - Нежин, 1900. – 19 с.
75. Платон. Собрание сочинений: в 3 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. - М.: Мысль, 1968 - 1972.
76. Православно-догматическое богословие Макария, митрополита Московского и Коломенского : В 2 т. - Репр. изд. - Тутаев : Правосл. братство св. князей Бориса и Глеба, 1999. – 598 с. (с ориг. 4-го изд.: СПб.: Тип. Р. Голике, 1883).

77. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Науч. ред., текстологический комментарий И. В. Пешкова. - М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. - 192 с.
78. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. А.М. Корбут. - М.: Издательский Дом ВШЭ, 2021. – 304 с.
79. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк и о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. - М.: Академический Проект, 2008. - 695 с. - (Философские технологии).
80. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. - М.: ИСПИ РАН, 2012. - 359 с. - (Экономика и социология знания).
81. Социология вещей: сборник статей / под ред. Виктора Вахштайна. - М: Территория будущего, 2006. - 390 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского. Серия: Социология. Политология)
82. Социология: теория, история, методология / под ред. Д.В. Иванова. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. - 480 с.
83. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. - 128 с. - (Экономическая теория).
84. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер.с нем. Д. В. Скляднева – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 452 с.
85. Токвиль А. де. Демократия в Америке - М.: Прогресс, 1992. - 554 с.
86. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 557 с.
87. Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – 1999. – 250 с.

88. Турен А. Возвращение человека действующего = *Le retour de L'acteur: Очерк социологии* / Пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Науч. мир, 1998. – 203 с.
89. Федосеев А.И., Андрюшков А.А., Молодых Ю.О., Рачинская М.С., Коноваленко А.Н. Кружки 2.0: Научно-технические кружки в экосистеме практик будущего. Инструкция по сборке. – М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2018. - 84 с.
90. Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 тт. - М.: Госполитиздат, 1955.
91. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах / Сост. и примечания Владимира Волжского - СПб.: Мифрил, 1993. - Т. I -687 с; Т. II- 798 с.
92. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива /Сост., пред., пер. с англ., нем., польск., общая редакция В.А.Поруса. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 208 с.
93. Формирование кружков и сообществ технологических энтузиастов - М.: Ассоциация участников технологических кружков, 2020.
94. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д.Н. Дудинский. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 672с.
95. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Сборник / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. Табачниковой. – М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. – 446 с.
96. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вст. ст. Н.С. Автономовой. - СПб., Acad, 1994. - 407 с.
97. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. Ст. Гавриленко и др.; под научн. ред. Ст. Гавриленко - М.: Издательский дом «Дело»; РАНХиГС, 2018. - 384 с.

98. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. - М.: Праксис, 2007. - 208 стр.
99. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 416 с.
100. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - 300 с.
101. Халоупецкий. В. Карлов университет в Праге: его основание, характер и развитие в XIV в. (1348–1409). Прага: 1948. - 150 с.
102. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. - 127 с.
103. Циолковский К. Э. Избранные труды / отв. ред. М.Я.Маров; Российская акад. наук, Комиссия по разработке науч. наследия К. Э. Циолковского. - 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Наука, 2007. – 563 с.
104. Шпигельберг Г.Ш. Феноменологическое движение. Историческое введение. Пер. с англ. / Перевод группы авторов под ред М. Лебедева, О. Никифорова (Ч.3). - М.: «Логос», 2002. - 680 с.
105. Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ, под ред. В.А.Ядова,-М.: Аспект Пресс, 1996. - 416 с. - (Программа «Высшее образование»).
106. Энгельмейер П.К. Философия техники: Вып. 1-4. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912 - 1913. – 22 с.
107. Ясперс К. Идея университета. пер. с нем. Т. В. Тягуновой; ред. перевода О.Н. Шпарага; под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2006. – 159 с.

Статьи на русском языке

108. Абалмасова Н., Паин Э. Опора на символы в формировании региональной идентичности // Известия РАН. Серия географическая 2011. №6. – С. 17–29.

109. Аксенова О.В. Акторская парадигма управления в эпоху перемен: адаптация или противодействие // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. - С. 336 - 357.

110. Аксенова О.В. Идеология индустриализма в России: ценностные основания // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. - С. 124 - 135.

111. Аксенова О.В. Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (на примере экополитической сферы) // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М., 2008. - С. 181–193.

112. Аксенова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. - С. 37–53.

113. Аксенова О.В. Сфера управления как пространство действия актора // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. - С. 289 - 312.

114. Андрюшков А.А., Земцов Д.И. Кружки как полигоны практик будущего // Инновации. 2019. №11 (253). - С. 24 – 27.

115. Андрюшков А.А. К истокам кружкового движения. Первые планерные кружки // Журнал кружкового движения НТИ, Ассоциация участников технологических кружков, 2021. <https://journal.kruzhok.org/history/tpost/o1enbu5b01-k-istokam-kruzhkovogo-dvizheniya-pervie?ysclid=lr7kc766y499645398> .

116. Артемова Т.С. Понятие «доступ» в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. 2012. № 3. - С. 84–96.
117. Баженова Н.Г. Теоретические основания конструирования студенческого самоуправления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 94–98.
118. Баткин Л.М. Макьявелли об индивиде как субъекте исторического действия (Письмо к Пьеро Содерини) // Идеи Возрождения и философия нового времени (сборник научных статей) - М., 1986.
119. Белоцерковский О.М., Патон Б.Е., Школьников В.А. Система подготовки кадров для научных центров // Высшее образование в России. №11. 2010.
120. Блур Д. Анти-Латур // Логос. 2027. Т. 27, №1. – С. 85 – 134.
121. Бодров К.Ю., Иващенко М.И. Развитие концепции открытых студенческих лабораторий на примере СНИЛ «ОЛИМП» // Сборник тезисов докладов конгресса молодых ученых. Электронное издание. – СПб: Университет ИТМО, 2015. <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/1501/1501.pdf>
122. Брайдотти Р. Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000а. № 4. - С. 18–44.
123. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000б. - С. 220–251.
124. Брызгалина Е. В. Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – №. 3. – С. 55-82.
125. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология / пер. с англ. М. С. Добряковой. - Random House, 2002. - Т. 3, № 5. - С. 60–74.
126. Бурякова О. А. Генетический анализ сущности студенческого самоуправления // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2008. – № 5/1 (64). – С. 112–118.

127. Васильев Ю.С., Асонов И.Е., Кривцов А.М. Центр технического творчества молодежи Санкт-Петербургского политехнического университета делу охраны природной среды // Биосфера. 2016. №2.
128. Вахштайн В. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2027. Т. 27, №1. – С. 41 - 84.
129. Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008 №7(2). – С.89–127.
130. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // СОЦИС, 1997. №6, - С. 9 – 23.
131. Врублевская П.В. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // laboratorium: журнал социальных исследований. 2015. 7 (3). – С. 129 – 144.
132. Вялых С.Д. Сертификация квалификаций выпускников профессиональной образовательной организации как инструмент независимой оценки качества подготовки кадров для экономики региона // Педагогический поиск. 2020. № 7–8. - С. 45–47.
133. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. №1.
134. Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / Пер. С. Шамхаловой по изд.: Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Band X: Herausgegeben von der Koniglich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: V. Behr's Verlag, 1903. S. 250-260 // Неприкосновенный запас. 2002. №2.
135. Дементьев М. О понятии κοινὴνία у Платона, Аристотеля, в Новом завете и у свв. отцов-каппадокийцев // Вестник Свято-Филаретовского института. XX Сретенские чтения, секция богословия и философии. 21 февраля 2014.
136. Демин И.В. Человек техники. М. Хайдеггер и Ф. Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Научно-технические ведомости

СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. – С. 116 – 125.

137. Дильтей В. Иррациональность переживания и новые принципы наук о духе. Эстетизация социального знания // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т.2 / Отв. Ред. И сост. Ю.Н.Давыдов. – М.: Канон+, 1997.

138. Димке Д и Корюхина И. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества // Социология власти, 2013. №2. – С. 73–93.

139. Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. – С. 59 – 78.

140. Добрякова М. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования, 1999. № 7. – С. 125–133.

141. Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. – С.379 – 402.

142. Дорохина Р.В. Деятельность студенческих организаций Московского университета в дореволюционной России // Современные исследования социальных проблем, № 1(25), 2016. – С. 213 – 225.

143. Дорохина Р.В. Лидерство в студенческой корпоративной среде // Философия и общество. 2017, №4. - С. 70 – 82.

144. Душин О.Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник СПбГУ. №2. Философия и конфликтология. 2013.

145. Дьякова М.А. Основные направления деятельности по содействию трудоустройству выпускников вуза (на примере Тихоокеанского государственного университета) // Ученые заметки ТОГУ. 2020. Т. 11. № 1. - С. 73–79.

146. Дюркгейм Э. «Дуализм человеческой природы и его социальные условия» // Социологическое обозрение. 2013. №12(2). – С.133–144.
147. Ефимов Д.Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. 24 (3). - С. 105 – 121.
148. Захарова У. С., Вилкова К. А., Егоров Г. В. (2021) Этому невозможно обучить онлайн: прикладные специальности в условиях пандемии // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. - С. 115–137.
149. Зезюлько А. В. Особенности развития науки и техники эпохи Просвещения: зарождение противоречивых оценок научно-технического прогресса // Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3. – 97 – 112.
150. Земцов Д.И. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблабы, КМИТы, кружки // Высшее образование в России. 2023. №5. - С. 36 – 55.
151. Земцов Д. И., Шушарина Т. Е. и др. Необходимость трансформации образовательного процесса, Анисимов Н.Ю., продвижения цифровых технологий и новой дидактики // Е.А. Суханова (ред.) Российское высшее образование: уроки пандемии и меры по развитию системы. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. - С. 44–55.
152. Земцов Д.И., Хукаленко Ю.С. Выпускнический капитал: стратегии взаимодействия с выпускниками университета // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1. - С. 35 – 50.
153. Земцов Д.И., Яськов И.О. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы образования. 2021. № 4. - С. 97–116.
154. Князев И.В., Калтырина Е.Л. К вопросу о субъектах социальных изменений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2009. № 4. - С. 103 – 106.

155. Ковалева А.С. Новые возможности для исследования социальной реальности: акторно-сетевая теория // Личность и культура. № 6, - СПб. Гуманитарный фонд, 2009. - С. 21 – 23.
156. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. - С. 122–139.
157. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. - С. 9 – 34.
158. Лукьянова Е. Историческое развитие субкультуры автомобилистов // Аналитика культурологии. 2014. №28. <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1865>.
159. Маслов Д.В., Гаджански И., Кирьянов А.Е. Новая эра «Сделай сам»: мейкеры из фаблабов // Инновации. 2017. №12 (230).
160. Массуми Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г.Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. - С. 110–133.
161. Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник ННГУ. №3 - 2. 2013.
162. Митлянская М.Д. Университет как бытийно-исторический объект: опыт М. Хайдеггера // Высшее образование в России. Т. 32. № 7. 2023. - С. 157 – 166.
163. Момджян К.Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия: Философия. 2018. №5. – С. 51 – 57.
164. Момджян К.Х. К вопросу о типологии социальных групп // Вопросы философии. 2012. №1. - С. 39 – 48.
165. Момджян К.Х. Социально-философский подход к проблеме человеческой субъектности // Человек. 2022. Т. 33. № 4. - С. 7 - 25.

166. Момджян К.Х. Социально-философский анализ свободы человеческой воли // Вопросы философии 2017. № 9. - С. 68–81.
167. Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом общественнознании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. - С. 71–82.
168. Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая природа человека // Вопросы философии. 2015. № 2. - С. 3–15.
169. Никитаев В.В. Маркс, инфраструктура социального времени и генезис «железного человека» // Философия и культура. - 2013-07. - Т. 7, вып. 7. - С. 996-1003.
170. Никольский В. С. «Академическая свобода» как язык самоописания университета // Высшее образование в России. 2013. №2. - С. 73 - 78.
171. Оленина Г. В. Развитие самоуправления студенческой молодежи в сфере досуга на основе проектного подхода: теория и практика // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2. – С. 99–102.
172. Павлов А. П. Актеры социального автопойезиса (онтосоциальный подход) // Вестник Вятского государственного университета, 2017, № 11 (Серия: Философские науки). – С. 16 - 21.
173. Павлюткин И.В., Юдин Г.Б. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // общинности // laboratorium: журнал социальных исследований. 2015. 7 (3). – С.88 – 105.
174. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. – С. 11 – 18.
175. Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. - С. 13 - 18.

176. Петрова В.Д. Деятельность общества «Друзей радио» в Якутии в 1920-1930-х годах XX в // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №4 (30). - С. 90 – 95.

177. Пискорский В.К. Начало академической свободы в Западной Европе. Речь, произнесенная на годовичном акте Нежинского института 30 августа 1899. - Нежин, 1900. – 19 с.

178. Пискунова Е. П. Создание университетской системы во Франции в правление Наполеона I: цели и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 2. 2020. - С. 8 - 26.

179. Покровский Н.Е. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? // Экономика образования. 2014. № 3. – С. 10 – 15.

180. Покровский Н.Е. Трансформация университетов в условиях глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 4. – С. 152 – 161.

181. Поляков С.Г., Бухало А.Б., Шурина Н.В. От станций юных техников – к ЦМИТ. О программе развития центров молодежного инновационного творчества в Российской Федерации // Инновации. 2016. №11 (217). – С. 3 – 9.

182. Приходько Н.Н., Савченко И.С., Лебедев Г.А. Историко-образовательные взаимосвязи России и Китая в сфере подготовки радиолюбителей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. 2019. №85. - С. 160 – 165.

183. Пружинин Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. – С. 105 – 110.

184. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. №4. - С. 20 – 32.

185. Расторгуева Н.Ф. Качество образования – залог конкурентоспособности выпускника // Высшее образование в России. 2009. № 1. - С. 87–90.

186. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / пер. с англ. С.Д. Серебряного; под редакцией Г.Г. Райкунова // Вопросы философии. - 2003. - № 3. - С. 30 - 41.

187. Руткевич А. М. Три идеи университета // Вопросы философии. 2022. Т. № 7. - С. 66 - 74.

188. Саинов М.П. Трансформация высшего строительного образования и качество подготовки выпускников // Строительство: наука и образование. 2020. Т. 10. № 2. - С. 1–21.

189. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. - С. 319 – 344.

190. Смирнова Т.В. Обучение навыкам успешного трудоустройства и планирования карьеры выпускников как одна из приоритетных задач ВУЗа // Вестник современных исследований. 2020. № 2-5(32). - С. 30–32.

191. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2021. - Т. 21. - №1. - С. 124-138.

192. Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования № 3, 2023. – С. 91 – 102.

193. Сорокин П.С., Фруммин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2022. № 1. – С.116 – 137.

194. Талейран Ш.-М. Доклад о народном образовании / Ш.-М. Талейран // Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады. – М.: Работник просвещения, 1926. - С. 130–144.
195. Тёрнер В. 1983. Ритуальный процесс: структура и антиструктура // Символ и ритуал. - М.: Прогрес, 1983. - С. 104–264.
196. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7. - С. 1 – 13.
197. Уразалиева Г.К. Проблема субъекта в социологии с позиций культурно-исторической теории // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 1. - С. 123 – 130.
198. Фисенко О.Б., Бегишев А.М., Уваев И.В. Центр молодежного инновационного творчества «Композит» // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. №11. - С. 978 – 980.
199. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей // Экономическая социология. Т. 23. № 1. Январь 2022. – С. 60 – 100.
200. Фуко М. Правительственность: идея государственного интереса и ее генезис: Курс в Коллеж де Франс 1977–1978 «Безопасность, территория и население», 4-я лекция, 1 февраля 1978 г. // Логос, 2003. №4 – 5 (39). - С. 4 – 22.
201. Фуко М. (2008) Технологии себя // Логос. № 2 (65). - С. 96–122.
202. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства. пер. С англ. С. Филоновича // Вопросы образования. №2. 2005. – С. 50 - 76.
203. Хисамутдинова Н.В. От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Территория новых возможностей. 2016. №1 (32). – С. 104 – 113.
204. Холдоров О.Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления 2016. № 4 (55). – С. 128 – 133.

205. Чернобай Е. В., Калина И. И. Профессиональные обучающиеся сообщества: обзор теории и практики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. №3. - С. 62 – 82.

206. Чуковенков Ю.А. Антропология классической патристики (по сочинениям грекоязычных авторов) // Историко-философский ежегодник. 94. М., 1995. - С.13 – 57.

207. Шарыпин А. В. Моделирование студенческого самоуправления в воспитательной системе вуза // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2012. – № 2, февр. – С. 292–297.

208. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под. ред. В.И.Добренькова. - М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. – С. 526 – 541.

209. Щербина Н.Ф. С юбилеем, родной вуз! // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 2(14). - С. 156 –159.

210. Юдин Г.Б., Колошенко Ю.А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: Локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №5 - С. 5–14.

211. Яблокова Н.И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2018, №5. – С. 101-103.

212. Яновой В.В. Не терять связь с выпускниками // Амурский медицинский журнал. 2020. № 1(29). - С. 102–103.

Монографии на иностранных языках

213. Amit Vered. Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments. London: Routledge, 2002.

214. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.
215. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A venture in social forecasting*. - N.Y., 1993.
216. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966.
217. Blackshaw T. *Key Concepts in Community Studies*. - London: Sage, 2009.
218. Boltanski L., Thevenot L. *De la justification. Les economies de la grandeur*. / Luc Boltanski, Laurent Thévenot. - [Paris] : Gallimard, 1991. - 485 c.
219. Bourdieu P. *La Distinction*. Paris: Minuit, 1979. - 670 c.
220. Cohen A.P. *The SymboConstruction of Community*. London Routledge, 1985.
221. Cohen, A. P.. *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. London: Routledge, 2000.
222. *Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.
223. Delanty G. *Community*. London: Routledge, 2003.
224. Docherty T. *Universities at War*. London: SAGE. 2015.
225. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1912.
226. Ellul J. *The Technological Society*. - N.Y.: Vintage Books, 1964.
227. Etzkowitz H. et al. *The future of the university and the university of the future: evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm //Research policy*. T. 29. №. 2. 2000.
228. Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. - New York: Columbia University Press. 2014.
229. Frankenberg. R. *Communities in Britain: Social Life in Town and Country*. Harmondsworth, UK: Penguin. 1966.

230. Gerhardt U. *The Social Thought of Talcott Parsons: Methodology and American Ethos*. Farnham, UK: Ashgate. 2011.
231. Gershenfeld N. *Fab: the coming revolution on your desktop - from personal computers to personal fabrication*, 2005.
232. Giddens A., Sutton P.W. *Essential concepts in sociology*. Cambridge, 2017.
233. Glock Ch. Y., Stark R. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press, 1968.
234. Goffman E. *Relations in Public*. N. Y., 1973.
235. Goffman E. *Stigma. Notes on the management of spoiled identity*. - London, Prentice-Hall, 1968. – 147 p.
236. Guyer J. *Marginal Gains: Monetary Transactions in Atlantic Africa*. Chicago. - University of Chicago Press. 2004.
237. Holliday G. *Technology transfer to the Eastern Europe: The role of western technology in economic development* -Boulder, 1994.
238. Huddle F. *The Secrets of Export Progress*. - N.Y., 1991.
239. Jones, D., Sundsted, T., Bacigalupo, T. *I'm outta here! How coworking is making the office obsolete*. Austin, TX: Not an MBA Press, 2009.
240. Kroes P., Meijers A. *The empirical turn in the philosophy of technology*. – 2001.
241. Ladd E., Lipset S.M. *The divided academy. Professors and politics*. N.Y., 1975.
242. Latour B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. - Harvard University Press, 1987. - Philosophy - 274 p.
243. Latour B., Weibel P. *Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion, and Art* // Center for Art and Media, 2002 - Religion - 703 p.
244. Law J, ed. *Power, action, and belief: a new sociology of knowledge*. London Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986.

245. Law J., ed. *A sociology of monsters: essays on power, technology, and domination*. London New York: Routledge, 1991.
246. Law, J., ed. *Power, action, and belief: a new sociology of knowledge*. London Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986.
247. Lynd R.t, Lynd H. M. *Middletown: A Study in American Culture*. New York: Harcourt Brace, 1929. – 550 p.
248. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. – Chicago: Univ. of Press, 1934.
249. Miller P. *Peiresc's Europe Learning and Virtue in the Seventeenth Century*. - New Haven, L. : Yale University Press, 2000. - 252 p.
250. Parry Jo., and Bloch M. *Money and the Morality of Exchange*. New York: Cambridge University Press, 1989. – 296 p.
251. Parsons T. *American Society: A Theory of the Societal Community*. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2007. – 537 p.
252. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1993. – 335 p.
253. Sclove R. *Democracy and technology*. – Guilford Press, 1995.
254. Shanin T, ed. *Peasants and Peasant Societies: Selected Readings*. Harmondsworth, UK: Penguin, 1971. – 510 p.
255. Shaw C. R. *The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story*. Chicago: University of Chicago Press, 1930. – 205 p.
256. Spinuzzi, C. *All edge: Inside the new workplace networks*. Chicago, IL: University of Chicago Press. 2015. – 354 p.
257. Srnicek N. *Platform Capitalism*. - Cambridge: Polity. 2016. – 176 p.
258. Stein M. *The Eclipse of Community: An Interpretation of American Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. – 376 c.
259. Warner, W. Lloyd. *The Structure of American Life*. Edinburgh: University Press, 1952. – 250 p.
260. Weber M. *The Sociology of Religion*. Beacon Press, 1993. - 384 p.

261. Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. N.Y., 1985. – 286 p.
262. Willmott, Peter, and Michael Young.. Family and Class in a London Suburb. London: Routledge & Kegan Paul, 1960. – 187 p.
263. Wirth, Louis. The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928. – 306 p.
264. Zorbaugh H. The Gold Coast and the Slum. Chicago: University of Chicago Press, 1929. – 287 p.
265. Zournazi M. Hope: New Philosophies for Change. - New York: Routledge, 2003. – 288 p.

Статьи на иностранных языках

266. Akhavan, M.. Third Places for Work: A Multidisciplinary Review of the Literature on Coworking Spaces and Maker Spaces. In: Mariotti I., Di Vita S., Akhavan M. (eds.), New workplaces – Location patterns, urban effects and development trajectories. Cham: Springer International Publishing, 2021. – P. 13 - 32.
267. Amin A., Roberts J. Knowing in action: Beyond communities of practice, Research Policy, Volume 37, Issue 2, 2008, P. 353-369 - <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048733307002375>
268. Andreas S. Effects of the decline in social capital on college graduates' soft skills // Industry and Higher Education. 2018. Vol. 32 (1). P. 47–56.
269. Anu Kajamaa & Kristiina Kumpulainen Agency in the making: Analyzing students' transformative agency in a school-based makerspace, Mind, Culture, and Activity, 2019. №26:3, P. 266-281.
270. Arasaratnam-Smith L.A., Northcote M. Community in Online Higher Education: Challenges and Opportunities // Electronic Journal of e-Learning. 2017. Vol. 15. No 2. - P. 188–198.

271. Bacevic J. University under Attack? Politics, Contestation and Agency beyond the «Neoliberal University» // The Idea of the University Contemporary Perspectives Volume 2. Edited by Ronald Barnett and Michael A. Peters. 2018. – P.16 – 24.

272. Bass, J., Gordon, B.S., Kim, Y.K. University identification: A conceptual framework // Journal of Contemporary Athletics. 2013. Vol. 7 (1). P. 1–13.

273. Bell D. Creating a genuine national society // Current. N.Y., 1976. No9.

274. Bennett S., Maton K., Kervin L. The «digital natives» debate: A critical review of the evidence //British journal of educational technology. 2008. T. 39. №. 5. – P. 775 - 786.

275. Bevan B., RyooJ.J., Shea M., Kekelis L., Pooler P., Green E., Hernande M. Making as a strategy for afterschool STEM learning. Report from the Californian Tinkering Afterschool Network Research-Practice Partnership. San Francisco, CA: 2016. - The Exploratorium.

276. Bilandzic M., Foth M. Libraries as coworking spaces: understanding user motivations and perceived barriers to social learning. Libr Hi Tech 2013. 31(2). - P. 254–273.

277. Birtchnell Th., Böhme T., Gorkin R., 3D printing and the third mission: The university in the materialization of intellectual capital, Technological Forecasting and Social Change, Volume 123, 2017, P. 240-249

278. Böhmer A, Beckmann A, Lindemann U. Open innovation ecosystem-makerspaces within an agile innovation process. Paper presented at ISPIM innovation symposium, Brisbane, 2015. - P 6–9.

279. Brey P. Philosophy of technology after the empirical turn //Techné: Research in philosophy and technology. – 2010. – T. 14. – №. 1. – P. 36-48.

280. Brey P. The social agency of technological artifacts: A Typology //User Behavior and Technology Development: Shaping Sustainable Relations Between

Consumers and Technol. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2006. – P. 71-80.

281. Brint S., Cantwell A. M. Undergraduate Time Use and Academic Outcomes: Results from the University of California Undergraduate Experience Survey 2006 // Teachers College Record. 2010. Vol. 112. No 9. - P. 2441–2470

282. Brint.St. 2001. Gemeinschaft Revisited: A Critique and Reconstruction of the Community Concept // Sociological Theory 19(1). P. 1–23.

283. Calabrese Barton, A., & Tan, E. A longitudinal study of equity-oriented STEM-rich making among youth from historically marginalized communities. American Educational Research Journal, 2018. № 55(4), P. 761–800.

284. Callon M. Four Models for the Dynamics of Science, in: Sh. Jasanoff (et al.) // Handbook of science and technology studies. Society for Social Studies of Science. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1995. – P. 29-63.

285. Canadian Network for Innovation in Education. Retrieved May 4, 2022 - <https://www.learntechlib.org/p/43189/>

286. Cheny A. Humanisme, esprit scientifique et études byzantines: la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc // Dix-septième siècle. - 2010. № 4.

287. Cole J. W. Anthropology Comes Part-Way Home: Community Studies in Europe // Annual Review of Anthropology. 1977. #6. P 349–378.

288. Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital, American Journal of Sociology. Vol. 94. Supplement. P. 95-120.

289. Corsini, L., Dammicco, V., Bowker-Lonnecker, L., & Blythe, R. The Maker movement and its impact in the fight against COVID-19. 2021. <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/313163>

290. Daniel, B., Schwier, R., McCalla, G. Social Capital in Virtual Learning Communities and Distributed Communities of Practice. Canadian Journal of Learning and Technology / La revue canadienne de l'apprentissage et de la technologie, 2003. №29(3).

291. Décret impérial portant organisation de l'Université, le 17 Mars 1808. № 539 // Bulletin des lois. – Numéro 185. – Electronic text data.: https://archive.org/details/dcretimprialport00_fran/page/2/mode/2up.

292. Delgado J, Siow S, de Groot J, et al Towards collective moral resilience: the potential of communities of practice during the COVID-19 pandemic and beyond *Journal of Medical Ethics*. 2021 - <https://jme.bmj.com/content/47/6/374>

293. Dunlap R.E., Catton W.R. Environmental sociology: A framework for analysis // *Progress in Resource Management and Environmental Planning*. Vol. 1. Chichester, 1979.

294. Ebert, K., Axelsson, L., Harbor, J. Opportunities and challenges for building alumni networks in Sweden: A case study of Stockholm University // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2015. Vol. 37(2). P. 252–262.

295. Gallo, M.L. How are graduates and alumni featured in university strategic plans? Lessons from Ireland // *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*. 2017. Vol. 22(3). P. 92–97.

296. Giner, G.R., Peralt Rillo A. Structural equation modeling of co-creation and its influence on the student's satisfaction and loyalty towards university // *Journal of Computational and Applied Mathematics*. 2016. Vol. 291. - P. 257-263.

297. Goist P.D. City and «Community»: The Urban Theory of Robert Park // *American Quarterly*. 1971. 23(1): 46–59.

298. Halfmann W., H. Radder. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University // *Minerva*. 2015. # 53 (2). - P. 162 - 166.

299. Hayden E. U.S. Corporate experience in transferring industrial technology to the foreign countries. - Leiden, 1994. - P.256 -262.

300. Hennig-Thurau, T., Langer, M. F., Hansen, U. Modelling and managing student loyalty // *Journal of Service Research*. 2001. Vol. 3(4). P. 331–344.

301. Henrich K J.. Communities of Practice at an Academic Library: A New Approach to Mentoring at the University of Idaho, *The Journal of Academic Librarianship*, Volume 36, Issue 2, 2010, Pages 158-165.

302. Hoestaker R. Latour - Semiotics and Science Studies// *Science Studies*. 2005. Vol. 18. № 2. - P. 5–25.

303. Iskhakova, L., Hoffmann, S., Hilbert, A. Alumni Loyalty: Systematic Literature Review // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. 2017. 29:3. P. 274-316.

304. Jensen D.H., & Jetten, J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // *Frontiers in psychology*. 2015. Vol. 6. - P. 1–11.

305. Jones S. Universities under fire: hostile discourses and integrity deficits in higher education. - Cham: Palgrave Macmillan. 2022. – P. 1 - 12.

306. Kasperowski D., Kullenberg C. The many modes of citizen science // *Science & Technology Studies*. – 2019. – T. 32. – №. 2. – C. 2-7.

307. Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. Personal mediated communication and the concept of community in theory and practice // *Communication and community*. Communication yearbook. Vol. 28 / Ed. by Kalbfleisch. Mahwah, 2004.

308. Kieslinger B, Schaefer T, Fabian CM, Biasin E, Bassi E, Freire RR, Mowoh N, Arif N and Melis P. Covid-19 Response From Global Makers: The Careables Cases of Global Design and Local Production. *Front. Sociol.* 2021 №6: 629587.

309. Kilburn, A., Kilburn, B., Cates, T. Drivers of student retention: System availability, privacy, value and loyalty in online higher education // *Academy of Educational Leadership Journal*. 2014. Vol. 18(4). - P. 1–14.

310. Kirschner P. A., De Bruyckere P. The myths of the digital native and the multitasker // *Teaching and Teacher education*. – 2017. – T. 67. – P. 135-142.

311. Koustourakis G.S. Byzantine and medieval university: a sociological approach to covering the gap in Bernsteinian analysis // *Research in Sociology of Education*. No. 1. 2020. – P. 42 - 58.
312. Kramer, B., Zent, R. Diaspora linkages benefit both sides: a single partnership experience // *Global Health Action*. 2019. Vol. 12. P. 1-7.
313. Kumpulainen, Kristiina, Anu Kajamaa, and Antti Rajala. Understanding educational change: Agency-structure dynamics in a novel design and making environment // *Digital Education Review* 33 (2018). P. 26-38.
314. Kurzweil R. The singularity is near // *Ethics and emerging technologies*. – London: Palgrave Macmillan UK, 2005. – C. 393-406.
315. Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / B. Turner (ed.). L.: Wiley-Blackwell, 2008. - P. 141–158.
316. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity // *Systems practice* . 1992. volume 5. - P.379–393.
317. Law J. On Power And Its Tactics: A View From The Sociology Of Science // *Sociological Review*. August 2011. # 34(1). - P. 1 – 38.
318. Leydesdorff L, Etzkowitz H. Triple helix of innovation: introduction *Sci. Public Policy*, 25 (1998). Pp. 358 - 364.
319. Licklider J.C.R., Taylor R.W. The computer as a communication device // Reprinted from *Science and Technology*. 1968. Vol. 76. April.
320. Louise M. Sutherland, Lesley A. Scanlon, Anthony Sperring, New directions in preparing professionals: examining issues in engaging students in communities of practice through a school–university partnership, *Teaching and Teacher Education*, Volume 21, Issue 1, 2005. P. 79-92.
321. Massumi B. *Navigating Movements* / Zournazi M. *Hope: New Philosophies for Change*. - New York: Routledge, 2003. - P. 187 - 228.

322. Mitter, W. A decade of transformation: Educational policies in Central and Eastern Europe. *International Review of Education*. - 2003. - Vol.49, nos. 1-2. Pp. 75-96.
323. Mitter, W. Education for democratic citizenship in Central and Eastern Europe in the mirror of globalization and transformation. In Limage, L. (ed.), *Democratizing education and educating democratic citizens: International and historical perspectives*. New York / London: RoutledgeFalmer, 2001. Pp.141-165.
324. Moore, D., & Bowden-Everson, J.L.-H. An appealing connection – the role of relationship marketing in the attraction and retention of students in an Australian tertiary context // *Asian Social Science*. 2012. Vol. 8(14). P. 65–80.
325. Newman, M.D., Petrosko, J.M. Predictors of alumni association membership // *Research in Higher Education*. 2011. Vol. 52(7). P. 738–759.
326. Novak M. Make room for family democrats // *Washington Star*. 1976. 29 Aug. P. 4.
327. Oldenburg R, Brissett D. The third place. *Qual Sociol*. 1982. 5(4). P. 265–284.
328. Polanyi M. The Republic of Science: it's political and economic theory // *Minerva*. – L. , 2000. – Vol. 38, № 1. – P. 1–21
329. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 2: Do They Really Think Differently? // *Horizon*, 2001. Vol. 9 No. 6, pp. 1-6
330. Putnam, R.D. Bowling Alone: America’s Declining Social Capital // *J.Democr*. 1995. Vol. 6(1). P. 65–78.
331. R. Bond, P. Paterson, Coming down from the ivory tower? Academics’ civic and economic engagement with the community, *Oxford Review of Education*, 31 (3) 2005. pp. 331-351.
332. Ratto M., Ree R., Materializing information: 3D printing and social change, *First Monday*, 2012. #17.

333. Richards G, Hall D. The Community: A Sustainable Concept in Tourism Development? // Tourism and Sustainable Community Development, edited by Derek Hall and Greg Richards. London: Routledge. 2000. Pp. 1–14.

334. Rosenau J.N. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. - Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. - P. 19-56.

335. Scholte B. Toward a Reflexive and Critical Anthropology // Reinventing Anthroology, edited by Dell H. Hymes. New York: Pantheon Books. 1972. Pp. 1–14.

336. Shulman L.S. Theory, practice and the education of professional, The Elementary School Journal, 98 (1998), pp. 511-526 - <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/461912>

337. Sismondo S. An introduction to science and technology studies. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – T. 1. – C. 1-11.

338. Spinuzzi C. Working alone together: Coworking as emergent collaborative activity. Journal of Business and Technical Communication, 2012 (26). – P. 399–441.

339. Stacey M. 1969. The Myth of Community Studies // British Journal of Sociology 20(2). P. 134–147.

340. Stetson G. V., Dhaliwal G. (2020) Using a Time Out: Reimagining Professional Identity Formation after the Pandemic // Medical Education. Vol. 55. No 1. P. 131–133.

341. Stuart M., Lido C., Morgan J., Solomon L., May S. (2011) The Impact of Engagement with Extracurricular Activities on the Student Experience and Graduate Outcomes for Widening Participation Populations // Active Learning in Higher Education. Vol. 12. No 3. P. 203–215.

342. Sweeney J., Liu Q., Evans G. Investigating the Impact of Online Learning on Engineering Students’s Socialization Experiences // Proceedings of the

Canadian Engineering Education Association (CEEA-ACEG) Conference (Charlottetown, Prince Edward Island, 2021, June 20–23). Paper No 50.

343. Technology transfer: New issues, new analysis // *Ann. Amer. Acad. Polit. and Soc. Sci.* -1991. - P. 10.

344. Thévenot L. A Science of Life Together in the World // *European Journal of Social Theory*. May 2007№ 10(2). - P. 233 – 244;

345. Thevenot L. Le régime de familiarité. Des choses en personne // *École des Hautes Études en Sciences Sociales*. January 1994. # 17(1). – P. 72-101.

346. Thiry H., Hug S. T. Sustaining Student Engagement and Equity in Computing Departments During the COVID-19 Pandemic // *SIGCSE'21: Proceedings of the 52nd ACM Technical Symposium on Computer Science Education (Virtual Event, USA, March 13–20, 2021)*. P. 987–993.

347. Tomlinson, M. Forms of graduate capital and their relationship to graduate employability // *Education + Training*. 2017. Vol. 59(4). P. 338–352.

348. Viskovic A. Becoming a tertiary teacher: learning in communities of practice, *Higher Education Research & Development*, 2006. 25:4, - P. 323-339.

349. Weerts D.J., Ronca J.M. Profiles of Supportive Alumni: Donors, Volunteers, and Those Who «Do It All» // *International Journal of Educational Advancement*. 2007. Vol.7. P. 20–34.

350. Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. N 2. P. 221 - 229.

351. Wellman B., Carrington P.J., Hall A. Networks as personal communities // *Social Structures: A Network Approach* / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Cambridge, 1988. P. 130–184.

352. Winner, L. Do Artifacts have politics?// *Daedalus*, 1980. # 109: 121-136.

Диссертации и авторефераты

353. Аксенова О.В. Роль профессионала-актера в российской системе управления. – дисс.... д. соц. наук. – М., 2017. - 48 с.

354. Астахов С.С. Проблема контингентности в акторно-сетевой теории. - Дисс... к. филос. наук. - М., 2017. - 176 с.

355. Ахметова М.Н. Становление готовности студентов к проектированию и реализации педагогических технологий. – дисс. ...д.п.н. - Улан-Удэ, 2006. - 495 с.

356. Баканова Е.А. Технонаука в информационном обществе: социально-философский анализ. - Дисс... к. филос. наук. - Томск, 2019. - 146 с.

357. Гарбузова Г.В. Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ярославль. – 2009. – 22 с.

358. Данилина Ю.А. Трансформация коммуникативных технологий на современном этапе развития информационного общества. Дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2009. – 197 с.

359. Дорохина Р.В. Этические принципы и ценностные установки студенческих корпораций Европы и Северной Америки. - Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – М.: 2013. - 23 с.

360. Комарова С.Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности. Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2002. - 211 с.

361. Малов Е.А. Феномен социальных сетей: акторно-сетевой контекст, теоретико-методологический анализ. Дисс... к. соц. наук. – СПб., 2014. - 236 с.

362. Милых А.О. Тенденции социально-исторической динамики постиндустриального общества и перспективы его развития: социально-философский анализ. – Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 134 с.

363. Михайлов А.И. Методологические проблемы исследования социальных трансформаций. - Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 137 с.

364. Сауткин А.А. Проблема субъекта в современной социальной философии (анализ некоторых критических концепций). – Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Архангельск, 2004. – 26 с.

365. Цуркан Е.Г. Социокультурная динамика и интернет-технологии: социально-философский анализ. - Дисс. канд. филос. наук. - М., 2021. – 244 с.

366. Яблокова Н.И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и развития. – Автореф. дисс. ... д. филос. наук. – М., 2000. – 48 с.

367. Мельничук А.П. Роль национального технологического выбора в развитии внешнеэкономических связей страны. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – 133 с.

Официальные документы

368. Постановление от 29 сентября 2017 года №1184 «О порядке разработки и реализации планов мероприятий («дорожных карт») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

369. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»»

370. Career Guide 2019 - 2020. - California Institute of Technology, 2019.

371. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж.: Издательство «ЮНЕСКО», 2005.

Словари, энциклопедии

372. Большая советская энциклопедия. В 30 тт. / Глав. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1987.

373. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. - СПб: Victory, cop. 2017. - 428 с.

374. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Русские словари, 1994.

375. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012. – 1375 с.

376. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. - 839 с.